
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324511 5

Вас. Немировичъ-Данченко.

ВОЛНЫ.

I. Волны; II. Ночью и днемъ; △ △
III. Собака; IV. На первыхъ порахъ;
V. Русскій художникъ въ Венеціи;
VI. Не отъ міра сего. △ △ △ △

Изданіе пятое Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ
Москва.—1907.

Волны.

Повѣсть.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой—
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой.

Изъ *Фрейлихграта* (перев.
А. Н. Плещеева).

I.

Солнце, море и горы... Какъ хорошо кругомъ, какъ легко дышится, какъ беззаботно живется здѣсь! Кажется, все, что еще вчера туманило мысль и сѣрыми тучами заволакивало измученную душу, отошло далеко.. Такъ далеко, что даже странно дѣлается: было ли это все, или только снилось? Неужели позади оставлены навсегда и сырые туманы, и вражда, и злоба? Дѣйствительность ли этотъ разладъ, или такъ нанесло кошмаръ, и опять его прочь потянулъ южный вѣтеръ туда, на сѣверъ, къ болотамъ, къ сѣрымъ небесамъ, къ мертвящему холоду?..

Солнце, море и горы! Синева-то, синева какая; смотришь и не насмотришься! Все утонуло въ ней: и вершины лиловатыхъ утесовъ, и тихія волны, и глубокое, благоговѣйною тишиною вѣющее на счаст-

ливую землю, мистически-задумчивое небо... Да, вотъ оно счастье, безмятежное, полное, не оставляющее ничему мѣста въ душѣ, ничему, кромѣ сознанія этого праздника природы... Неужели же есть еще гдѣ-нибудь скучныя длящіяся будни? Имъ уже не вѣрится, хотя ихъ пережилъ самъ...

Солнце, море и горы... Солнце горитъ на голубыхъ волнахъ серебряными бликами, волны словно ластятся къ тихимъ берегамъ, разбрасывая на ихъ желтыхъ отмеляхъ бѣлое кружево своей пѣны... Горы смотрятъ и на солнце и на море и не наглядятся. Смотрятъ, убравшись въ зеленыя рощи, въ лиловыя тѣни; смотрятъ, привольно раскидываясь въ тепломъ свѣтѣ... Что тамъ за ихъ утесами? Отъ кого загородился ими чудный край? Кого онъ не пускаетъ сюда?..

Солнце, море и горы... И Алексѣй Петровичъ Верховенскій притворился даже, что не слышалъ, когда чей-то голосъ съ мраморной террасы позвалъ его въ тѣнь и прохладу плотно завѣшанныхъ шторами комнатъ. Солнце, море и горы! Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ ихъ видитъ и любуется ими. Утромъ, просыпаясь, онъ спѣшитъ выйти сюда—и только ночь съ ея таинственнымъ сумракомъ загоняетъ его домой. Мраморная терраса тоже къ лицу всему его окружающему. Отовсюду она заткана лозами винограда, вѣтвями плюща, какими-то розовыми цвѣтами, и стóитъ только лѣнивому вѣтру шевельнуться, чтобы эти легкія завѣсы зашептали и зашелестили нѣжно, мягко и ласково,—такъ ласково, что сердцу даже больно становится,—отчего оно не въ силахъ угадать и распознать этотъ шопотъ... Птица порой слетитъ сюда, уцѣпится за зеленую вѣтку и поетъ-разливается, словно опьянѣвъ отъ этого воздуха, отъ этого аромата кругомъ. По мрамору тер-

расы тѣни перепутавшихся листьевъ и вѣтвей колеблются и дрожатъ вперемежку съ солнечными просвѣтами... А за этимъ сквознымъ занавѣсомъ виды роскошныя, всею полнотою жизни вѣющія магноліи, громадные бѣлые цвѣты которыхъ словно отъ истомы жадно раскрылись солнцу; торжественно молитвенные, стройные кипарисы, стремящіеся отъ земли къ глубокому синему небу, страстныя алыя розы и поблѣднѣвшія словно отъ неизмѣримаго счастья, котораго онѣ не въ силахъ вынести, большія бѣлыя лиліи... А тамъ, за ними—это море,—море съ его немолчнымъ шумомъ, море, которое съ утра до ночи и ночью точно чего-то допрашивается у молчаливой земли и допроситься не можетъ!

— Что же ты, Алексѣй! Дозваться тебя нельзя.

И на террасу вышла красивая брюнетка, слегка нахмуривъ брови, рѣзко очерченныя надъ горячими глазами.

— Я уже думала, что ты ушелъ!—недовольно проговорила она.

— Никуда не хочется отсюда...

— Да вѣдь не убѣжитъ отъ тебя наша терраса. И сегодня, и завтра, и послѣзавтра будетъ она здѣсь же. А тамъ завтракъ ждетъ.

Алексѣй Петровичъ вздохнулъ и вошелъ въ комнаты.

— Лучше бы завтракать на воздухѣ.

— Спасибо. Я и безъ того ни на что не похожа. Загорѣла до неприличія! Да и ты облѣнился совсѣмъ. Посмотри-ка на свои мольберты—не стыдно? Въ Петербургѣ только и говорилъ, что на югѣ заработаешься и все утраченное время наверстаешь. А здѣсь...

Но онъ потянулся къ ней, схватилъ ее за руки и притянулъ къ себѣ.

— Оставь, сомнешь. Причесывалась, причесывалась...

— И еще причешешься. Не велика важность!..

— Лѣнтяй...— слабо отбивалась она.

— Здравствуйте, только васъ недоставало!...

Съ террасы въ комнату торжественно входилъ замѣчательно толстый котъ съ громадною круглою головой.

— Только васъ не хватало, Морданъ, для нашего счастья.

Морданъ отправился въ знакомый уголъ, ткнулся носомъ въ блюдечко и, не найдя тамъ сливокъ, сначала горестно изумился, а потомъ сѣлъ надъ нимъ и грустно замяукалъ.

— Видишь,—засмѣялась брюнетка,—даже Мордана заставилъ ждать.

А Алексѣй Петровичъ не отрывалъ глазъ отъ дверей, въ которыя зеленѣли виноградныя лозы, ярко блестѣли словно лакомъ покрытые листья магнолій и темнѣли важные, суровые кипарисы.

— Вѣдь я,—точно въ видѣ извиненія прибавилъ онъ,—вѣдь я только теперь отхожу отъ тѣхъ тумановъ, отъ того холода... Сколько лѣтъ на сѣверѣ, не видя юга,—было отъ чего замерзнуть... Теперь отогрѣваюсь... Да и *то*... Развѣ *оно* прошло безслѣдно... Еще много надо дышать здѣсь, чтобы отдышаться и прійти въ себя.

При словѣ *то* она нахмурилась, низко наклонила свою голову и, только нѣсколько спустя, проговорила недовольно съ видимымъ раздраженіемъ:

— *То?*.. Значитъ оно еще не совсѣмъ прошло для тебя, не умерло?.. Скажите, пожалуйста, ему, видите ли, надо еще *забыть*. Какъ это *мнѣ* пріятно слышать.. Не отдышался...

— Ты несправедлива, Соня....

— Теперь, разумѣется, я же окажусь виновата.

— Да, ты не права: сучокъ сломаешь—и то въ изломѣ, какъ слеза, капля влаги проступитъ. А сердцу еще и того хуже. Въ изломѣ не сразу болѣть перестанетъ...

— Пожалуйста, безъ глупыхъ сравненій...... Иначе... иначе я, право, пожалѣю, что поѣхала сюда... И оставались вы бы съ *тѣмъ*, чтобы въ изломѣ не болѣло... хороши вы были—нечего сказать.

— Ну довольно... Ты сама знаешь, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи... Кстати же и Морданъ на тебя такъ смотритъ, что самое каменное сердце и то бы расчувствовалось.

Котъ дѣйствительно мягко подобрался, сѣлъ у ея ногъ и не сводилъ съ нея умиленнаго взгляда. Точно проситель въ министерской пріемной.

Она расхохоталась и пошла наливать ему сливокъ.

— Идиллія, — насмѣшливо проговорилъ Алексѣй Петровичъ.

— А вамъ драмы-то еще не надоѣли?

Онъ точно прикусилъ языкъ и замолчалъ.

— Если хотите драмъ, стоитъ только вамъ вернуться въ Петербургъ. Онѣ васъ ждутъ тамъ...

II.

Вилла „Дарсана", гдѣ лѣтъ пять назадъ происходило описанное, находится едва ли не на самомъ лучшемъ мѣстѣ красивой Ялты. Она на углу набережной и Аутскинской улицы. Впереди—море, позади—горы. Домикъ весь прячется въ саду. Вдоволь тѣни и прохлады, и, что лучше всего, въ самую шумную пору здѣсь стоитъ тишина, въ которой такъ хорошо

чувствуется и думается. Когда кругомъ суматоха вовсю и маленькій городокъ кипитъ не надолго просыпающеюся въ немъ жизнью, а толпы петербуржцевъ и москвичей кишмя-кишатъ на его улицахъ,—на виллѣ „Дарсана“ художнику и поэту все-таки легко и привольно. Благодаря саду, которымъ она заслонена отъ цѣлаго міра, ея уединенію не грозитъ ничто. Понятно, что Верховенскій, искавшій покоя и одиночества, выбралъ именно этотъ уголокъ и замкнулся въ немъ, не сказываясь знакомымъ. Послѣ всего пережитаго ему слишкомъ тяжело было бы видѣть людей... Не они ему нужны здѣсь. Алексѣю Петровичу довольно было солнца, моря и горъ, этого вида и этой террасы!.. Лучшаго онъ ничего не хотѣлъ и второй мѣсяцъ уже прозябалъ, забытый всѣми и счастливый тѣмъ, что его тоже забыли...

Въ первые дни, какъ только онъ сюда пріѣхалъ, ему казалось, что краски и освѣщеніе юга заставятъ его работать больше, чѣмъ когда бы то ни было. Онъ разставилъ мольберты, натянулъ холсты на рамы, вынулъ палитры и краски, педантически уложилъ рядомъ кисти. Короче, для будущихъ картинъ было готово все, кромѣ его самого. И души этихъ картинъ уже бродили въ его головѣ, точно ожидая воплощенія, но творецъ бездѣйствовалъ, его суббота продолжалась слишкомъ долго. Не то, что апатія напала на него—нѣтъ. Апатія художника соединяется съ недовѣріемъ къ себѣ, съ упадкомъ силъ, съ полнымъ отрицаніемъ всего уже созданнаго, и сомнѣніемъ въ томъ, что имѣетъ создаться. Верховенскій скорѣе ждалъ—чего? онъ не зналъ самъ. Ждалъ ли той лихорадки работы, когда негодуешь, что день слишкомъ коротокъ, а ночь черезчуръ длинна, когда мысли и образы цѣлымъ

вихремъ проносятся въ головѣ, когда все кругомъ, точно воздухъ электричествомъ, насыщается энергіей труда и творчества?.. Или онъ ждалъ, чтобы первый пасмурный день загналъ его въ комнаты, чтобы провести по полотну только начальные два-три штриха... Онъ зналъ, что тяжелы только первыя родовыя боли созиданія. Потомъ оно идетъ съ головокружительною быстротою, потомъ уже трудно будетъ оторваться отъ мольберта, оставить кисть...

Софья Викторовна не совсѣмъ понимала это. Она думала (и мучилась), что это ея вліяніе такъ тлетворно дѣйствуетъ на любимаго человѣка, что надо ей отойти въ сторону, и онъ ощутитъ приливъ знакомыхъ силъ и возьмется за дѣло. Она нѣсколько разъ добивалась у него:

— Да вѣдь съ тою ты работалъ больше...

— Еще бы. Я прятался отъ нея въ свою мастерскую.

— Ея вліяніе не гасило же въ тебѣ этотъ feu sacrée...

— Фу,—поморщился онъ,—ты совсѣмъ какъ провинціальная дама изъ „умныхъ“ выражаешься... Я тебѣ говорю, что отъ нея я бѣгалъ въ свою мастерскую, а къ тебѣ я спасаюсь отъ работы... Что же ты хотѣла бы лучше, чтобы я отъ тебя искалъ прибѣжища у мольберта?—смѣялся онъ ея недоумѣнію.

Но она озабоченно морщила брови и покачивала головою. Она знала, какою цѣною достался ей любимый человѣкъ. Она понимала, что искусство рано или поздно потянетъ его къ себѣ и боялась, чтобы онъ не проклялъ этого счастливаго настоящаго, такъ много отнимавшаго у него, какъ бы потомъ онъ не упрекнулъ ея. Она, принесшая въ жертву ему все, не вынесла бы такого упрека. Она слишкомъ любила его для этого, и не только его, но и его талантъ.

— Скажи мнѣ, я не слишкомъ глупа для тебя?

Онъ только смѣялся ей въ отвѣтъ...

— Да что же тебѣ мѣшаетъ взяться за дѣло? Вѣдь лѣто пройдетъ, и потомъ ты самъ будешь каяться, что я увезла тебя сюда.

— „Я увезла"... Точно я—сабинянка, а ты—римлянинъ... Ты хочешь знать, что мнѣ мѣшаетъ?—Три вещи: солнце, море и горы... Горы, море и солнце... Дай приглядѣться къ нимъ; дай, чтобы они совсѣмъ сдѣлались дѣйствительностью, буднями и тогда...

— И тогда ты все равно будешь изображать Аннибала въ Капуѣ. Сидитъ на террасѣ и жмурится на солнце, какъ Морданъ на сливки, когда онъ сытъ и больше ѣсть, при всемъ желаніи, не можетъ, а отойти жадность кошачья не позволяетъ... Въ самомъ дѣлѣ, когда я вспомню, какъ ты работалъ въ петербургскихъ туманахъ, даже досадно становится! Бывало, *ваша* (она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ), бывало, *ваша* Анна Алексѣевна капризничаетъ, нервничаетъ, бѣсится невѣдомо отчего, а твоя милость запрется въ мастерскую и съ какимъ-то отчаяніемъ мажетъ кистью свои полотна... Ахъ, какая это пошлая женщина! Какъ вы, вы могли столько лѣтъ прожить съ нею? И какъ прожить! Такъ поддаться ея вліянію, такъ служить ей, именно служить... Зная всю ея глупость, всю ея пошлость! Фи!..

И Софья Викторовна даже разозлилась.

— Ты, кажется, ревнуешь къ прошлому?

— Я?.. Къ ней, къ *вашей* Аннѣ Алексѣевнѣ? Полноте, я не понимаю, какъ я полюбила васъ. Сначала вы мнѣ просто жалки были... До той выставки—помните... А потомъ, послѣ вашего торжества, я окончательно спуталась, не понимая, какъ вы, вы—сила,

талантъ, могущество и можете прыгать на заднихъ лапахъ передъ такою будничною и пошлою дрянью.

Верховенскій поморщился.

— Что, непріятно?

— Нѣтъ. За тебя очень досадно, развѣ можно такъ браниться.

— Надѣюсь, въ данномъ случаѣ ты не за нее обидѣлся?

— Нѣтъ, за тебя! Повторяю тебѣ...

— А вѣдь ты знаешь, что я проплакала цѣлый вечеръ, вернувшись отъ васъ, послѣ той сцены, когда эта... эта... ваша Анна Алексѣевна, заставила васъ играть такую жалкую и глупую роль!.. А какъ все потомъ случилось, я не понимаю, точно туманомъ заслонило эти нѣсколько недѣль, вплоть до той минуты, когда мы вмѣстѣ съ тобой сидѣли въ вагонѣ и ѣхали сюда на югъ.

— Ну, такъ пусть этотъ туманъ уже и все заслонитъ собою, что было. Для насъ началась новая жизнь, надо быть великодушнымъ и забыть старое...

III.

Солнце, море и горы были хороши при всѣхъ условіяхъ и во всѣ часы дня. Налетитъ ли вѣтеръ и нагонитъ тучи съ юга—лиловые утесы потемнѣютъ, море нахмурится и солнце только порою словно зажигаетъ на немъ пожары, прорвавшись въ узкіе просвѣты, въ которые тепло и ласково голубѣетъ небо... Застоится ли солнце въ полдень надъ напоенною его зноемъ и истомившеюся землей—горы точно вздрагиваютъ въ яркомъ свѣтѣ, и скалы ихъ издали кажутся раскален-

ными—до того горячи ихъ краски... Вечеромъ, когда прощальный отсвѣтъ ложится на нихъ, ихъ вершины горятъ, словно костры, и ночная синь, какъ темный бархатъ, одѣваетъ ихъ склоны... Море меркнетъ, меркнетъ и гаснетъ наконецъ, чтобы засвѣтиться опять, но уже медлительнымъ, таинственнымъ и мечтательнымъ сіяніемъ мѣсяца,—мѣсяца, обращающаго южную благоуханную ночь въ какое-то волшебное, фантастическое царство сказочныхъ прелестей и неуловимыхъ чаръ... Алексѣй Петровичъ такія ночи любилъ больше всего. Несмотря на ворчанье Софьи Викторовны, звавшей его домой, онъ упорно оставался сидѣть у моря. Онъ уходилъ со своей террасы и изъ своего сада на набережную, гдѣ была у него любимая скамейка. Позади смутно обрисовывались магноліи и кипарисы виллы „Дарсана": впереди, неустанныя, неугомонныя, набѣгали волны одна за другою... Алексѣй Петровичъ слѣдилъ за ними... Вонъ едва-едва намѣчивается впереди темный гребень... Онъ растетъ и растетъ... Точно пухнетъ за нимъ волна... По его краю вспѣнивается бѣлая кайма... Еще нѣсколько мгновеній—и подъ ногами Алексѣя Петровича, круто выгибаясь, вдругъ подымается набѣжавшій валъ, съ глухимъ и зловѣщимъ грохотомъ разбивается о береговой выступъ и отбѣгаетъ назадъ, обезсиленный, съ однообразнымъ шорохомъ, сдвигая мелкіе камни... Только бѣлая кайма его пѣны одна остается на отмели, умирая въ фантастическихъ узорахъ. А тамъ, впереди, рождается на смѣну другая волна, еще темнѣе, еще круче, еще величавѣе... Алексѣй Петровичъ сначала любовался ими, потомъ безсознательно сталъ ихъ слушать. Именно безсознательно. Ударъ за ударомъ, грохотъ и шорохъ, журчаніе мелкихъ отбѣгающихъ струекъ, всплески встрѣтившихся гребней—

вся эта музыка моря мало-по-малу давалась ему, и чѣмъ онъ меньше о ней думалъ, тѣмъ болѣе понималъ ее... Собственно говоря, въ такія минуты умъ его былъ занятъ совсѣмъ другимъ. Въ головѣ пробѣгали тысячи мыслей, рождались, жили и умирали образы изъ прошлаго, грезы о будущемъ—и рядомъ немолчно говорило море, всегда попадая въ тонъ ему, никогда не нарушая его покоя, никогда не отгоняя его воспоминаній и не противорѣча его мечтамъ... Оно, какъ хорошо сыгравшійся оркестръ, только оттѣняло исполнявшуюся въ его душѣ вокальную пьесу. Волна за волною, ритмическія и звучныя, неслись къ нему съ цѣлыми вереницами новыхъ образовъ, думъ и впечатлѣній... А мѣсяцъ задумчиво свѣтилъ съ осіяннаго имъ неба и тихія кроткія звѣзды мерцали въ дивныхъ глубинахъ... Иногда, далеко-далеко, среди морского простора, загорался желтый огонекъ. Какое-нибудь суденышко шло мимо... Часто на свѣтломъ бликѣ луннаго отраженія вдругъ, чернѣя вся, вырисовывалась неожиданно въѣхавшая въ него лодка. На минуту, тоже черная, рѣзко выдѣлялась надъ нею фигура гребца, чтобы вмѣстѣ съ лодкой въ слѣдующее мгновеніе исчезнуть въ сумрачномъ морѣ... безъ слѣда... И опять мысли за мыслями, волны за волнами... И въ мысляхъ и въ волнахъ были одни и тѣ же, ритмическія, правильныя, одни и тѣ же гармоническія сочетанія. И когда Алексѣй Петровичъ, наконецъ, вставъ, шелъ къ себѣ, вслѣдъ долго еще говорили понятныя ему волны... Онъ затворялъ желѣзныя сквозныя дверцы виллы, входилъ въ тихій и теплый мракъ аллей, гдѣ сильно пахло кипарисами и цвѣтами магнолій... Онъ терялся подъ ними, сливался съ тьмою, изъ которой только вверху выдѣлялись осіянныя вершины деревьевъ,

а волны все продолжали говорить ему. Даже когда въ постели онъ смыкалъ усталыя вѣки, ему чудился тотъ же спокойный и могучій шумъ моря... Часто, когда поднимался вѣтеръ, море становилось грознымъ; словно чѣмъ-то недовольныя, волны вырастали и съ бѣшенствомъ неслись въ спокойные берега. Будто испуганныя ихъ стихійною угрозой, безпомощно колыхались вершины кипарисовъ, шумѣли листья магнолій и на террасѣ трепетали виноградныя лозы и цѣпкія вѣтви плюща... Когда въ такія ночи Алексѣй Петровичъ сидѣлъ на своей любимой скамьѣ у берега, ему казалось, что валы именно на него несутся съ неудержимою силою, что они сметутъ его прочь и увлекутъ съ собою въ хмурое и одичавшее море... Но они только бросали въ лицо ему свои брызги и пѣну и уходили прочь, довольствуясь его безсознательнымъ страхомъ...

— Долго ты еще будешь сидѣть здѣсь?—приходила къ нему Софья Викторовна.

Онъ словно просыпался, съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и, только узнавъ ее, спрашивалъ:

— А что?

— Мнѣ одной жутко и скучно... Пойдемъ...

И онъ шелъ чрезъ колыхавшійся и шумѣвшій тоже подъ вѣтромъ садъ, чрезъ аллеи, полныя теперь шороха и призрачнаго движенія, на террасу, по мрамору которой бѣгали бѣлыя пятна луннаго свѣта, прорывавшагося сюда сквозь колеблющіяся завѣсы оцѣпившей ее отовсюду зелени...

— Что ты тамъ сидишь одинъ? — ревниво спрашивала Соня.

— Я не одинъ,—смѣялся онъ.

— Съ кѣмъ же ты?

— Съ моремъ... Мнѣ говорятъ волны... Много говорятъ.

— Нельзя ли подѣлиться, что онѣ говорятъ тебѣ?..

— Много!..—И онъ хмурился...—Много...

И часто онъ скользилъ по ней загадочнымъ и печальнымъ взглядомъ.

О чемъ ему говорили волны? Почему послѣ всякой безмолвной бесѣды съ ними онъ съ такою грустью слушалъ Соню?.. О чемъ болѣло его сердце?..

IV.

Сначала волны точно вмѣстѣ съ нимъ радовались его счастью. Онѣ бились согласно съ его сердцемъ и убаюкивали память о прошломъ, чтобы въ ней было меньше горечи и скорби. Алексѣй Петровичъ, слушая ихъ, погружался въ состояніе какого-то неизмѣримаго покоя. Точно все кругомъ замерло, и онъ тоже замеръ со всѣмъ міромъ; потомъ ему стало казаться, что прошлаго никогда не было, что всю свою жизнь онъ сидѣлъ здѣсь, на берегу, и такъ же, какъ сейчасъ, слушалъ море. Если существуетъ Нирвана—это была она; онъ уходилъ въ нее съ головою и радовался ей. Ни заботъ, ни старыхъ огорченій, ни опасеній за будущее... Такимъ образомъ мало-по-малу прошлое теряло для него всю свою остроту. Оно уже не оскорбляло его, не наводило унынія. Напротивъ, также мало-по-малу подъ говоръ волнъ оно стало выходить изъ Нирваны, моментами воскресало передъ нимъ, и Верховенскій уже видѣлъ въ немъ не однѣ тѣни. Проступали свѣтлыя минуты, порывы радости, и многое случившееся *тамъ* здѣсь являлось передъ нимъ уже

въ иномъ освѣщеніи. Когда прошла лихорадочная раздражительность оскорбленнаго чувства, когда состояніе мертваго покоя залѣчило старыя раны и „въ изломѣ“ перестало болѣть, Алексѣй Петровичъ сталъ различать лучше и убѣждался, что не всегда онъ былъ правъ и передъ своею совѣстью и передъ *тою*, оставленною въ петербургскихъ туманахъ женщиной. За многое наединѣ съ собою здѣсь онъ начиналъ краснѣть; многое, необъяснимое со стороны *той*, теперь казалось ему яснымъ. Чувство ненависти и униженія еще жило въ его душѣ,—всѣми своими силами онъ возмущался противъ *ея* глупости и пошлости, противъ того будничнаго міра низменныхъ инстинктовъ и грошовыхъ интересовъ, которые она всегда создавала вокругъ, противъ ея сомомнѣнія, которому, безъ всякаго права на это, она приносила въ жертву его и его достоинство. Онъ еще бѣсился на ту глупую роль, на ту смѣшную роль, которую она заставляла играть его, но онъ уже смотрѣлъ спокойнѣе на себя, точно видѣлъ себя со стороны и разсуждалъ о себѣ, какъ о постороннемъ; злясь на *ту*, уже начиналъ обвинять и себя во многомъ. И, точно радуясь этому, волны все громче и громче бились въ берега, шумнѣе шуршали каменья, когда онѣ уходили назадъ, шире ложились бѣлыя кружева пѣны и веселѣй летѣли ему въ лицо холодныя брызги... „Надо быть справедливымъ“, говорилъ онъ и, разъ ступивъ на этотъ путь, уже видѣлъ, что еще пройдетъ нѣсколько дней, и онъ оправдаетъ въ памяти прошлаго многое, чему до сихъ поръ не находилъ извиненій... Часто вдали, въ зеленыхъ гребняхъ вскидывавшихся волнъ, мерещились ему круглыя и черныя тѣла дельфиновъ, кувыркавшихся въ морѣ, порою на берегъ выбрасывало прибо-

емъ разбившуюся кефаль... Онъ по цѣлымъ часамъ наблюдалъ, какъ суда качались на мертвыхъ якоряхъ: то носомъ клюнетъ внизъ, въ размоину, оставшуюся отъ отхлынувшаго моря, то сядетъ на хвостъ—а носъ торчитъ высоко-высоко, то ляжетъ на бокъ — вотъ-вотъ уйдетъ съ мачтами въ воду, но набѣгаетъ новая волна, и онѣ, эти мачты, медлительно подымаются, останавливаются на мгновеніе прямо надъ моремъ, чтобы тотчасъ же перевалиться на другую сторону. И какъ качало лодки здѣсь!.. Казалось, налетитъ волна—и щепки не останется; и волна налетала, разомъ вздымалась надъ бортами лодки зеленою, оперенной бѣлою пѣной стѣною, но еще мгновеніе—и лодка взмывала наверхъ, вся обрисовывалась съ килемъ на воздухѣ и падала на противоположную сторону, точно уходя въ какую-то бездну, гдѣ ея не было видно вовсе... Но вотъ вырастала новая стѣна, и лодка опять замирала надъ нею... Алексѣй Петровичъ слѣдилъ и за волнами и за лодками, слѣдилъ и за блестящими черными тѣлами дельфиновъ и за арабесками пѣны въ зеленыхъ размоинахъ—и вдругъ ни съ того ни съ сего, казалось, въ самый неподходящій моментъ, произносилъ:

— Да, въ этотъ разъ я былъ очень виноватъ, очень... А она, пожалуй, и права...

И рядомъ съ движеніемъ неугомонной стихіи въ его душѣ смѣнялся приливъ и отливъ какихъ-то до сего совсѣмъ невѣдомыхъ ему чувствъ, и также, какъ лодки и суда на взбѣшенныхъ волнахъ, колыхались и въ немъ, то уходя на самое дно, то опять вскидываясь кверху, казавшіяся ему незыблемыми чувства вражды и злобы. Часто онъ ихъ и не видѣлъ вовсе,—такъ ихъ покрывали волны новыхъ ощущеній. А море все шу-

мѣло и говорило, и все яснѣе и яснѣе онъ, слушавшій его, понималъ этотъ шумъ и говоръ. Все это время стоялъ легкій юго-восточный вѣтеръ, не дававшій вовсе успокоиться зыби. Часто въ говоръ волнъ вмѣшивалась печальная, словно о чемъ-то тоскующая татарская пѣсня, охватывавшая душу Алексѣя Петровича невыразимою и безпредметною печалью, подъ вліяніемъ которой ему становилось жалко даже тѣхъ, кого онъ имѣлъ причины ненавидѣть. Въ такія минуты ему хотѣлось быть одному, и даже ласковый голосъ Софьи Викторовны вовсе его не радовалъ.

Какъ-то онъ ушелъ послѣ обѣда на свою скамью и просидѣлъ тамъ до заката солнца... Сони не было,— она уѣхала кататься съ цѣлымъ обществомъ знакомыхъ. Алексѣй Петровичъ зналъ, что она, слишкомъ любившая верховую ѣзду и неутомимая въ сѣдлѣ, не вернется раньше ночи. И, правду сказать, вовсе не огорчался. Для нея это было единственнымъ отдыхомъ отъ монотонной жизни, которую она вела съ нимъ. Она возвращалась вся разгорѣвшаяся, со смѣхомъ на устахъ, шумная; ему казалось, что какой-то чуждый вихрь врывался на его террасу, въ его молчаливыя, словно къ чему-то прислушивавшіяся комнаты. Она отводила душу на этихъ прогулкахъ...

Сегодня солнце заходило между двумя тучками... Оно точно пріостановилось между ними, и Алексѣю Петровичу казалось, что какое-то ярко пылающее око смотритъ на него оттуда. Вечера здѣсь коротки—ночь голубая, мечтательная, прозрачная прохладнымъ сумракомъ быстро смѣнила теплый и душный день... Волны сегодня говорили громче, чѣмъ когда бы то ни было, и, прислушиваясь къ нимъ, Верховенскій пропустилъ даже топотъ копытъ по мостовой и веселые голоса...

Онъ ихъ различилъ только тогда, когда сіяющая, свѣжая, точно вся опрысканная росой, Софья Викторовна остановилось надъ нимъ... Лошадь ея фыркала и тяжело дышала, втягивая въ себя бока... Очевидно, она заморилась сегодня на бѣшеной скачкѣ...

— Здравствуй, бирюкъ! — крикнула ему Соня.—Ты все здѣсь?

— Видишь...—довольно угрюмо отвѣчалъ онъ.

— Домой!.. Я устала страшно, а ты, я думаю, достаточно насидѣлся.

— Да, совершенно достаточно!

Мѣсяцъ ужъ свѣтилъ, звѣзды горѣли, ночь холодѣла, и призрачныя тѣни уже скользили по темному саду. На террасѣ точно колебались лунные просвѣты. Черные, отраженные на мраморѣ листья обрисовывались рѣзко. Цикады кричали такъ, что отъ нихъ звенѣло въ ушахъ. Казалось, что это поютъ самые листья, каждый листокъ — тонкимъ, серебристымъ голосомъ. Весь садъ былъ полонъ этимъ звономъ... Лежа въ постели, Алексѣй Петровичъ долго еще прислушивался къ нему...

V.

— Тебѣ было очень весело?—спросилъ Алексѣй Петровичъ ночью, замѣтивъ, что Сонечка проснулась.

— Когда? сегодня?

— Да.

— Очень. Компанія, знаешь, подобралась великолѣпная. Этотъ Одарченко влюбленъ въ меня немножко и, въ чаяніи украсить тебя рогами, изъ себя выхо-

дилъ. Онъ и джигитовалъ, и черезъ камни перескакивалъ, и я не знаю, что еще дѣлалъ.

— Дуракъ!

— Нѣтъ, онъ не глупъ,—засмѣялась Софья Викторовна,—и... очень красивъ, надо отдать ему справедливость... Во всякомъ случаѣ не такой хмурка, какъ ты... Онъ началъ было уже на твой счетъ прохаживаться, но я его оборвала разомъ.

— Напрасно трудилась!

— Ты не ревнивъ?

— Не приходилось. Не знаю, можетъ-быть, и ревнивъ.

— А ты проскучалъ весь день?

— Я?.. — затруднился Алексѣй Петровичъ. — Я?.. Право, не знаю... Кажется, нѣтъ.

А, впрочемъ, скучалъ онъ или нѣтъ? Сидѣлъ цѣлый вечеръ и часть ночи слушалъ море. Не замѣтилъ, какъ пробѣжало время... Значитъ, не скучалъ.

— Ну, я спать хочу. Прощай, не буди меня завтра.. Можетъ-быть, Одарченко во снѣ увижу...

— Съ Богомъ!—улыбнулся Алексѣй Петровичъ.

Ему не спалось.

Сначала цикады мѣшали, звенѣли во-всю... Потомъ, должно-быть, вѣтеръ поднялся,—вѣтви стали въ окна стучаться, море, примолкшее было, заговорило опять. Ударъ за ударомъ. Сначала Верховенскій не обращалъ на нихъ вниманія, потомъ они стали съ настойчивою правильностью повторяться одинъ за другимъ... Разъ, два, три... четыре... пять. Онъ уже считалъ ихъ, отмѣчая болѣе сильные отъ слабыхъ.

— Что̀ это? Море?—сквозь сонъ спросила Соня.

— Да, оно...

— Ты сегодня и не поцѣловалъ меня, милый...

Несмотря на вѣтеръ, небо, насколько было его видно въ окно, оказывалось чисто. Луна горѣла какъ-то преувеличенно ярко. Магнолія передъ спальнею серебрилась каждымъ листкомъ своимъ, и только темный кипарисъ рядомъ стоялъ величавый, торжественный и печальный. Его не скрашивало сіяніе мѣсяца, онъ еще чернѣе казался среди освѣщенныхъ раинъ. Соня заснула крѣпко. Алексѣй Петровичъ поднялся на локти и сталъ всматриваться въ нее. Какая свѣжая, яркая красота! Немного чувственны эти губки, но чистый, дѣвственный лобъ умѣряетъ ихъ страстность... И какъ хороши эти волосы! Устала, не заплела на ночь. Завтра станетъ чесать ихъ, вырывая цѣлыми клочьями. Ишь, какъ по подушкамъ разсыпались. Верховенскій приподнялъ ихъ и свернулъ. Все меньше запутаются. Онъ наклонился и тихо поцѣловалъ ее. Она улыбнулась ему во снѣ и обвила его шею рукою. Теперь ему поневолѣ пришлось лежать неподвижно, чтобы не разбудить ея... Не спалось. Алексѣй Петровичъ долго смотрѣлъ въ окно, прислушивался къ прибою моря, потомъ смыкалъ глаза, дѣлая усилія заснуть, но все было напрасно. Сонъ, какъ выражались въ старину, бѣжалъ отъ него. Онъ сначала думалъ, что это отъ жары, тихо высвободилъ сначала шею отъ ея руки, но и отъ этого ему было не легче. Сбросилъ одѣяло. Прохлада охватила его отовсюду своею мягкою, ласкающею волной. Прохладенъ былъ воздухъ, прохладна была подушка; онъ на минуту забылся было и задремалъ, но тотчасъ же опять широко открылъ глаза и неотступно засмотрѣлся въ окно. Какая эта вѣтка такъ рѣзко вырисовалась на немъ вся, колышется, шуршитъ по стеклу. Другая стучится въ него, точно, испугавшись вѣтра, въ комнату просится ..

Что-то дѣлаетъ теперь *та*!

Онъ даже вздрогнулъ отъ этой, совершенно неожиданно пришедшей ему въ голову мысли. Что̀ она дѣлаетъ? А ему какое дѣло... Пусть дѣлаетъ, что̀ ей угодно. Ужъ, разумѣется, не *онъ* станетъ интересоваться этимъ. Ему-то она поперекъ горла стала. Только и отдышался теперь. Пожалуй, такъ же не спитъ, какъ онъ здѣсь, и такъ же смотритъ въ окно на бѣлую петербургскую ночь... Какъ сильно должна страдать она. Собственно говоря, вѣдь она очень несчастна. Взбалмошна, глупа, банальна, но... но она любила его... И до сихъ поръ любитъ, навѣрное. Раздражительна... Ну, это, впрочемъ, не отъ нея. Больная, съ разбитыми нервами, съ му̀кою неоправдавшихся ожиданій въ душѣ, поневолѣ стала раздражительной и придирчивой свыше мѣры. И у нея были просвѣты—нервы успокоивались, и характеръ ея значительно мѣнялся въ такіе періоды. Даже и глупость ея неособенно замѣтно выступала тогда. Напротивъ... Странно: вѣдь его друзья и знакомые, такъ жалѣвшіе его (обидное сожалѣніе!), вовсе не считали ее глупой. Нѣтъ. Больной, разбитой... но глупой—нѣтъ Какъ она должна страдать теперь, именно теперь. Одна!.. Одна!.. Она именно всегда боялась оставаться одною. Одиночество пугало ее, доводило до отчаянія, до истерики... А теперь и днемъ, и вечеромъ, и ночью одна... Это ужасно!.. Особенно въ безсонницу... А теперь, подъ вліяніемъ всего пережитаго, у нея, навѣрное, такая именно безсонница... Вѣрно, не выдержала, встала, накинула на себя блузу и слоняется по комнатамъ... Подошла къ окну, приложилась къ холодному стеклу его горячимъ лбомъ и тихо-тихо безмолвно плачетъ... Безмолвно... Жаловаться некому—никто ея все равно

не услышитъ!.. Ночь одна. Эта бѣлая, безглазая, безцвѣтная, петербургская ночь...

Ему стало жутко...

Сердце билось съ какою-то болью. Трудно дышалось. Словно перехватывало горло. И въ вискахъ кровь стучала. Простыня, которою онъ прикрылся, давила его. Онъ сбросилъ ее... Подушка, будто тисками, охватывала голову...

— Соня, ты спишь?

Но въ отвѣтъ слышалось только ея мѣрное дыханіе.

Больная, нервная... Къ ней и относиться надо было, какъ къ недужному ребенку. Развѣ можно серьезно принимать всѣ ея выходки. Положимъ, она была виновата. Притчею для цѣлаго города сталъ онъ. Да вѣдь все, что̀ она ни творила съ нимъ, эти мелкія униженія, эта ревность сумасшедшая... Именно, сумасшедшая. Развѣ ее можно судить, какъ судятъ нормальныхъ людей?.. Разумѣется, нѣтъ и никогда.

Во всякомъ случаѣ не онъ судья ей... Онъ ушелъ— и только... Богъ съ нею. Онъ постарается забыть о ней. Именно забыть. Проклинать ее не за что̀... Она сама теперь несчастнѣе, чѣмъ когда-либо былъ онъ...

И какъ море шумитъ! Чѣмъ больнѣе мысли, тѣмъ и волны его грознѣе бьются въ берега. Нѣтъ, лежать становится совсѣмъ невозможно!.. Совсѣмъ! Такъ можно съ ума сойти...

Алексѣй Петровичъ всталъ, накинулъ на себя пальто и тихо вышелъ на террасу.

VI

Сквозная завѣса плюща и винограда колыхалась. Лунные блики трепетали на мраморномъ полу. Морданъ, спавшій въ углу, потянулся, всталъ и тихо на-

правился къ Алексѣю Петровичу. Съ ласковымъ мурлыканіемъ онъ потерся объ его ноги и, когда тотъ сѣлъ у балюстрады, вскочилъ къ нему на колѣни и мокрымъ носомъ ткнулся ему въ подбородокъ. Садъ весь былъ залитъ сіяніемъ мѣсяца. Оно словно трепетало на деревьяхъ и кустахъ. Пахло розами и лиліями. Какъ только поднялся вѣтеръ, цикады смолкли, и теперь его меланхолическій свистъ слышался по темнымъ аллеямъ, вмѣстѣ съ говоромъ волнъ и шелестомъ встревоженныхъ имъ листьевъ. Ярко освѣщенные цвѣты магнолій казались совсѣмъ серебряными. Розовыя кисти легерстреміи безсильно опустились, какъ слезы, повисшія съ рѣсницъ. Вѣтеръ слегка колыхалъ ихъ и уносился дальше.

— Да, разумѣется, она не такъ виновата... Она невыносима, жизнь съ нею невозможна. Но если бы эта натура была здоровой, и если бы она сама такъ не страдала...

И словно въявь воскресла теперь передъ нимъ оставленная женщина.

Съежившаяся въ глубокомъ креслѣ, съ ногами, закрытыми теплымъ пледомъ... Шторы спущены. Лампа зажигается рано, и желтый свѣтъ ея выхватываетъ изъ потемокъ тоже желтое, высохшее лицо съ большими лихорадочными глазами, такъ подозрительно и ревниво слѣдящими за нимъ. Еще бы, ей досадно все въ немъ: и его привычка къ обществу—какъ художникъ, онъ въ немъ гонялся за типами и идеями, и его здоровье, и сила, сказывавшіяся въ каждомъ его движеніи. Его разговоръ—шумный и веселый, его голосъ—коробили ее. „Потише, пожалуйста, потише,—шептала она поблекшими губами и закрывала глаза отъ внезапно охватывавшаго ее чувства раздраженія.—Развѣ можно

такъ кричать—ушамъ больно! Вѣдь я слышу, пока еще не глухая“... Шаги его—рѣшительные и смѣлые—стали ей невыносимы. „Ты хоть бы посидѣлъ немного!“ морщилась она, когда онъ ходилъ по мягкому ковру ея комнаты. И запахъ этой комнаты—онъ памятенъ ему. Жарко натопленная, продушенная лѣкарствами, насыщенная смѣсью духовъ какихъ-то съ карболкою!.. Здѣсь никогда не отпирались форточки, здѣсь было закупорено все, что̀ могло бы этотъ воздухъ привести въ соприкосновеніе съ наружнымъ... Когда она вставала сама, тогда окончательно становилось невозможно жить дома. Она совалась всюду и всюду вносила съ собою ощущеніе вѣчнаго недовольства... И то не такъ поставлено и это надо унести; наконецъ она принималась сама за дѣло, но на первыхъ же порахъ, утомленная, падала въ кресло и плакала безсильными, больными слезами... Стоило ему уѣхать куда-нибудь по дѣлу, она сидѣла и ждала его возвращенія и при встрѣчѣ пытливо смотрѣла на него, начиная неизбѣжный допросъ: гдѣ онъ былъ, что̀ дѣлалъ, что̀ видѣлъ? И при этомъ въ дрожи ея голоса, въ тонѣ его, въ лихорадочно-загоравшихся глазахъ, въ поблѣднѣвшемъ лицѣ такъ и выражалась безконечная, злобная ревность. По вечерамъ она не ложилась спать, пока онъ не возвращался, и тутъ начинались безобразныя сцены съ плачемъ и упреками, съ истериками и обмороками... Когда къ нему приходилъ кто-нибудь, она жадно прислушивалась, выходила, одолѣвая свою немочь, совершенно некстати вмѣшивалась въ дѣловые разговоры—и компрометировала его всюду и вездѣ, гдѣ только могла... Сама не понимая этого, компрометировала, не сознавая всей несправедливости своей, подымала голосъ и иногда при другихъ устраивала

ему сцены... Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Уйти прочь... и онъ уходилъ, но тогда болѣзнь ея дѣлалась серьезной—являлись доктора, консиліумы. „Что вы дѣлаете, вы убиваете ее!“ говорили ему кругомъ... Онъ отказался отъ женскихъ портретовъ, приносившихъ ему больше всего средствъ къ жизни. Еще бы, она при этомъ высиживала цѣлые сеансы, когда онъ работалъ... Надо сказать, что ея вздорная ревность была совсѣмъ неумѣстна. Несмотря на ея невозможность, на ея ужасный характеръ, онъ не измѣнялъ ей вовсе. Ему не до того было, онъ слишкомъ отдавался своему искусству, слишкомъ любилъ его и, какъ это ни странно, въ его сердцѣ было тогда столько жалости къ этой несчастной, что онъ и не думалъ пользоваться тѣмъ, что само шло ему въ руки. Молодой, красивый, онъ чурался жизни и становился отъ нея подальше. Въ рѣдкія минуты душевнаго просвѣтлѣнія она рыдала, просила у него прощенія, истерически кричала на весь домъ: „Я гадкая, скверная, я знаю, что я не стою тебя, твоей любви... но я не могу, не могу...“, а что „не могу“—такъ и оставалось всегда неоконченнымъ и невыясненнымъ. Все въ ней носило характеръ какого-то психопатическаго порыва. Она ничего не дѣлала просто: и мирилась и сцены ему устраивала съ преувеличеніями невыносимыми. И хуже всего то, что онъ сознавалъ полную невозможность винить ее... Ему и врачи, пользовавшіе ее, говорили: „Вы ея не осуждайте, она по самой болѣзни своей *должна* быть придирчивой, несправедливой... Она станетъ безсмысленно набрасываться на васъ, но вы, пожалуйста, не оправдывайтесь, не защищайтесь, потому что тогда ей будетъ хуже“... А когда онъ молчалъ, она выходила изъ себя и кричала ему: „А, такъ,

значитъ, я дѣйствительно права!“ Онъ не видѣлъ никакого исхода, и часто ему приходила въ голову мысль о самоубійствѣ... Нужна была вся его сила воли, чтобы выносить эту каторгу... И онъ ее выносилъ,—выносилъ долго... Чѣмъ она страдала? Сами врачи не могли опредѣлить этого. Нервы прежде у нея были здоровые, разбились отъ малокровія, отъ какой-то немочи, отъ полнаго упадка всѣхъ жизненныхъ силъ. Она никогда не думала ни о какомъ дѣлѣ. Онъ, желая занять ее, предлагалъ ей многое, она даже и не бралась за это. „Я ни къ чему не годна!“ только и могъ онъ отъ нея добиться. „У тебя есть голосъ—пой!“—„Долго учиться и скучно!“ отвѣчала она... „Я тебѣ купилъ рояль—играй!..“—„Терпѣть не могу музыки вообще...“—„Читай...“—„Ненавижу чтеніе“.—„Чего же ты хочешь?“—„Такъ... Ничего...“ Она ничего не хотѣла и въ то же время ни съ чѣмъ не мирилась... Она не ударила палецъ о палецъ и жаловалась на пустоту жизни и, точно радуясь тому, что судьба послала ей мужа, его же винила и въ этой пустотѣ и въ своей непригодности къ чему бы то ни было...

Ты виноватъ, разумѣется... Я вышла за тебя семнадцати лѣтъ, ты могъ меня пріучить ко всему, пріохотить къ дѣлу, къ занятіямъ!..“

Онъ пожималъ плечами и уходилъ къ себѣ, къ мольберту, чтобы только забыться отъ ея воркотни...

„Видно, не любишь, когда говорятъ правду!“ слышалось за нимъ, и вслѣдъ за этимъ въ его мастерскую являлась она сама со своимъ пледомъ, подушками, запахомъ лѣкарствъ и ревнивой подозрительностью.

Когда онъ выходилъ изъ себя и въ порывѣ сильнаго бѣшенства начиналъ кричать, она смолкала, вся блѣд-

ная, смотрѣла на него широко раскрытыми глазами и безъ чувствъ падала въ кресло... Ее уносили къ себѣ, укладывали въ постель, и потомъ она цѣлыя недѣли боролась со смертью, удерживая его у своей кровати и умоляя не оставлять ея.

VII.

Алексѣю Петровичу стало невыносимо отъ этихъ воспоминаній.

Онъ сбросилъ съ колѣнъ заснувшаго было Мордана и прошелся по террасѣ. Что-то зашуршало въ виноградныхъ сѣткахъ: какая-то сонная птица шарахнулась отъ него въ сторону. Вскочившій было на балюстраду Морданъ только когти выпустилъ да хвостомъ завилялъ отъ досады и потомъ, глядя на Верховенскаго, жалобно замяукалъ. Съ мостовой послышался звонкій топотъ копытъ, и чей-то смѣхъ долетѣлъ оттуда. Далеко-далеко проснулся рояль подъ разсѣянно касавшимися его клавишъ руками и опять заснулъ... А волны однѣ все говорили ему... Говорили, не смолкая, точно онъ не все еще вспомнилъ, точно въ его прошломъ было еще что-то, что̀ нужно было прибавить ко всему только что вновь имъ пережитому и прибавить сейчасъ, сію минуту! Его потянуло къ нимъ, къ этимъ волнамъ...

Онъ тихо спустился внизъ и пошелъ по сонному саду... Въ аллеяхъ ужъ не пахло розами, какъ у него на террасѣ,—напротивъ, ихъ сплошь наполняло густое и тяжелое дыханіе кипарисовъ. Жучка тявкнула было, но, узнавъ его, завиляла хвостомъ и сладко зѣвнула. Какая-то ящерица перебѣжала зигзагомъ облитую

яркимъ луннымъ свѣтомъ дорожку и скрылась въ густыхъ, бѣлыми цвѣтами осыпанныхъ кустахъ... Вотъ и рѣшетка... Онъ попробовалъ—калитка не заперта. Направо и налѣво была пустынная набережная. Море волновалось и кипѣло серебряными взметами пѣны. Берегъ весь былъ взмыленъ ею, и волны, ударяясь въ него, пропадали въ этой шипѣвшей и клубившейся массѣ... Алексѣй Петровичъ сѣлъ на „свою" скамью и по привычкѣ сталъ слушать море. Оно теперь было ему еще понятнѣе, чѣмъ прежде, и каждый ударъ волнъ казался ему новымъ откровеніемъ; онъ прислушивался къ нимъ, удивляясь, почему раньше онѣ не говорили ему того же. Ему досадно было на рѣдкія минуты, когда, отхлынувъ, онѣ смолкали, словно собираясь съ силами, чтобы опять накинуться на влажный берегъ, на отмели, засыпанныя мелкимъ камнемъ, шуршавшимъ вслѣдъ каждому набѣгу раздраженнаго сегодня моря...

Да вѣдь *она* не всегда была такою. Онъ припомнилъ, какъ сумасшедше влюбился въ нее, что за очаровательной дѣвушкой казалась она ему, да не ему одному. Всѣ увлекались ею! Значитъ, было же въ ней что-то такое! И тогда она не казалась ему глупой— напротивъ. Она даже была изящна, чего именно теперь въ ней и слѣда не осталось. Въ петербургскомъ свѣтѣ на нее показывали, какъ на исключеніе. Когда они сошлись? Началось съ того, что его пригласили писать ея портретъ. Нѣсколько сеансовъ понадобилось. Потомъ онъ просилъ ее позировать для картины. Картина на выставкѣ вызвала общіе восторги. Это былъ его первый большой успѣхъ. Она, эта дѣвушка, въ его сознаніи почти нераздѣльно слилась съ идеей его картины, и обѣ стали ему дороги. Да, все это

было. Онъ помнитъ, какъ цѣлые вечера просиживалъ у ея ногъ, съ какимъ обожаніемъ смотрѣлъ на нее,— именно снизу вверхъ, точно она была недосягаема для него, точно онъ былъ гдѣ-то въ преисподней, а она въ самыхъ небесахъ царила... И потомъ это безумство первыхъ мѣсяцевъ ихъ обоюднаго счастья! Надо сказать правду, онъ дорого заплатилъ за нихъ послѣ. Они уѣхали къ себѣ въ деревню и заперлись тамъ ото всего свѣта. Была зима. Снѣга заносили все кругомъ, волки выли, выходя изъ лѣсу, подступавшаго чуть не къ самому саду. Они не замѣчали ничего. Имъ хорошо было вдвоемъ, на ихъ „необитаемомъ островѣ", какъ они называли свой домъ. Потомъ надо было вернуться въ Петербургъ. Она воображала, что и здѣсь они такъ же замкнутся въ студіи; она забыла, что художнику нужна жизнь, свѣтъ, толпа, что иначе его геній гаснетъ, какъ лампада, въ которой изсякло масло. Она хотѣла замѣнить ему все и всѣхъ, но не могъ же онъ вѣчно писать ее и ее одну. Потомъ, заласканная, зацѣлованная, доведенная имъ до самообожанія, она вообразила, что все *ея*, разъ это *ея* — должно быть для него идеаломъ красоты. Она перестала стѣсняться. Она вѣдь для него во всѣхъ видахъ одинаково прекрасна и показала ему такіе виды, какихъ онъ и не воображалъ. Проза широкою волною влилась въ его монотонное существованіе. И какая проза!.. Это все какъ-то случилось разомъ. День безъ всякаго вечера смѣнился ночью. Не оказывалось промежутковъ вовсе. Какъ художникъ, онъ сейчасъ же почувствовалъ, что она становится банальной. Этотъ безпорядокъ, лишенный изящества, эта свобода обращенія, доходившая до неряшества, были ужасны, слишкомъ ужасны. Онъ сталъ уходить, не думая ей измѣнять никогда, и

начались безобразныя сцены ревности, тѣмъ болѣе нелѣпыя и оскорбительныя, чѣмъ менѣе онѣ оправдывались его образомъ жизни. Возвращаясь домой съ запасомъ наблюденій и образовъ, онъ натыкался на истерическіе крики, на безумства влюбленной, потерявшей голову и воображавшей себя обманутою женщиной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ чувствовалъ себя несчастнѣе, тѣмъ она опускалась все больше и больше. Потомъ пришла болѣзнь и довершила остальное.

А какъ онъ любилъ ее въ первое время!

Онъ припоминалъ цѣлые вечера, когда онъ рядилъ ее во всевозможные старинные костюмы, съ такимъ вкусомъ собранные имъ у себя. Какъ шелъ къ ея рыжеватымъ волосамъ и чернымъ глазамъ затканный золотомъ венеціанскій бархатъ, какъ красиво ложились вокругъ ея округленнаго стана изящныя складки сквозного брусскаго шелка, какъ удивительны были ея длинныя косы — эти косы, безпощадно отнятыя у нея потомъ болѣзнью. Онъ помнитъ ихъ... У Софьи Викторовны тоже чудные волосы, но куда же ей до нея, разумѣется, до *нея* въ то счастливое время.

Она была слишкомъ ребенкомъ.

Она не находила въ себѣ силы перенести даже самомалѣйшаго удара судьбы. Она терялась, падала духомъ, и надобны были сверхъестественныя усилія его энергіи, чтобы воскресить ее и заставить оправиться. Она сама часто понимала несправедливость и глупость своихъ выходокъ, упрековъ, сценъ, какія она ему дѣлала, но, сознавая это хорошо, не могла удерживаться отъ нихъ. Точно въ ея натурѣ не было вовсе аппарата, посредствомъ котораго она могла бы управлять собою, не было этого нравственнаго тормоза, чтобы остано-

виться во-время и не итти дальше... Что съ нею теперь?

Опять этотъ вопросъ и опять холодный потъ проступаетъ на лбу у Алексѣя Петровича.

Онъ уѣхалъ послѣ одной изъ сценъ небывалой еще. Онъ бѣжалъ, оскорбленный такъ, какъ даже съ ея стороны не считалъ этого возможнымъ никогда. Онъ, щадя свое достоинство, долженъ былъ отрясти прахъ отъ ногъ своихъ. Онъ ужъ любилъ другую, любилъ Соню, и въ этомъ нашелъ мужество поступить хоть разъ въ эти долгіе годы, мужчина, какъ человѣкъ!.. Но...

Это проклятое *но!*

Но теперь онъ съ ужасомъ думалъ, что дѣлается *тамъ*. Въ немъ, въ силу его прежней любви, въ силу долгой, выработавшейся за нѣсколько лѣтъ привычки жило чувство безконечной жалости къ той искалѣченной нравственно и физически женщинѣ. Именно—жалости. Ему казалось, что онъ на произволъ судьбы бросилъ больного ребенка, что ребенокъ этотъ бьется теперь въ безумномъ отчаяніи, бѣгаетъ по оставленной квартирѣ, зоветъ его и каждую минуту умираетъ отъ страха, безпомощный, жалкій, умѣющій только плакать.

А волны все глуше и глуше шумѣли...

Точно и онѣ были измучены, точно и онѣ теряли послѣднія силы. Тише бились онѣ о берега и, убѣгая по отмелямъ, будто жаловались кому-то. И чѣмъ больше слушалъ ихъ Алексѣй Петровичъ, тѣмъ ужаснѣе чувствовалъ онъ себя...

VIII.

Дня черезъ два море стихло...

Алексѣй Петровичъ, выйдя утромъ, не узналъ его... Кругомъ стояла невыразимая тишина. Все замерло въ природѣ, все задыхалось отъ жары и томилось въ солнечномъ блескѣ. Накалились скалы; горы, лишенныя тѣни, вѣяли зноемъ на замолкшій берегъ. Улицы — пусты. На набережную солнце смотритъ такъ пристально, что Верховенскій скорѣе подался назадъ подъ громадную магнолію... За берегомъ въ безконечность ложится синь недвижная,—такая недвижная, что ему даже странно было думать, что еще вчера взволнованная стихія неугомонными волнами билась въ влажные берега и точно чего-то допрашивалась у нихъ... Суда обсохли совсѣмъ и спали на зеркальной поверхности моря... Только порою на ней вскидывалась кефаль, и долго потомъ оттуда, куда она падала, разбѣгались плавно и медленно круги, доходя до самыхъ отмелей...

Алексѣй Петровичъ невольно зажмурился... Больно было глазамъ.

— Ну, Алеша, теперь самое время ѣхать въ Гурзуфъ.

— Жарко.

— Вотъ еще какой нѣжный,—смѣялась Соня.— Пойдемъ, пойдемъ...

— Загоришь!

— Я ужъ такъ загорѣла, что рукой махнула на себя.

На улицѣ ихъ точно ожгло. На нее, впрочемъ, это не дѣйствовало, она прикрыла его своимъ зонтикомъ...

— Я думаю, въ такой зной и извозчики не тронутся отсюда.

— Мы водой.

— На чемъ?

— На „Героѣ“!

— Это еще что за „Герой“?—засмѣялся Алексѣй Петровичъ.

Онъ сегодня чувствовалъ себя хорошо. Волны нагоняли на него тоску, бередили въ его сердцѣ старыя раны. Улеглись онѣ, и все пошло отлично. Жажда жизни проснулась въ душѣ. Онъ точно помолодѣлъ и, чего съ нимъ давно не было, сталъ даже шутить. Встрѣтился и Одарченко...

— Здравствуйте... Вы все за Соней ухаживаете?

— Кто вамъ сказалъ?..

— Она сама...—засмѣялся онъ.—Ничего... У васъ недурной слогъ.

— Почему вы знаете?—растерялся юноша.

— Мы сегодня читали ваши письма. Знаете, книгъ здѣсь не достать... Очень, очень хорошо. Старайтесь... Когда-нибудь, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь да клюнетъ. Только не сравнивайте душу съ разбитымъ кораблемъ, съ котораго бѣжалъ экипажъ. Во-первыхъ, это старо; и при чемъ тутъ экипажъ, юноша? И вѣдь если бѣжалъ экипажъ, такъ крысы все же остались. Сверхъ того, это подастъ поводъ всѣмъ называть вашу душу экипажною душою, что совсѣмъ нелестно. Да вы не смущайтесь. Соня очень довольна, она даже находитъ, что одно письмо любой модный журналъ напечатаетъ. Очень, очень хорошо... Кстати, помните: „чувствительно“ пишется черезъ *у*, а не черезъ *ю*... Никто не говоритъ *чювство*, говорятъ—чувство... Да вы не конфузьтесь. Приходите завтра обѣдать къ

намъ! Мы васъ ждемъ... Право, вы намъ доставили большое удовольствіе вашею литературой. Помните, ровно къ пяти часамъ... да вы какое вино пьете?..

— Всякое...—терялся тотъ все болѣе и болѣе.

— Совѣтую вамъ всегда пить чужое вино и любить чужихъ женщинъ... И то и другія вкуснѣе будутъ отъ этого... Смотрите же, не опоздайте...

Пароходъ „Герой“ ужъ стоялъ у пристани.

Это былъ крошечный, но ужасно грязный, я думаю, грязнѣйшій изъ героевъ, когда-либо удивлявшихъ міръ. Софья Викторовна, чтобы пройти, не запачкавъ платья, должна была вспомнить канатныхъ плясуновъ, а Алексѣй Петровичъ сразу попалъ въ какую-то лужу, уцѣлѣвшую здѣсь, несмотря на солнце... „Герой“ оказался дѣйствительно героемъ. Онъ ходилъ отъ Ялты въ Гурзуфъ и въ Симеизъ ежедневно, несмотря ни на какую погоду, даже и тогда, когда большіе пароходы, не осмѣливаясь останавливаться здѣсь, шли прямо въ Ѳеодосію... Рядомъ съ Соней сѣлъ какой-то татаринъ съ ужасно сладкими глазами, вѣроятно, не разъ смущавшими петербургскихъ барынь.

— Здравствуй, Абдулъ!—привѣтствовалъ его Алексѣй Петровичъ.

— Здорова, баринъ.

— Кто это тебѣ куртку такую подарилъ?.. Ишь, вся золотомъ расшита.

У татарина глаза стали еще слаще...

— Одна тутъ есть... Каждый день съ ней Учанъ-Су ѣзжу...

— Богатая?..

Тотъ даже зажмурился и языкомъ зачмокалъ.

— Обѣщала лошидъ купить, два лошидъ, три лошидъ.

— Вотъ какъ... Ну, старайся, Абдулка.

— Нельзя стараться!—вдругъ грустно вздохнулъ онъ.

— Почему?

— Вчера она письмо получилъ... Изъ Петербурга мужъ ему сюда ѣдетъ.

— Можетъ-быть, не надолго.

— Нэтъ... весь августъ и сентябрь будетъ здѣсь. Не стоитъ стараться... Афицеръ его мужъ!

Алексѣй Петровичъ весело расхохотался...

— Ты что хмуришься?—обернулся онъ къ Сонѣ.

— Ты бы еще откровеннѣе съ нимъ разговоръ завелъ.

— Не знаю почему, но сегодня мнѣ ужасно хочется надѣлать какихъ-нибудь отчаянныхъ глупостей...

— Чему это обрадовался?

— Давно себя не чувствовалъ такъ легко... Знаешь, эти волны меня раздражали, на нервы дѣйствовали. И вѣдь сколько дней это продолжалось!

— Говорятъ, что здѣсь, какъ подуетъ восточный вѣтеръ, такъ мало-мало на недѣлю волненіе разведетъ... Я все-таки не думала, что у тебя такъ расшатаны нервы!..

Налѣво идиллическіе домики смѣнялись выступами грозныхъ утесовъ, за однимъ изъ нихъ весь на свѣту выступилъ громадный и тяжелый Аю-Дагъ. Какъ разъ въ эту минуту по береговой тропинкѣ ѣхалъ какой-то татаринъ на маленькой лошадкѣ...

— Какъ хорошо!—проговорила Соня.

— Да... ты помнишь это само вѣдь напрашивается:

„Волшебный край—очей отрада!
Все живо тамъ—холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,

Долинъ пріятная краса,
И струй и тополей прохлада,—
Все чувства путника манитъ,
Когда въ часъ утра безмятежный
Въ горахъ, дорогою прибрежной
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага!..“

Только сегодня она не блещетъ и не шумитъ, а совсѣмъ заснула подъ ними и, пожалуй, еще оттого красивѣе.

IX.

Что-то особенно радостное и свѣтлое охватило Алексѣя Петровича, когда они вышли на берегъ въ Гурзуфѣ. Онъ взглянулъ на Соню и въ ея счастливыхъ глазахъ прочелъ выраженіе того же чувства. „Правда, хорошо“, шепнулъ онъ; она отвѣтила ему улыбкой... Прямо передъ ними былъ дивный паркъ, гдѣ все „росло и вонъ рвалось изъ мѣры“. Платаны въ своей задумчивой дремѣ стояли пышные, кидая кругомъ прохладную тѣнь. Кипарисы молитвенно подымались къ темно-синимъ небесамъ, чудныя лагерстреміи сгибались подъ тяжелыми кистями розовыхъ цвѣтовъ, посреди зеленыхъ лужаекъ широко раскидывали свои гигантскіе листья бананы, и красиво протягивали въ знойный воздухъ узорчатую сквозную зелень развившіяся на волѣ латаніи... Изъ тѣни къ свѣту, изъ свѣта въ тѣнь, рука объ руку, шли Верховенскій съ Соней, словно въ какомъ-то очарованномъ снѣ. Въ глубинѣ аллей часто синѣло море,—синѣло и сіяло въ одно и

то же время какимъ-то неописуемымъ голубымъ блескомъ. Оно было недвижно... Волны спали, какъ спали въ душѣ Алексѣя Петровича всѣ, вчера такъ мучительно охватывавшія его воспоминанія...

— Ну, что, развѣ нехорошо я сдѣлала, что увезла тебя въ Крымъ?

— Да, еще бы!

— Тамъ теперь туманъ, дождь въ туманѣ... и твоя жена въ дождѣ...

И она засмѣялась. Что-то, словно облако, нашло на Алексѣя Петровича... Но онъ тотчасъ же засмотрѣлся на горы, покрытыя виноградниками...

— Какъ любилъ этотъ уголокъ Пушкинъ,—задумчиво проговорилъ онъ,—какъ часто въ холодѣ и туманахъ сѣвера онъ мечталъ о немъ...

— Вотъ, вотъ онъ...—крикнула Соня.

— Что такое?

— Платанъ этотъ,—платанъ Пушкина...

Громадное дерево мощно раскидывалось въ ширь и въ высь своими пышными вѣтвями. Оно говорило о полнотѣ жизни и мощи, каждымъ листкомъ своимъ играло съ солнцемъ и, насквозь имъ пронизанное, стояло словно въ золотомъ уборѣ. Стояло одиноко... Словно уважая память великаго поэта, связанную съ этимъ великаномъ, ни одинъ кустикъ не подбирался сюда...

— Вотъ они—„и дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины“, ты помнишь, у Пушкина... Ахъ, какъ хорошо здѣсь, какъ хорошо!

Громадные отели, воздвигнутые нынѣшнимъ владѣльцемъ, не остановили вниманія нашихъ путниковъ. Имъ больше по душѣ была татарская деревушка на скалахъ, куда вела узкая тропинка... Всѣ ея домики

точно обернулись лицомъ къ солнцу и смотрѣли на него во всѣ свои веселыя окна. Онѣ—эти живописныя лачуги — точно ступеньками лѣстницъ покрыли склоны надъ Гурзуфскимъ заливомъ, и, бродя по переулкамъ между ними, Алексѣй Петровичъ любовался красавицами-татарками, глядѣвшими на него наивно, робко и дико, точно лани, готовыя броситься стремглавъ при первой попыткѣ подойти къ нимъ, погладить ихъ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо!..

И чѣмъ выше подымались они, тѣмъ красивѣе, синѣе, ярче мерцалъ внизу голубой заливъ, гуще въ лиловыя краски одѣвались скалы Аю-Дага и царственнѣе выдвигались древнія руины... Остатки Юстиніановскихъ башенъ, величавыя развалины толстыхъ стѣнъ, когда-то грозно хмурившихся отсюда на эту морскую даль... Теперь здѣсь тишина, спокойствіе...

— Дай руку... Такъ мнѣ не подняться! — крикнула Соня.

Верховенскій пріостановился...

— Все точно заснуло кругомъ!.. Молчитъ... И горы и море...

Дѣйствительно, все спало... Спали накалившіеся камни, спалъ мощный Аю-Дагъ, спало море подъ нимъ... Однѣ ящерицы не спали едва шурша, онѣ бѣгали по всѣмъ направленіямъ въ щеляхъ и трещинахъ, да горный орелъ, пробужденный нашими путниками, сорвался съ выступа сѣрой скалы и съ хриплымъ клекотомъ взвился въ недосягаемую высь, широко раскинувъ свои могучія крылья...

Тутъ есть мѣстечко, гдѣ въ старыхъ руинахъ гуще трава и ярче цвѣты... Отсюда Гурзуфскій заливъ кажется озеромъ, сжатымъ съ одной стороны Аю-Дагомъ,

а съ другой—Никита-буруномъ... Долго не хотѣлось уходить Сонѣ. Весь паркъ былъ подъ ея ногами, за татарской деревней, на крыши которой, казалось, можно было вспрыгнуть... Вонъ платанъ Пушкина... Вонъ его старый кипарисъ, торжественный, точно памятникъ... Вонъ пышные кедры, нѣжныя апельсинныя и лимонныя деревья, зеленые лавры... И опять это солнце, море и горы! Горы, солнце и море въ безконечныхъ сочетаніяхъ, оттѣнкахъ, краскахъ, силуэтахъ и отсвѣтахъ.

Счастливый день!...

Долго его будетъ вспоминать Алексѣй Петровичъ. Въ тьму и холодъ его будущаго онъ броситъ не одинъ теплый лучъ... Какъ жаль, что человѣкъ не можетъ удовлетвориться только солнцемъ, моремъ и горами, что въ этой дивной рамкѣ онъ создаетъ сложнѣйшія отношенія и мучится и бьется въ нихъ, не зная, какъ выпутаться изъ имъ самимъ же раскинутыхъ сѣтей. Мучится, бьется и задыхается, когда кругомъ все такъ хорошо, свѣтло и счастливо, когда кроткая и чистая, не знающая безумія и разлада природа, кажется, говоритъ ему: „Живи, смотри и радуйся!.. Живи и любуйся—я не повторяюсь никогда и нигдѣ. Умѣй видѣть, и это будетъ для тебя неисчерпаемымъ источникомъ наслажденія. Умѣй видѣть—каждый новый лучъ мѣняетъ меня, каждая тѣнь даетъ новое выраженіе моему прекрасному лицу...“ И сегодня Алексѣй Петровичъ былъ вѣренъ этому зову: онъ смотрѣлъ и видѣлъ и радовался...

А на далекомъ морѣ уже просыпался вѣтеръ...

Тутъ оно было недвижно, но тамъ его синь потеряла блескъ и прозрачность, потускнѣла и рѣзко отдѣлилась отъ голубого небосклона, съ которымъ

сливалась еще недавно такъ, что корабли, стремившіеся на югъ, казалось, плавали въ небесахъ... Когда Алексѣй Петровичъ сошелъ внизъ къ самому берегу, первая складка начинавшагося волненія уже набѣжала на отмели и нѣжно шевельнула ихъ высохшіе на солнцѣ камешки... За нею шли другая, третья, веселые всплески сверкнули въ бухтѣ, и когда пароходикъ „Герой" шелъ назадъ въ Ялту, его уже покачивали проснувшіяся волны...

Онѣ же подымались и въ душѣ Алексѣя Петровича...

„Тамъ теперь туманъ, дождь въ туманѣ и *она* въ дождѣ", пришла ему на память фраза Сóни... Да, и *она* въ дождѣ и туманѣ...

X.

Волны заговорили опять.

Море расшумѣлось на ночь... Къ утру оно уже бѣшено кидалось на берега, стараясь точно перерасти ихъ своими взмывами. Точно какія-то зеленыя горы подымались надъ землею, перекидывались за начатыя постройки мола и обрушивались на набережную, заливали всю ее вплоть до желѣзныхъ рѣшетокъ дачъ и садовъ... Бѣлыя кружева пѣны свивались и развивались уже не на однѣхъ отмеляхъ внизу, они раскидывались у самыхъ тротуаровъ города... Море перебрасывалось черезъ кровли купаленъ и гнѣвно ревѣло, точно грозя Ялтѣ смыть ее прочь съ этого узкаго прибрежья и унести съ собою въ потемнѣвшую даль. Суда, еще державшіяся на волнахъ, еще не сорванныя съ якорей, часто подымались выше часовни,

выстроенной у самаго моря, и тотчасъ же съ жалобнымъ скрипѣніемъ падали внизъ въ мгновенно раскрывавшіяся у нихъ подъ килемъ бездны. Вмѣстѣ съ пѣною выбрасывало на берегъ доски, какіе-то обломки веселъ, уключины, бочки... Гдѣ-нибудь разбило лодки, и море выплевывала ненужные ему остатки.

Алексѣй Петровичъ уже не сидѣлъ на своей скамьѣ.

Она теперь то и дѣло исчезала подъ зеленою массой воды. Въ слѣдующую ночь, выйдя къ рѣшеткѣ своего сада, Верховенскій видѣлъ, какъ надъ берегомъ подымались точно бѣлые призраки. Подымется, вырастетъ, страшно вырастетъ, вскинетъ наверхъ, словно отъ ужаса, бѣлые длинные рукава своихъ одеждъ и рушится внизъ размывами пѣны и тысячами брызгъ... А вслѣдъ за уничтожившимся призракомъ—другой, третій... безъ конца... И всѣ они одинаково подымаютъ кверху свои руки... Не пугаетъ ли ихъ тотъ мракъ, та буря, что шумитъ теперь въ душѣ этого человѣка, такъ спокойно, повидимому, глядящаго изъ-за желѣзныхъ перилъ своего сада?

Повидимому!

Да, только—повидимому.

Онъ былъ мученикомъ все это время и мученикомъ вдвойнѣ. И за ту, что томилась теперь въ Петербургѣ „подъ дождемъ и въ туманѣ“, и за эту, что пока, счастливая и безмятежная, улыбаясь, засыпала и просыпалась въ этомъ чудномъ домикѣ среди цвѣтущихъ магнолій и кипарисовъ... Что дѣлаетъ та? Какъ сказать, что съ нимъ творится, этой?.. Въ немъ самомъ шумѣли, набѣгали и отбѣгали, вспѣнивались и разбивались волны такихъ воспоминаній, грозно ревѣла буря такихъ сложныхъ и перепутавшихся чувствъ, что иногда ему казалось лучшимъ подойти

къ берегу и дать себя унести настоящему морю въ его таинственныя пучины...

Иного исхода онъ не видѣлъ и встрѣчалъ каждое утро улыбку Сони, какъ виновный, опуская свою голову.

Наконецъ онъ остался одинъ.

Какъ случилось—въ первыя минуты Алексѣй Петровичъ не соображалъ этого. Ему было ясно одно: судьба отдавала его на произволъ самому себѣ. Теперь ничто не могло уже служить для него отсрочкой, оправданіемъ. Онъ могъ самъ рѣшиться, что̀ и какъ ему дѣлать. Соня разъ утромъ получила телеграмму, развернула ее и поблѣднѣла.

— Что это, что это!—растерянно повторяла она.— Вотъ, вотъ...—сама не понимая, что дѣлаетъ, протянула ее Верховенскому.

Тотъ прочелъ.

Телеграфировалъ отецъ: „Умираю... Пріѣзжай проститься. Осталось жить не болѣе недѣли“...

— Я поѣду съ тобою...

— При чемъ же *ты* и *тамъ?*—спросила его Соня. — Отецъ не знаетъ нашихъ отношеній. Ты думаешь, что они обрадуютъ его въ послѣднюю минуту?.. Еще если бы умерла *та*, — съ невыразимою жестокостью подчеркнула она.—*Та*... И къ чему она живетъ, вотъ ужъ именно ни себѣ ни собакамъ!

Она, эта здоровая, сильная женщина, не замѣчала, что подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшей на нее ненависти, она дѣлалась не только несправедлива, но и груба, вульгарна.

— *Та* относительно тебя ни въ чемъ не виновата.

— Недоставало бы только, чтобы *ты* ее сталъ защищать!—съ непослѣдовательностью раздраженной женщины вспыхнула она.

— Во всякомъ случаѣ ты должна ѣхать къ отцу...

— Да, да... Сегодня же... Я успѣю черезъ двое сутокъ въ Кіевъ. Еще, можетъ-быть, застану... Ты не очень станешь скучать здѣсь?

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Развѣ теперь время говорить объ этомъ! Вѣдь... буду ли я скучать или нѣтъ, все равно надо.

— Тебѣ, разумѣется, одинаково, здѣсь я или нѣтъ... Даже, можетъ-быть, безъ меня лучше...

— Какая ты!..—только и могъ проговорить онъ, все больше и больше изумляясь и не понимая, что дѣлается съ нею.

Она расплакалась и пришла въ себя.

Только послѣ слезъ она серьезно обсудила положеніе дѣлъ и живо уложилась. Верховенскій нанялъ ей коляску до Симферополя и проводилъ ее до Алушты. Весь путь за ними гнались волны... Онѣ точно хотѣли дорваться до ихъ колесъ; оставили только у Кастели и опять накинулись на нихъ на набережной Алушты... Имъ точно не хотѣлось упускать свою добычу и, когда назадъ Алексѣй Петровичъ ѣхалъ уже одинъ, начавшее успокоиваться море только гремѣло и жаловалось на что-то... Теперь онъ слушалъ его безъ помѣхи.

Слушалъ и день и ночь...

Дня черезъ три онъ получилъ телеграмму:

„Отцу лучше... Но надежды нѣтъ. Мнѣ придется остаться здѣсь еще недѣли двѣ. Пиши“...

Слѣдовалъ адресъ...

Въ этомъ году восточные вѣтры держались упорно. Ранѣе равноденственныхъ бурь они цѣлыми недѣлями бѣсились по всему простору Чернаго моря. Оно не могло успокоиться или если и успокоивалось, то на день,

на два... Съ отъѣздомъ Сони такихъ дней не было... Волны бушевали почти у самой калитки виллы „Дарсана“, и все время, глядя на нихъ, Алексѣй Петровичъ прислушивался къ тому, что еще глуше и грознѣе шумѣло въ его душѣ...

Наконецъ ему стало невыносимо, и черезъ недѣлю Соня у постели умирающаго отца получила отъ него неожиданную вѣсть:

„Дѣла на нѣсколько дней вызываютъ въ Петербургъ. Выѣзжаю. Телеграфируй пока до востребованія“...

Весь долгій путь ему чудилось, что позади еще слышится дальнее эхо черноморскихъ волнъ. Когда, въ туманъ и дождь, онъ пріѣхалъ, наконецъ, и по влажнымъ, точно заплаканнымъ улицамъ добирался до гостиницы, волны эти, назло разстоянію, зашумѣли еще громче... Стоило ему закрыть глаза—и онъ видѣлъ вскидывающіеся надъ мокрымъ берегомъ бѣлые призраки негодующей бури.

XI.

Онъ только занялъ номеръ въ отелѣ и, не переодѣваясь, пошелъ къ себѣ.

Разумѣется, онъ не могъ остановиться „дома“.

Можетъ-быть, его появленіе нанесло бы еще большій ударъ той женщинѣ, судьба которой поднимала такую бурю въ его душѣ.

Онъ и теперь направлялся къ ней не совсѣмъ спокойно.

Если бы онъ захотѣлъ быть благоразумнымъ, онъ сначала узналъ бы отъ общихъ знакомыхъ, что съ

нею. Но онъ самъ не понималъ, что именно заставляло его такъ спѣшить. И онъ спѣшилъ, взялъ и понукалъ извозчика, точно минутой ранѣе или позже уже не все равно было въ ихъ обоюдномъ положеніи... Улицы за улицами какъ нарочно тянулись ужасно долго. Онъ съ ненавистью смотрѣлъ на дома, смѣнявшіеся одни другими, и когда, наконецъ, извозчикъ свернулъ на Литейную и вдали показались желтыя стѣны того, гдѣ жилъ онъ, сердце его такъ забилось, что онъ остановилъ лошадь и опять пошелъ пѣшкомъ. Онъ бы задохнулся сидя. Движеніе нѣсколько привело его въ себя. Вонъ угловое окно—ея окно... Въ немъ не видать ничего; вѣрно, какъ и тогда, оно занавѣшено плотно. Что-то дѣлается теперь за его тяжелыми гардинами?.. Вонъ другое, но онъ напрасно силится разобрать что-нибудь на ихъ темномъ фонѣ... Не выглянетъ ли кто, не прижмется ли къ холодному стеклу пылающимъ лицомъ, какъ дѣлалъ онъ когда-то?... Алексѣй Петровичъ остановился на противоположномъ тротуарѣ и сталъ всматриваться... Нѣтъ никого и ничего.

Странное дѣло, по всему пути онъ мучился за Соню. Что, если она узнаетъ, что если она пріѣдетъ сама. Теперь же воспоминаніе о любимой женщинѣ какъ-то странно скользило по его сердцу, вовсе не заставляя его сжиматься и биться, какъ оно сжималось и билось, когда въ Ялтѣ онъ думалъ объ этой брошенной здѣсь, что теперь мучится и томится за тяжелыми гардинами того вонъ окна... Соня точно отошла куда-то далеко-далеко. Такъ далеко, что онъ даже не различалъ ея лица, не видѣлъ его вовсе... Не то, что забылъ его, а словно оно было заслонено чѣмъ-то, заставлено...

Наконецъ онъ подошелъ къ дому. Позвонилъ, вызвалъ дворника. Тотъ, увидѣвъ Алексѣя Петровича, сорвалъ съ себя шапку.

— Изволили пріѣхать?.. Ну, слава Богу, слава Богу...

— Что, у меня все благополучно?

— Чего-съ?—растерялся дворникъ.

— Все хорошо дома-то?

— Цѣло... Будьте покойны...

— Я тебя спрашиваю про жену? Здорова она?

— Анна Алексѣевна... Точно что...

— Да говори толкомъ!

— Ихъ... потому что... нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!

— Ихъ, которыя ваши знакомыя дамы увезли... Пріѣзжали и увезли...

— Зачѣмъ?

— Онѣ-съ, супруга ваша то-есть, очень неладны были... Ну, пріѣхали, которыя, значитъ, дамы и взяли ихъ съ собою.

— Что же, хуже сдѣлалось женѣ?

— Не то, чтобы... А только онѣ все головой такъ вотъ качали... И все про себя, про себя что-то...

— Что про себя?

— Разговаривали... Про жисть, значитъ...—дворникъ терялся все больше.

— Кто же въ квартирѣ?

— Никого-съ... Намъ сдана подъ расписку...

— Принеси ключъ и отопри.

Дворникъ побѣжалъ за ключомъ. Алексѣй Петровичъ тихо началъ всходить на лѣстницу. Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ. Такъ подступало къ

сердцу, кружило голову, ноги не держали, подкашивались...

„Увезли... Куда увезли?.. Что съ нею?..“

— Куда увезли?..—спросилъ онъ у дворника, когда тотъ появился внизу.

— Которыя дамы... къ себѣ, значитъ.

— Да кто... У васъ записано?

— Какъ же, помилуйте, мы обвязаны... Кто прописанъ, сейчасъ же отмѣтку, куда выѣзжаютъ. Мы сейчасъ же въ полицію, а полиція—въ адресный столъ...

— Что такое?—ничего не понималъ Алексѣй Петровичъ.—Какой адресный столъ?

— Потому отъ полиціи строжайше... У насъ околоточный новый до всего доходитъ. Одного дня нельзя... Сейчасъ—объявку.

— Да, вотъ что!.. Такъ принеси мнѣ сейчасъ адресъ, куда уѣхала жена...

— Вотъ только отворю двери... Мы квартиру ежедневно провѣтриваемъ... Форточки отворяемъ. На ночь нельзя, потому, сами изволите знать, котовъ у насъ... Эта, которая, сусѣдняя старушка, одна ихъ шесть штукъ держитъ, ну, и отъ прочихъ приблудныхъ тоже весьма безпокойно... Такъ я справлюсь сейчасъ...

И дворникъ опять побѣжалъ къ себѣ.

Мѣсяца три только оставилъ Алексѣй Петровичъ эту квартиру, а какъ она чужда ему... Даже страшно войти... Что съ нею, съ тою, которую увезли... Онъ схватился за голову и упалъ въ кресло... Все какъ было... Ему чудится, что изъ комнаты рядомъ сейчасъ послышится ему сухой кашель и звонокъ... Нѣтъ, все тихо, но какъ страшна эта тишина! Какъ она давитъ его, душитъ... Прямо передъ нимъ на стѣнѣ—портретъ. Большой, яркій... Какая красавица!.. Онъ хорошо

помнитъ ее такою, самъ рисовалъ ее въ первый періодъ ихъ любви! Какая красавица!.. И какъ смѣло смотрятъ эти большіе, потомъ потухшіе и ставшіе такими робкими глаза. Какъ поблекли эти щеки, заострились и исхудали всѣ черты изящнаго лица... Какая темь легла потомъ на него!.. Вонъ и тотъ портретъ тоже написанъ имъ... И вездѣ она... она... Онъ всталъ и пошелъ въ ея комнату... Все, какъ при ней, даже пледъ на полу передъ кресломъ, какъ сбросила его съ ногъ, уходя, такъ онъ и остался... Въ каминѣ напротивъ—зола... На столикѣ склянки съ лѣкарствами. Его портретъ внизу, на полу, подъ столомъ. Алексѣй Петровичъ наклонился и поднялъ. Стекло разбито. Должно-быть, судорожнымъ движеніемъ руки уронила нечаянно... Гардины спущены... Полумракъ... Нѣсколько лѣтъ выжила она въ этомъ полумракѣ... Нѣсколько долгихъ лѣтъ... День за днемъ, часъ за часомъ... И опять ея лицо смотритъ со стѣны счастливое, улыбающееся, полное жизни... Эта длинная прядь волосъ, падающая на плечо... Тогда она поднялась утромъ съ постели; именно такою онъ и набросалъ ее, какъ она была—свѣжей, изящной, еще полной покоя и тишины счастливо проведенной ночи... На ея подушкѣ брошены розы. Онъ принесъ тогда ихъ и разсыпалъ кругомъ... Какъ ярки онѣ... И какъ къ лицу ей. Были! Да, это она, онъ помнитъ, какъ онъ цѣловалъ эти длинныя ручки, какъ заглядывался въ эти ясные, ему одному немеркнущимъ свѣтомъ сіявшіе глаза...

— Пожалуйте...

И дворникъ протянулъ къ нему записку.

— А, къ Куницынымъ!—обрадовался Алексѣй Петровичъ.

Ему стало легче. У нихъ ей будетъ спокойно... Добрые, хорошіе люди, искренно любившіе и его и ее.

— Сейчасъ переѣдете?...

— Нѣтъ... Подожду... Я пока въ гостиницѣ остановился.

И онъ вышелъ вонъ.

XII.

„Что это еще значитъ? Зачѣмъ она головою все такъ вотъ качала?“ думалъ Алексѣй Петровичъ, проѣзжая въ другой конецъ города къ Куницынымъ и вспоминая разсказъ дворника... Какъ встрѣтиться съ нею?.. Чѣмъ объяснить свой нежданный отъѣздъ послѣ той глупой и пошлой сцены? Гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ? Вѣдь говорить съ нею, какъ съ взрослымъ и здравымъ человѣкомъ, нельзя. Совсѣмъ нельзя! Она—ребенокъ, больной и нравный... Но все-таки ребенокъ.

И опять эти волны... Онъ положительно слышитъ ихъ сквозь грохотъ извозчичьихъ колесъ по мостовой, сквозь шумъ и крики, охватывающіе его отовсюду... Точно назло разстоянію, отзвучія ихъ доносятся сюда, доступныя только ему одному... Онѣ будто торопятъ его, напоминаютъ ему о чемъ-то... О чемъ?

Онъ мучился, пока доѣхалъ до Куницыныхъ.

— Дома?—спросилъ онъ у горничной, отворившей ему двери.

— Барыня дома...

— Попроси ее сюда на минуту.

Онъ былъ такъ ажитированъ, что та даже не пригласила его войти, а побѣжала за хозяйкой.

— Наконецъ-то, наконецъ-то вы пріѣхали!...

— Ради Бога, что съ женой?...

Куницына какъ-то странно посмотрѣла на него, хотѣла что-то сказать, но запнулась и, еще помолчавъ, вдругъ чуть не вскрикнула ему:

— Войдите же, войдите... Не на лѣстницѣ разговаривать!..

— Да, но тамъ я встрѣчу ее... Мое появленіе...

— Ея вы не встрѣтите...—загадочно какъ-то уронила Куницына, и Алексѣй Петровичъ вошелъ за нею. — Ея вы не встрѣтите...

— Мнѣ сказали, что она здѣсь.

— Да... была здѣсь... Точно, была. Садитесь.

— Ради Бога, что же съ ней? гдѣ она?

— Приготовьтесь, Алексѣй Петровичъ, къ самому худшему...

— Умерла?—вырвалось у него.

— Лучше бы... Лучше бы, если бы умерла... Я нашла ее въ ужасномъ состояніи...—Куницына говорила безпорядочно, какъ будто ей трудно было совладать съ собою, она торопилась и старалась не глядѣть на Верховенскаго. — Въ ужасномъ! Ко мнѣ пріѣхалъ докторъ нашъ и говоритъ: „Ради Бога, поѣзжайте скорѣе къ Верховенской...“ Я, разумѣется, сейчасъ къ ней... Сидитъ, качается изъ стороны въ сторону... Глаза безсмысленные, смотритъ куда-то вдаль, меня не видитъ. Заговариваю—не слышитъ, только и повторяетъ одно: „Уѣхалъ, бросилъ, забылъ!..“ Кое-какъ съ докторомъ мы ее привели въ себя. Она смотрѣла-смотрѣла на меня, заплакала и опять это: „Уѣхалъ, бросилъ, забылъ!..“ Я увезла ее ко мнѣ, а она по пути все: „Куда вы меня везете, куда?.. Я къ мужу хочу, отвезите меня къ мужу...“ Нѣсколько дней про-

жила она тутъ и ничего, кромѣ „уѣхалъ, бросилъ, забылъ“, я отъ нея не слышала. И если бы вы могли себѣ представить, какимъ тономъ она говорила это. Смотритъ въ упоръ въ одну точку, раскачивается и повторяетъ, да такъ, что всѣ плакали кругомъ: „Уѣхалъ, бросилъ забылъ...“ Докторъ добивался, не было ли въ ея роднѣ помѣшанныхъ, не наслѣдственное ли у нея нервное разстройство... Вы не знаете?

Алексѣй Петровичъ, сидѣвшій молча, уронивъ голову на руки, потупился.

— Что вы спрашиваете?.. Да, о родныхъ... Нѣтъ, всѣ ея родные здоровые, я знаю ея мать, бабку, отца, дѣда, только это все здоровые люди.

— Значитъ, наслѣдственнаго ничего.

— Ничего, рѣшительно ничего. Не томите, ради Бога. Чѣмъ же все это окончилось?

— Созвала я консиліумъ, приказали отвезти ее и помѣстить къ доктору ***.

И Куницына назвала одного изъ наиболѣе авторитетныхъ психіатровъ.

— И все одно и то же. Сколько разъ я ни пріѣзжала къ ней—одно и то же: „Уѣхалъ, бросилъ, забылъ, къ мужу хочу...“ Говорила я съ ***. Его мнѣніе, что она очнуться и прійти въ себя можетъ только, если вы вернетесь и возьмете ее. Не иначе. На васъ однихъ надежда. На васъ однихъ. Теперь, Алексѣй Петровичъ, забудьте, что было. Мы знаемъ всѣ, что вслѣдствіе ея болѣзни вы были мученикомъ, забудьте это. Поймите, что надо спасти разумъ этой несчастной... Вы должны еще разъ принести себя въ жертву.

— Помилуйте, да развѣ я... Напротивъ...—растерянно говорилъ онъ.—Напротивъ, я сейчасъ, сію минуту. Давно ли вы были у нея?

— Недѣлю не была. Я уѣзжала сама и только вчера вечеромъ вернулась. Собиралась сегодня къ ней. Иногда она меня узнавала. Чаще нѣтъ.

— Что говоритъ докторъ: есть надежда?

— Да... Есть, еще бы... Повторяю, единственное средство спасти ее—это вы, вы сами. Помимо этого нѣтъ ничего. Вотъ онъ разскажетъ вамъ... А всего лучше увезти ее куда-нибудь подальше, на югъ, что ли, только чтобы ничто не напоминало ей эту обстановку, всю эту жизнь... Когда она вспомнитъ *все, что случилось*, сумѣйте объяснить ей какъ-нибудь вашъ отъѣздъ. Слышите ли? Это очень важно. Больной вовсе не надо знать правды! Еще пустятъ ли васъ къ ней. Это зависитъ отъ того, въ какомъ она положенiи...

Алексѣй Петровичъ уже не отвѣчалъ ни слова. Въ немъ точно все упало внутри. Онъ почти не сознавалъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Казалось, не онъ къ больной, а его самого везутъ лѣчить. Все потемнѣло и помертвѣло кругомъ, все замерло, и только негодующiй ропотъ волнъ слышался издали,—волнъ, такъ давно гнавшихъ его съ счастливаго юга на холодный и недужный сѣверъ... Изъ этого мрака одни ея глаза смотрѣли, но только не глаза несчастной и больной женщины, а веселые, яркiе, любящiе,—такiе, какiе онъ помнилъ въ первое время...

— Безумiе—какое это страшное слово!.. Боже! какiе удары судьба имѣетъ въ своемъ распоряженiи и за что?..

— Что это, къ чему вы прислушиваетесь?—пытливо взглянула на него Куницына.

— Волны!..

— Волны?.. Какiя волны... „Какъ бы не пришлось,—подумала она про себя, — вмѣсто одной, лѣчить обоихъ...“ Какiя волны?..

— Нѣтъ, это такъ... Это впечатлѣніе Ялты. На Черномъ морѣ стояли сильные вѣтры... Волны шумѣли... До сихъ поръ въ ушахъ слышится.

Куницына сомнительно покачала головою...

Что это было, онъ и самъ долго не могъ дать себѣ отчета. Ни съ того ни съ сего ему вдругъ влетали въ голову разсѣянныя строки, вовсе не относившіяся ни къ случаю этому ни къ пострадавшей женщинѣ. „Какой источникъ генія погасъ, какое сердце биться перестало!“ или: „Безумецъ ты, они тебѣ сказали и нагло такъ смѣялись надъ тобой...“ или: „Пусть говорятъ, что я съ ума сошелъ...“ Потомъ онъ приходилъ въ себя и ему опять, точно изъ недосягаемой дали, свѣтили чистыя и ясныя очи счастливой и любимой женщины... И неужели она можетъ сдѣлаться безумной, и онъ представлялъ ее себѣ такою и въ ужасѣ забивался въ уголъ кареты, стараясь уже ни о чемъ не думать, ничего не видѣть, не слышать...

— У нея было тихое помѣшательство...—не понимая его состоянія, продолжала Куницына.—Она не подымала голоса, не кричала, не билась. Только тысячи разъ въ день повторяла одно и то же: „Бросилъ, уѣхалъ, забылъ...“ Бросилъ, уѣхалъ, забылъ...

И каждое слово этого „бросилъ, уѣхалъ, забылъ“, словно капля расплавленнаго свинца, падало на его сердце, прожигая его.

— И какъ повторяла!—не унималась Куницына.— Знаете, опуститъ голову, раскачиваетъ ее такъ и точно про себя, точно она все время только объ одномъ думала и ни о чемъ больше... „Бросилъ, уѣхалъ, забылъ...“ Посадятъ ѣсть ее—ѣстъ, потомъ вдругъ положитъ ложку, заглядится куда-то и закачается и опять: „Бросилъ, уѣхалъ, забылъ...“ Сначала еще при

этомъ у ней слезы, совсѣмъ какъ у дѣтей, дождемъ сыплются, а потомъ лицо принимало совершенно безсмысленное выраженіе... Ночью, бывало, проснется и опять то же самое... Я голову потеряла съ нею. Разъ подъ утро прибѣгаетъ ко мнѣ горничная, будитъ. „Что такое?“ спрашиваю. Смотрю, на ней лица нѣтъ. „Тамъ, тамъ“, отвѣчаетъ... Я туда, смотрю—ваша жена уже въ подъѣздѣ. „Куда вы?“—„Къ мужу, къ мужу хочу, къ Алексѣю Петровичу...“ И какъ она говорила это... Голосомъ больного ребенка... Мнѣ до сихъ поръ снится это, и по ночамъ я плачу...

А волны все глуше и глуше шумѣли. Алексѣй Петровичъ слушалъ ихъ, и точно сквозь ихъ ропотъ долетали къ нему слова его знакомой!

„Сейчасъ увижу,—думалъ онъ про себя,—сейчасъ увижу“.

И ему хотѣлось выскочить изъ кареты и броситься куда-нибудь головой внизъ, въ омутъ, только бы не встрѣчаться съ нею сейчасъ, не услышать этого „бросилъ, уѣхалъ, забылъ“.

XIII.

— Что вы?.. Что съ вами?..

Куницына тревожно взглянула на оглядывавшагося во всѣ стороны Алексѣя Петровича...

— Ничего, такъ...

— Васъ что-нибудь безпокоитъ?.. Вы что-нибудь вспомнили?

— Нѣтъ... Волны эти. Странно, я ихъ слышу здѣсь... Онѣ меня гонятъ куда-то или за мною гонятся... Ничего не понимаю... Ясное дѣло, что на такомъ раз-

стояніи онѣ не могутъ... Откуда же я ихъ такъ отчетливо... Ударъ за ударомъ... И раскаты...

„Нѣтъ, вмѣсто одной, положительно обоихъ лѣчить придется!“

И Куницына хмурилась, глядя на Верховенскаго, который становился все тревожнѣе и страннѣе...

— И чѣмъ ближе къ больницѣ, тѣмъ все яснѣе и яснѣе... Точно мы къ самому берегу подъѣзжаемъ... Мнѣ кажется, если я закрою глаза, такъ самые всплески волнъ увижу надъ этою набережною.

— Надъ какою набережной?

— Гдѣ я сидѣлъ часто въ Ялтѣ...

— Алексѣй Петровичъ, очнитесь, опомнитесь. Вѣдь вамъ теперь нужна вся ясность ума, вся твердость ваша... А вы поддаетесь, Богъ знаетъ, чему... Ну, какія волны на двухъ тысячахъ верстахъ разстоянія...

Онъ потупился. Только у самой больницы уже съ удивленіемъ взглянулъ на нее,—такъ взглянулъ, что та невольно спросила его:

— Что?

— Неужели вы не слышите ничего?..

— Кромѣ грохота колесъ по мостовой, ничего, разумѣется. Знаете, Алексѣй Петровичъ, если бы можно было ждать еще, я бы сама предложила вамъ не видѣться сегодня съ нею, потому что, извините меня, вы тоже не нормальны. Вѣроятно, утомленіе дороги, цѣлая масса пережитыхъ вами тревожныхъ впечатлѣній, все это сказывается...

— Нѣтъ, что же...

А самому Алексѣю Петровичу хотѣлось сейчасъ же выскочить изъ кареты и опрометью броситься прочь. Что-то ужасное, неотвратимое сторожило его тамъ, за этими массивными дверями на ключъ запертаго подъѣзда.

Точно отсюда уже никогда не суждено ему было выйти на свѣтъ Божій. У Верховенскаго какъ-то и ноги отяжелѣли, и онъ самъ точно сталъ донельзя грузнымъ,— такъ ему трудно было переступить порогъ, за которымъ, темная и мрачная, словно супилась громадная передняя... Онъ пріостановился даже: дикая мысль мелькнула у него въ головѣ. Не убѣжать ли, пока еще есть время, въ самомъ дѣлѣ? Что ему? Лично онъ можетъ быть еще счастливъ. Стоитъ только рѣшительно повернуться и уйти въ эти двери, у которыхъ стоитъ теперь мордастый швейцаръ, сѣсть въ эту же карету, что привезла его сюда, а тамъ на желѣзную дорогу, и черезъ два дня онъ въ Крыму... Солнце, море и горы; горы, солнце и море точно въ какомъ-то туманѣ пронеслись мимо. Развѣ мало своей жизни онъ отдалъ этой женщинѣ, чего же еще требуютъ отъ него? Вѣдь живешь только разъ и весь этотъ „разъ“ совсѣмъ испорченъ безконечною и безнадежною возней съ больнымъ созданіемъ, въ мукахъ и страданіяхъ котораго онъ, лично онъ, неповиненъ... Неужели же опять въ этотъ мракъ, въ эту духоту, въ это вѣчное нытье... Въ немъ что-то подымалось мятежнымъ порывомъ, негодующее, злобное... За что! Отдать ей все, отказаться отъ всего!.. Но вдругъ тотъ же знакомый отдаленный гулъ послышался ему, тѣ же волны, подъ говоръ которыхъ онъ уже примирился съ ужаснымъ и мучительнымъ прошлымъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ подымался по широкой лѣстницѣ, волны все могущественнѣе и бѣшенѣе глушили его тревожныя мысли. Волны точно хотѣли затопить все, что въ эти минуты начиналось въ немъ, смыть и унести съ собою голоса его личнаго счастья, его жажды жизни...

— Дома докторъ?—словно сквозь сонъ послышалось ему.

— Да, пожалуйте...

— Алексѣй Петровичъ, входите же... Да оправьтесь. Мы сначала потолкуемъ съ профессоромъ, какъ все это устроить, а потомъ къ ней пойдемъ. То-есть, пойдете вы; я думаю, мнѣ при этомъ дѣлать нечего, рѣшительно нечего. Посторонніе только мѣшаютъ,—сыпала она, точно желая въ самой себѣ тоже заглушить наставшее волненіе.

Громадный кабинетъ доктора весь тонулъ въ полумракѣ. Занавѣсы были спущены, и Верховенскій смутно различалъ шкапы съ книгами, черные диваны между ними, письменный столъ, заваленный бумагами, брошюрами, записками, столики въ сторонѣ, загроможденные невѣсть чѣмъ... Нога тонула въ мягкомъ коврѣ... Шумъ волнъ тутъ прекратился совсѣмъ... Тишина тяжкимъ бременемъ давила Алексѣя Петровича. Онъ сѣлъ, онъ не могъ бы стоять. Чувство какой-то странной усталости охватило его. И голову кружило и точно вихремъ подхватывало и уносило его мысли прочь, такъ что въ эти мгновенія онъ ощущалъ кругомъ странную пустоту... Въ самомъ дѣлѣ, сколько несчастныхъ прошло чрезъ этотъ строгій и полный такой мистической тишины кабинетъ, чтобы больше уже никогда не возвращаться къ свѣту и свободѣ. Можетъ-быть, и съ нимъ будетъ то же самое... Вотъ, какъ и ихъ, поведутъ его отсюда и запрутъ, и потомъ—одиночество, сумракъ и эта страшная пустота... И ее вели отсюда... Сначала она, можетъ-быть, сидѣла на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ онъ, и головой качала и безсмысленно повторяла: „бросилъ, уѣхалъ, забылъ“, а потомъ ее взяли за руку и, говоря всѣ тѣ же роковыя три слова, она слѣдовала за ними куда-то далеко-далеко...

— Ахъ, какъ голова болитъ!—вырвалось у Алексѣя Петровича.

Въ самомъ дѣлѣ, точно кто-то посторонній подсказалъ ему, что у него болитъ голова. Она болѣла все время, но онъ самъ не сознавалъ этого. Только сейчасъ, помимо своей воли, понялъ это какъ-то и крикнулъ.

— Ничего, я понимаю, что вамъ тяжело. Потерпите еще немного... Сейчасъ все узнается, все кончится,—утѣшала его Куницына.

Сейчасъ!.. Какъ онъ боялся именно этого „сейчасъ", когда *все* должно узнаться и опредѣлиться. Если бы это сейчасъ можно было отдалить! И онъ зажмурился даже; что-то подступило у него къ горлу, перехватило дыханіе.

— Здравствуйте!—послышалось около.

Онъ удивленно открылъ глаза и всталъ совсѣмъ машинально. Какой-то маленькій человѣчекъ, на тоненькихъ ножкахъ и съ пресмѣшнымъ вихромъ на лбу, удивительно задорно торчавшимъ, пожималъ руки Куницыной и въ то же время по привычкѣ зорко и пытливо оглядывалъ Алексѣя Петровича.

— Здравствуйте...

Странно. Верховенскому послышалось въ этомъ „здравствуйте" странное смущеніе. Точно докторъ самъ терялся и не зналъ, что ему сказать. Вѣроятно, поэтому онъ въ третій и въ четвертый разъ повторялъ все то же:

— Здравствуйте, здравствуйте!..

— Вотъ я пріѣхала къ вамъ... Съ мужемъ, знаете, моей знакомой,—той, которая у васъ...

Волненіе доктора заразило и Куницыну. Она, сама не зная почему, встревожилась и, вопросительно глядя на него, тоже повторяла:

— Съ мужемъ, знаете... Это мужъ... Тотъ самый... Алексѣй Петровичъ Верховенскій...

— А!..—совладалъ съ собою докторъ...— Именно „тотъ самый“, какъ же, какъ же, знаю-съ. Да кто же не знаетъ. У меня даже есть вашъ „Уголокъ рая“. Еще помѣчено: Сорренто, 1879 г.

— Да, это мое...

Докторъ чему-то вдругъ обрадовался, схватилъ его за руку и началъ жать, при чемъ вихоръ на лбу его встопорщился еще смѣшнѣе...

— Признаться, зарился я на вашу: „Игра въ горѣлки“, да не по карману было... Не по карману, такъ Третьяковъ-то у меня и перехватилъ ее... Подъ самымъ носомъ...

— Какъ здоровье Анны Алексѣевны? — спросила Куницына у профессора.

Тотъ удивительно взглянулъ на нее и сдѣлалъ большіе глаза.

— Здоровье?.. Да... здоровье... Все, матушка, условно, условно... Сейчасъ, сейчасъ... Сѣли бы вы и я сяду... Вотъ такъ. Да-съ!.. Ну, а теперь что̀ вы пишете?

— Собирался... Не пишу еще...—недоумѣвая, отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ.

— Не пишете, жаль... Писать надо... Надо, надо... И докторъ вдругъ задумался и забарабанилъ пальцами по колѣну мадамъ Куницыной, совсѣмъ не замѣчая неловкости этого...

— Надо писать... Надо... Здоровье?.. Развѣ вы не получали моей записки?—круто оборвалъ онъ и какъ-то рѣшительно взглянулъ на нее.

— Нѣтъ. Какая записка?..

— Сегодня не получали?..

Онъ бросился къ столу и нажалъ пуговку электрическаго звонка.

— Ничего не получала... А что? случилось что?

Профессоръ, не отвѣчая ей, прошелся по кабинету... Въ дверяхъ показался лакей.

— Госпожѣ Куницыной записку мою отнесли?..

— Семенъ пошелъ, но еще не возвращался.

— Ну, вотъ видите,—чему-то обрадовался докторъ,— еще не вернулся. Значитъ, вы разминулись. Онъ — къ вамъ, а вы—сюда... Ахъ, да!—точно сейчасъ онъ припомнилъ что-то.—Могу просить я васъ на два слова?

Куницына пошла за нимъ въ слѣдующую комнату. Въ дверяхъ докторъ обернулся къ Алексѣю Петровичу.

— Ради Бога, извините... Два слова—и сейчасъ къ вамъ и сообщимъ... Сообщимъ... Сейчасъ сообщимъ...

„Что за странный человѣкъ", мелькало у Верховенскаго. Потомъ ему пришло въ голову, что отъ постояннаго обращенія съ ненормальными ненормальны дѣлаются и врачи. Потомъ онъ сталъ думать о чемъ-то постороннемъ и вдругъ ему сдѣлалось страшно, чего— онъ еще не зналъ; но что значатъ всѣ эти выходки доктора... Его растерянность, недомолвки, пытливые взгляды?..

Куницына вышла изъ той комнаты вся заплаканная, докторъ больше обыкновеннаго сѣменилъ ножками... Алексѣй Петровичъ понялъ, что случилось что-то неожиданное, и всталъ точно въ ожиданіи удара...

— Вы поздно пріѣхали, поздно!.. — обратилась къ нему Куницына.

— Поздно-съ!..—какъ эхо повторилъ профессоръ.

— Еще два дня назадъ можно было бы спасти несчастную...

— Да-съ... Болѣзнь приняла бы счастливый исходъ.

— Говорите скорѣй! — чуть не крикнулъ имъ Верховенскій. — Что тутъ случилось, что вы отъ меня скрываете? Какъ вамъ не жаль, не стыдно...

— Видите ли,—неожиданно мягко заговорила Куницына. — Можетъ-быть, это и къ лучшему... Тамъ, — подняла она глаза кверху,—разрѣшеніе и оправданіе всему.

— Она умерла?

И Алексѣй Петровичъ сѣлъ на диванъ.

Тутъ все завертѣлось кругомъ: и докторъ, и Куницына, и письменный столъ, и окна, завѣшанныя тяжелыми гардинами. Въ ушахъ шумѣло, и сквозь этотъ шумъ слышалось ему:

— Сегодня въ ночь... Часа въ два утра вошла къ ней сестра милосердія и застала ее у дверей.

— Жива еще была?

— Нѣтъ... Она, вѣрно, стучала, забывъ, что двери не заперты и около сѣла на стулъ и умерла... Вы опоздали, господинъ Верховенскій... Два бы дня раньше, можетъ, наступилъ бы благопріятный кризисъ. А теперь вы опоздали... Да-съ, опоздали.

— Да что вы радуетесь этому, что ли, что я опоздалъ!—вскрикнулъ Алексѣй Петровичъ и, уронивъ голову на руки, истерически разрыдался.

XIV.

Онъ захотѣлъ ее видѣть.

Куницына не могла пересилить своихъ ощущеній— она осталась здѣсь, заявивъ, что всѣ хлопоты по похоронамъ беретъ на себя... Алексѣй Петровичъ пошелъ за докторомъ...

— Не вернешь ужъ!..—совсѣмъ банально утѣшалъ его профессоръ.—Нечего!.. Разумѣется, люди плачутъ потому, что имъ отъ этого легче... Когда больно—поневолѣ кричишь или стонешь. Плачъ—то же самое: тотъ же стонъ отъ душевной боли... Но надо быть твердымъ...

Верховенскій не слушалъ его.

Онъ шелъ длинными коридорами, съ окнами въ концахъ и съ дверями направо и налѣво. Тусклый свѣтъ позволялъ различать эти двери съ окошечками въ нихъ... Неужели за одной изъ такихъ именно дверей сидѣла она... Она, привыкшая къ заботливости, холѣ, къ нѣжности окружающихъ!..

Шумъ волнъ опять послышался ему, но робкій и тихій... Волны словно плакали о чемъ-то, жаловались на какую-то страшную несправедливость... То замирали, то опять начинали биться...

По лѣстницамъ внизъ—въ другіе коридоры, оттуда—въ третьи... Когда же конецъ всему этому? Шаги раздавались гулко... Голосъ доктора, уже вернувшаго себѣ самообладаніе и шутившаго съ встрѣчавшимися ему сторожами, замиралъ гдѣ-то подъ бѣлыми сводами этихъ коридоровъ...

— Она здѣсь?..—спросилъ онъ, наконецъ, у какого-то солдата.

— Издѣсь, ваше превосходительство.

— Отворено?

— Точно такъ.

Докторъ толкнулъ двери...

Алексѣй Петровичъ зажмурился и переступилъ за нимъ порогъ.

Какая ужасная тишина... Неужели это его сердце такъ бьется, такъ стучится... Куда? Что-то шуршитъ

около. Сестра милосердія идетъ къ нимъ навстрѣчу... Она здѣсь была... Одна съ *этимъ*, что лежитъ на нарахъ... Одѣяло подостлано, на одѣялѣ—*это*... Два большихъ окна. Форточки отворены — здѣсь холодно...

— У насъ ледъ подъ нарами! — объясняетъ ему докторъ...

— Хотите видѣть? — спокойно спрашиваетъ сестра.

— Угодно вамъ?—оборачивается къ нему врачъ.

Алексѣй Петровичъ съ удивленіемъ смотритъ и ничего не понимаетъ. Въ немъ все замерло. Все!.. *Это*, лежащее на одѣялѣ, сверху донизу покрыто бѣлою простыней. По простынѣ — изрѣдка черныя пятнышки мухъ... Ползаютъ... Подъ простыней мерещатся очертанія какія-то... Вверху простыня приподнялась даже горбикомъ...

Сестра, не ожидая, отвернула простыню...

Она!.. Какая спокойная... Нѣжная, чистая... Нѣтъ, это не мертвое лицо! Нѣтъ, на немъ замерла мысль... Въ этихъ слегка сдвинувшихся бровяхъ еще замѣтна забота о чемъ-то... Полураскрытыя губы блѣдны, но онѣ могутъ улыбнуться!.. Онѣ не таковы были, когда она начинала плакать... Носъ заострился, побѣлѣлъ... Чудится Алексѣю Петровичу, или дѣйствительно рѣсницы дрожатъ?.. Вотъ - вотъ подымутся онѣ, и она, его дорогая, милая, обдастъ ихъ всѣхъ, какъ тогда... лучистымъ, яснымъ, счастливымъ взглядомъ... Гдѣ же это безуміе, о которомъ всѣ они говорили ему? Гдѣ? Это лицо тихо, нѣжно, кротко, но не безумно, нѣтъ, не безумно!

Улыбнется?.. Взглянетъ?..

Нѣтъ... Вонъ муха поползла по носу, на рѣсницы сѣла... Сестра смахнула ее... А она все лежитъ, такая же ясная, свѣтлая...

— Вчера онѣ про васъ вспоминали...

— Какъ? — безсознательно спрашиваетъ Алексѣй Петровичъ.

— Я къ нимъ пришла... Онѣ стали безпокоиться... Плакали, говорили все: „Къ мужу хочу, отвезите меня къ мужу“. И сколько разовъ повторяли все одно и то же... Потомъ я имъ отвѣчаю: „Скоро, говорю, вашъ мужъ пріѣдетъ, вру имъ, извѣстіе получено!..“ Ахъ, плачутъ, поздно будетъ, ахъ, не успѣютъ... А потомъ опять: „Къ мужу хочу, къ Алексѣй Петровичу, отвезите меня къ мужу... Зачѣмъ вы меня здѣсь держите?..“

Какая худая... Какъ впала эта грудь и руки у нея какія стали тоненькія, блѣдныя!.. На груди сложены... Одинъ палецъ странно торчитъ, отчего ногти такими синими кажутся. Да неужели же это все правда. Или онъ проснется и все кошмаромъ однимъ почудится... Онъ схватилъ ее за руку—еще мягкая, но холодная... Страшный, насквозь проникающій холодъ переходитъ въ его тѣло отъ этой руки...

Докторъ что-то говоритъ сестрѣ милосердія, они уходятъ... Алексѣй Петровичъ одинъ остается съ нею—лицомъ къ лицу... Страшно ему, точно эта неподвижная женщина сейчасъ будетъ судить его... Онъ вернулся, не забылъ, не бросилъ... Но какъ поздно, какъ поздно!

Сознаніе чего-то безконечно уродливаго, безобразнаго, вопіющаго по своей несправедливости, ненужности этого несчастія стало прокрадываться въ его сердце... За что?.. Что она сдѣлала? За что судьба такъ скомкала, смяла эту жизнь... Что растоптало ее, изувѣчило и жалкимъ трупомъ бросило на эти голыя нары...

— Аня... Аня...—позвалъ онъ ее,—слышишь ли ты меня? Простишь ли?..

Какая-то книжка около. Сестра забыла, должно-быть. Алексѣй Петровичъ раскрываетъ ее... Безсознательно читаетъ вслухъ:

„Іисусъ отвѣчалъ: ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше. По сему болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ“...

На комъ это, на томъ?

На немъ, на Алексѣѣ Петровичѣ?.. Кто предалъ. Онъ предалъ... Кому?.. Кому предалъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ вошедшая сюда Куницына застала Алексѣя Петровича все также неподвижно сидящимъ около... Когда она заговорила съ нимъ, Верховенскій не узналъ ея.

— Очнитесь...

— А... Кто предалъ?.. Я?.. Но кому?.. Кто этотъ „кто“?.. Зачѣмъ же онъ сдѣлалъ съ нею это?.. Чѣмъ она виновна передъ нимъ?..

XV.

Точно въ туманѣ прошло два дня...

Какъ ни напрягалъ своей памяти Алексѣй Петровичъ потомъ, никакъ не могъ понять, что онъ дѣлалъ и гдѣ былъ въ это время. Все заволокло совсѣмъ словно въ тучу... Изъ тумана всплывали порою четыре огонька восковыхъ свѣчей... Золотомъ блещущій покровъ... Какое-то желтое-желтое лицо... Яркій вѣнокъ... Кто его принесъ?.. Зачѣмъ онъ?.. Къ чему эти цвѣты около—къ чему ей, такъ страстно любившей ихъ и такъ долго лишенной возможности видѣть тѣ счастливые края, гдѣ растутъ они, радуясь теплу и солнцу... И опять все заносило мглою, и въ этой мглѣ слышался

монотонный голосъ какого-то чтеца, пѣніе, низкая октава діакона, кудрявая голова котораго точно дразнила Алексѣя Петровича... Онъ даже спалъ тяжелымъ сномъ, просыпаясь посреди ночи будто отъ какого-то толчка, зажигалъ свѣчи и безсмысленно цѣлыми часами смотрѣлъ въ мглу, густившуюся за окномъ... Неужели въ этой мглѣ она, такъ всю жизнь боявшаяся тьмы и одиночества?.. Порою ему чудился въ тишинѣ его комнаты шорохъ чего-то чуждаго... Словно кто-то ходилъ около, наклонялся къ нему, заглядывалъ извнѣ въ его сердце, въ его мысли и понималъ ихъ,—понималъ, хотя самъ Алексѣй Петровичъ рѣшительно не могъ разобраться съ ними!.. Потомъ изъ того же сумрака выступила на мгновенье ярко освѣщенная солнцемъ церковь, огоньки лампадъ и восковыхъ свѣчей, много народа кругомъ—точно какой - то сѣрый фонъ, изъ котораго выдѣлялись и опять пропадали въ немъ знакомыя лица и длинная-длинная дорога съ толпами безучастныхъ людей по сторонамъ, извозчиками, перегонявшими его, при чемъ всѣ встрѣчные снимали шапки и крестились... И этотъ катафалкъ впереди, медленно колебавшій въ воздухѣ своими бѣлыми страусовыми перьями... Кто-то и что-то говорилъ ему, онъ отвѣчалъ, но о чемъ его спрашивали и что онъ отвѣчалъ совершенно ушло изъ его сознанія... Потомъ онъ сѣлъ въ карету съ Куницыною... Она плакала... Онъ былъ точно каменный... Кто-то даже замѣтилъ это...

— Лучше если бы вы плакали, Алексѣй Петровичъ.

Еще бы... Слезы вѣдь дешевы, и дешевая печаль вызываетъ ихъ изъ неглубокихъ родниковъ сердца...

Потомъ кладбище... Опять пѣніе. Опять кудрявая голова діакона, старенькій-старенькій священникъ,—та-

кой старенькій, что Алексѣй Петровичъ, глядя на него, думалъ: „А вѣдь вотъ онъ не умираетъ, не умираетъ!“

— Подите, проститесь...—толкаютъ его.

Куницына беретъ его за руку и ведетъ туда... Яма четырехугольная... Сырая земля горбомъ около. Внутри, внизу, тоже влажная земля комьями. Около—гробъ... Потомъ грохотъ этихъ комьевъ о его деревянную крышу!.. Неужели все?.. И ничего отъ *нея*, отъ его Ани, не осталось, кромѣ вотъ того глазетоваго уголка, что еще торчитъ изъ-подъ земли... Одни воспоминанія... Была, мучилась, ушла... Куда ушла? Кто знаетъ!..

И волны опять, опять тѣ знакомыя ему волны.

Только теперь, прислушиваясь къ нимъ, онъ начинаетъ понимать ихъ. Это онѣ гнали его сюда, скорѣе, скорѣе... Если бы онъ понялъ тогда сразу, *она* была бы жива, она была бы спасена... Онъ слушалъ и боролся съ горечью своихъ воспоминаній, онъ слушалъ и примирялся съ ихъ обоюднымъ прошлымъ—когда надо было стремглавъ спѣшить сюда назадъ къ ней, къ ея одиночеству и тоскѣ...

Не осилила!

Онъ бросилъ, уѣхалъ, забылъ! Она, какъ никому ненужная, ушла изъ міра...

XVI.

Вернувшись домой, онъ засталъ на столѣ телеграмму.

Она была отъ Сони!

„Телеграфируй, когда выѣзжаешь въ Ялту... Я буду скоро!.. Что значитъ—нѣтъ писемъ?..“

Онъ разорвалъ и бросилъ...

Онъ не могъ бы писать ей, онъ даже не видѣлъ ея. Она ушла изъ его сердца и памяти...

Ее заслонила тѣнь этой несчастной женщины... Между Соней и имъ стояла *она*... Мертвая была еще сильнѣе живой... Она такъ просилась „къ мужу“, умирая. Теперь она была съ нимъ и онъ чувствовалъ это навсегда, постоянно, неотступно, безотходно... Она ревниво заслонитъ отъ него все, къ чему бы еще могло стремиться его сердце...

И довольныя этимъ, волны уже молчали... Онѣ спокойно лежали у морскихъ береговъ...

Ночью и днемъ.

I.

Когда онъ вернулся домой, ему почудилось что-то таинственное, почти мистическое въ тишинѣ, окружавшей его. Точно онъ былъ здѣсь не одинъ, будто около стоялъ, неподвижно стоялъ нѣкто, кому не было надобности дышать, двигаться. Иванъ Николаевичъ попробовалъ кашлянуть, сказалъ первое навернувшееся ему слово, но и кашель и голосъ такъ странно прозвучали, какъ будто это сдѣлалъ не онъ, а тотъ другой. Спички обыкновенно лежали на углу стола. Онъ ощупью сталъ ихъ отыскивать и уронилъ на коверъ. Пришлось за ними нагибаться. Холодъ пробѣгалъ по его спинѣ и сосредоточивался въ колѣняхъ. Онъ постоянно съ *тѣхъ* поръ испытывалъ это ощущеніе. Проснувшись ночью и найдя свѣчу сгорѣвшей, онъ торопился зажечь новую, только бы ни одной минуты ему не оставаться въ темнотѣ. Онъ зналъ, что мракъ рождаетъ загадочные призраки, что стòитъ только вспыхнуть огню, и вмѣстѣ съ потемками они отъ него поползутъ прочь. Онъ пробовалъ пересиливать себя, нарочно выдерживалъ цѣлыми часами; лежалъ, открывъ

глаза и пристально глядя въ самыя нѣдра тьмы, обступавшей его постель. И всегда на его глазахъ рождалось во мракѣ одно и то же. Сначала вдругъ неожиданно вспыхивала слабая искорка. Голубоватая, трепетная, чуть замѣтная. Проступитъ и пропадетъ, потомъ проступитъ опять и вновь исчезнетъ... Наконецъ удержится и дрожитъ, дрожитъ... Вокругъ нея образовывается какой-то клубочекъ тумана; маленькій, маленькій, голубой внутри, сѣрѣющій по краямъ и, наконецъ, сливающійся съ тьмой. Клубочекъ этотъ растетъ... Искорка вся растворяется въ немъ, точно давая ему жизнь. Въ немъ что-то переливается, дымится, какъ дымится паръ надъ стынущей рѣкой. Потомъ нѣкоторые отливы, оттѣнки удерживаются, опредѣляются. А въ это время сердце бьется, страшно бьется, потому что онъ уже знаетъ: въ этомъ клубкѣ опредѣлившимися и устойчивыми тѣнями сейчасъ обрисуются чьи-то опущенныя вѣки. Чуть-чуть намѣтятся брови... Едва-едва... Лобъ сольется съ краями клубка, съ тьмою, точно очертанія головы распускаются въ ней. Потомъ носъ... блѣдный, безжизненный носъ, такой же безжизненный, какъ и вѣки... Совсѣмъ безкровныя губы, плотно сжатыя, слипшіяся. И сколько бы онъ ни смотрѣлъ во тьму, самъ себя убѣждая, что это все пустяки, что мертвые не возвращаются, лицо это неотступно будетъ передъ нимъ. И онъ, не отводя глазъ отъ этого видѣнія, точно сторожа его, протягивалъ руку подъ подушку, отыскивалъ спички, зажигалъ ихъ и, по мѣрѣ того, какъ разсѣвалась тьма, призракъ блѣднѣлъ, блѣднѣлъ, будто всѣми своими атомами распускался въ тускломъ свѣтѣ, уже наполнявшемъ комнату. Ивана Николаевича за послѣднее время пугало то, что, прежде сомкнутыя, даже казавшіяся ему слип-

шимися, губы ни съ того ни съ сего открылись... Глаза оставались закрытыми. Вѣки такъ же плотно прилегали къ нимъ, а эти безцвѣтныя, блѣдныя-блѣдныя губы отдѣлялись одна отъ другой. Теперь онъ уже не дѣлалъ такихъ опытовъ. Съ него было довольно! Онъ спалъ со свѣчами... Онъ приказывалъ даже безъ него держать лампы зажженными, но старикъ-лакей, какъ случилось сегодня, забывалъ объ этомъ.

Когда онъ нагибался за спичками, ему почудилось, что знакомая голубая искорка уже трепетала въ неподвижномъ мракѣ. Дрожащей рукою онъ зажегъ свѣчу, и ему показалось, что это не мракъ уползаетъ въ углы, подъ потолокъ, въ гостиную, а черные шлейфы какихъ-то длинныхъ мантій, до сихъ поръ недвижно лежавшіе на коврѣ. Свѣча разгорѣлась, онъ ощупалъ лобъ: лобъ былъ холодный, весь покрытый каплями пота... Сердце захолонуло. Въ гостиной, куда поползли черныя мантіи мрака, вдругъ прозвучалъ стонъ, необыкновенно музыкальный и тихій въ то же время, точно послѣднее, умиравшее отзвучіе лопнувшей струны... Какъ отъ призрака единственнымъ спасеніемъ былъ дѣйствительный свѣтъ, такъ отъ этихъ галлюцинацій слуха онъ спасался настоящимъ шумомъ. Онъ нарочно уронилъ большую книгу. Но она беззвучно упала въ пушистый и толстый коверъ... Стонъ могъ повториться. Онъ нервною рукою схватилъ колокольчикъ... Онъ зналъ, что прислуга спитъ внизу и его не услышитъ, но ему нуженъ былъ звонъ чѣмъ рѣзче, тѣмъ лучше. Онъ громко зазвонилъ и вдругъ обмеръ... Въ черномъ четырехугольникѣ двери, которая вела въ гостиную, показалась какая-то фигура... Этого еще не было никогда. О, если бъ онъ увидѣлъ въ ея рукахъ ножъ,—онъ бы не испугался. Разбойникъ, убійца былъ

бы счастьемъ въ эту минуту. Нѣтъ, передъ нимъ, очевидно, совершалась но̀вая метаморфоза его воплощеннаго страха. Онъ обернулся къ этой фигурѣ,—та не пропадала.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

Молча̀ніе.

— Кто тебя звалъ?

То же самое...

Онъ собралъ послѣдніе остатки мужества и пошелъ прямо на нее, со свѣчею въ рукахъ. Пламя ея потянулось назадъ, словно въ ужасѣ передъ тѣмъ, что было въ той комнатѣ. Фигура подалась назадъ... Онъ вошелъ въ гостиную со свѣчей—призракъ исчезъ; но когда несчастный оглянулся назадъ, ему почудилось, что тотъ же силуэтъ стоитъ уже въ его кабинетѣ... Иванъ Николаевичъ зажегъ и въ гостиной лампу. Только тогда онъ успокоился... Онъ сѣлъ въ кресло и постарался собрать свои мысли, но каждая изъ нихъ уносилась куда-то и трепетала, какъ испуганная птичка... Когда, наконецъ, ему силой воли, какъ ему казалось, даже страшнымъ напряженіемъ мышцъ головы, удалось одолѣть этотъ ужасъ, онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, налилъ и выпилъ большую дозу cali bromatum, взялъ склянку съ одеколономъ и опрокинулъ ее на свою голову. Чувство холода въ темени нѣсколько привело его въ себя. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, раздѣлся и легъ въ постель.

— Ахъ, если бы заснуть!—и вдругъ ему вспомнилось макбетовское „Я убилъ сонъ".—Ахъ, если бы заснуть!.. Скорѣй!.. Безъ грезъ и безъ сновъ. И зачѣмъ эти ночи такъ длинны? То ли дѣло лѣтомъ, когда одна заря смѣняетъ другую... Тогда нѣтъ призраковъ, тогда

онъ можетъ спать, воображеніе не работаетъ... но теперь, теперь!..

Онъ закрылъ глаза. Онъ привыкъ къ яркому свѣту и только при немъ могъ забываться...

II.

Спалъ онъ, однако, всегда крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ... Но, странное дѣло, это продолжалось только часа тричетыре. Какъ бы ни былъ онъ утомленъ наканунѣ, его точно что-то разомъ подымало съ постели. Нѣкоторое время онъ безсмысленно всматривался въ знакомую обстановку кабинета, не понимая, что̀ съ нимъ и гдѣ онъ. Она сливалась для него съ еще не улетучившимся сновидѣніемъ, и онъ тщетно отыскивалъ блуждающимъ взглядомъ призраковъ, минуту назадъ толпившихся у его постели. Потомъ онъ замѣчалъ большой, чернаго дерева, столъ, такое же кресло, темные обои, темныя гардины оконъ, шкапы съ книгами, зажигалъ другую свѣчу, чтобы было свѣтлѣе, и ложился опять съ открытыми глазами и больной головой, съ страннымъ сознаніемъ чего-то ужаснаго въ сердцѣ. Его ждало нѣсколько часовъ безсонницы. Онъ привыкъ уже къ этому. Онъ зналъ, что глаза его не сомкнутся, пока между гардинами не прорѣжется тусклая полоса свѣта и рождающійся день не заставитъ поблѣднѣть желтые огни свѣчей... А тамъ опять крѣпкій сонъ до тѣхъ поръ, пока старикъ-лакей не придетъ, не откинетъ занавѣсъ у окна и не разбудитъ его обычнымъ:

— Вставайте, Иванъ Николаевичъ!.. Десять часовъ ужъ... Пора!

Начинался день, когда опять его нервы становились крѣпки, и онъ самъ смѣялся надъ своими ночными ужасами. Точно въ немъ было два человѣка: одинъ здоровый, веселый и смѣлый — днемъ, другой суевѣрный, трусливый и больной—ночью.

Странное дѣло! Прежде этого съ нимъ не было.

Послѣ *того* случая, которому онъ собственно не придавалъ сначала никакого значенія, прошли долгіе годы, онъ пережилъ свою молодость, пережилъ ее бурно и весело. Еще бы! Были здоровье, средства, досугъ... Потомъ, какъ и всѣ, онъ дѣлалъ карьеру и въ ней успѣлъ. Это ему досталось даже такъ легко, что онъ потерялъ въ ней вкусъ и наканунѣ назначенія его на довольно высокій постъ ни съ того ни съ сего взялъ да и подалъ въ отставку. Уѣхалъ путешествовать—вернулся еще здоровѣе и „жизнерадостнѣе", какъ выражался завидовавшій ему полубольной пріятель. „Ты счастливецъ, — говорилъ послѣдній, — у тебя нервовъ нѣтъ. Попробовалъ бы ты съ моими пожить!" И дѣйствительно, всю жизнь у него не было нервовъ. Ровный, спокойный, онъ только изумлялся истерической способности другихъ создавать себѣ страхи, вѣчно жить въ ожиданіи призрачныхъ катастрофъ, волноваться и мучиться, Богъ знаетъ, по какимъ поводамъ. У него уже появились въ вискахъ пряди сѣдыхъ волосъ, въ бородѣ показались серебряныя нитки, у глазъ намѣтились гусиныя лапки и изрѣдка ни съ того ни съ сего начинало ломить спину, ноги. Подходила старость, но онъ зналъ, что она будетъ у него безмятежной и ясной. Какъ эгоистъ, онъ радовался тому, что въ свое время не обзавелся семьей. Теперь бы возись съ нею. Еще неизвѣстно, чѣмъ бы она его порадовала. Онъ слишкомъ навидался этихъ прелестей у своихъ знакомыхъ.

Жизнь его была полна и безъ того. Широкое образованіе, богатство давали ему возможность брать отъ нея все доступное человѣку. У него былъ большой и прекрасный кругъ знакомыхъ. Онъ не замѣчалъ, какъ идетъ время и вдругъ...

Именно вдругъ...

Случилось *это* не ждано, не гадано. Десятки лѣтъ спало и разомъ проснулось... Онъ забылъ думать объ *этомъ*... Самое происшествіе слилось до такой степени съ общимъ фономъ его молодости, что даже контуры и краски слились и, словно въ старой картинѣ, потухли... Какъ-то вечеромъ онъ вернулся домой... Просидѣлъ до полночи за интересовавшей его книгой, спокойно легъ спать и заснулъ крѣпкимъ и счастливымъ сномъ... И около двухъ часовъ ни съ того ни съ сего проснулся... Ему почудилось, что кто-то толкнулъ его, что ли?.. Онъ поднялся и нѣсколько времени смотрѣлъ въ темноту, ничего не понимая. Онъ уже собирался перевернуться на другой бокъ и заснуть, какъ вдругъ проступила, дрогнула и спряталась голубоватая искорка... Онъ протеръ глаза. Улыбнулся даже. Чудится!.. Вотъ опять проступила, задрожала и удержалась... Окуталась въ легкій паръ и вся растаяла въ немъ, озаривъ его чуть замѣтнымъ свѣтомъ... Онъ не безъ любопытства всматривался. Онъ не былъ суевѣренъ, и галлюцинація интересовала его сама по себѣ, какъ рѣдкое зрѣлище. Онъ даже сталъ соображать, что̀ онъ ѣлъ сегодня... Вспомнилъ грибы и успокоился. Вѣрно, отъ нихъ... Но клубокъ пара сталъ опредѣляться и густиться въ серединѣ... Появились какія-то очертанія... Края его слились съ темнотою и пропали въ ней... Теперь уже онъ не могъ бы оторвать глазъ отъ этого страннаго, все же безформеннаго призрака... Но

помимо его быстро работавшей мысли, помимо глубоко лежавшаго въ его душѣ скептицизма онъ впервые почувствовалъ, какъ сердце его сжимается, какъ что-то подступаетъ къ горлу такъ, что ему становится трудно дышать. Чувство глупаго, безсознательнаго страха впервые прокралось къ нему и холодомъ обдало ослабѣвшее тѣло... И вотъ въ бѣломъ клубкѣ обрисовались опущенныя вѣки съ безцвѣтными, плотно къ щекамъ прилипшими рѣсницами... Линіи заострившагося носа, сжатыя безкровныя губы... И ничего больше... А память работала во-всю... Чѣмъ-то знакомымъ казался ему странный и безсмысленный призракъ, чѣмъ-то знакомымъ, но ужасно далекимъ.

И вдругъ онъ вспомнилъ назло годамъ и разстоянію! Вспомнилъ разомъ все, точно это случилось еще вчера... Онъ зажегъ свѣчу. Всталъ, облилъ голову холодною водою и опять легъ. Но сна уже не было...

— Какія глупости!—вслухъ проговорилъ онъ и засмѣялся даже.

Но смѣхъ его тогда прозвучалъ такъ странно, что онъ весь похолодѣлъ отъ него. Ему почудилось, что въ слѣдующей комнатѣ кто-то засмѣялся тоже... Отозвалось въ углу подъ потолкомъ!

— Шалятъ нервы!.. У меня нервы! Чортъ знаетъ что такое!

Онъ протянулъ руку. На ночномъ столикѣ лежало новое изданіе Боккачіевскаго „Декамерона“... Сталъ пробѣгать страницу за страницей, но сквозь строки итальянскаго текста проступало *что-то другое*. Читая, онъ не понималъ напечатаннаго, но хорошо соображалъ *это другое*... Наконецъ строки стали сплетаться въ какіе-то узлы... И книга сама выпала у него изъ рукъ...

— Да развѣ она такая была?—опять вслухъ спросилъ онъ себя.

III.

Именно такая!

Теперь онъ хорошо помнитъ ее. Странно, какъ тридцать лѣтъ въ немъ спало, казалось, даже умерло воспоминаніе, а тутъ воскресло разомъ, безъ всякаго, повидимому, повода... Собственно говоря, онъ и не сдѣлалъ ничего особеннаго. Каждый день на бѣломъ свѣтѣ творятся дѣла еще хуже, и никому отъ нихъ не больно. Люди сходятся и расходятся. Мало ли такихъ? Онъ въ этомъ отношеніи былъ похожъ на всѣхъ его товарищей. Молодость ключомъ кипѣла, хотѣлось жить, а тутъ подвернулась эта тихая и кроткая дѣвушка, съ робкой улыбкой и наивными голубыми глазками. Молчаливая, какъ мышонокъ въ норѣ, она иногда по порученію матери, его квартирной хозяйки, заходила къ нему въ комнату. Разъ осталась дольше обыкновеннаго, и юноша ее поцѣловалъ, смѣясь и любуясь, какъ вспыхнуло ея блѣдное личико и загорѣлись наивные глазки... А тамъ само собою пошло подъ гору. Разъ побѣжалъ человѣкъ, остановиться ему трудно на крутомъ спускѣ. Ноги не слушаются головы. И его и ее точно какимъ-то вихремъ подхватило и давай кружить. Да онъ даже и теперь чувствуетъ свою совѣсть спокойной. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ виноватъ? Онъ не обѣщалъ ей ничего. Она, отдаваясь ему, не диктовала своихъ условій, и онъ не соглашался на нихъ, не принималъ ихъ. Между ними не было никакихъ обязательствъ. Ни онъ не заикался о женитьбѣ, ни она не мечтала о ней. Еще бы! Онъ—хорошей и

богатой семьи. Даже скажи онъ ей, она бы съ ужасомъ подумала, какъ она войдетъ въ эту семью! Нѣтъ, это было бы рѣшительно невозможно. Любили потому, что любилось и время пришло для обоихъ. Вотъ и все. Она смотрѣла на него довѣрчивымъ, робкимъ взглядомъ, молилась, служила ему. Когда онъ уѣзжалъ, она даже не плакала. Она знала, что это такъ и должно быть. Онъ кончилъ курсъ, его ждала семья. Онъ не обѣщался вернуться. Надо отдать ему справедливость, онъ не успокоивалъ ее и не обманывалъ. Прощаясь съ нею, онъ не услышалъ отъ нея упрека. Она сидѣла вся блѣдная, опустивъ безсильно руки на колѣни и глядя въ землю. Только когда онъ, улыбаясь, сказалъ ей: „вернусь, пожалуй, застану тебя уже замужемъ“,—она вся вздрогнула и подняла на него недоумѣвающій взглядъ. Такъ и читалось въ немъ: „Неужели ты сказалъ это? Или я ослышалась“. Онъ оставилъ ей денегъ, и она не отказалась отъ нихъ. Такъ онѣ на столикѣ около нея и лежали, тамъ, гдѣ онъ положилъ ихъ. Его только поразило одно: въ послѣднемъ поцѣлуѣ ея не было страстности. Онъ обнялъ ее, она оставалась такою же неподвижною, точно онъ ласкалъ трупъ. На Николаевскомъ вокзалѣ, окруженный товарищами, онъ забылъ о ней. Только когда поѣздъ двинулся, вдали, у самыхъ дверей залы для пассажировъ, онъ замѣтилъ ее. Она не подошла къ нему. Она только неотступно смотрѣла на него оттуда на этотъ разъ большими и печальными глазами. Онъ даже гордился собою во всемъ этомъ „казусѣ“, какъ онъ потомъ называлъ случайное приключеніе его молодости. Еще бы, ихъ связь осталась никому неизвѣстной. Никто изъ его друзей даже не подозрѣвалъ о ней. О, онъ поступилъ по-рыцарски

Она бы могла выйти замужъ и устроиться какъ слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ ея прошлое не воскресло бы передъ нею, не заставило бы ее краснѣть, переданное устами кого-либо посторонняго... Дома ему было не до того. Новые люди, новыя знакомства, новые интересы. Все это захватывало, не давало опомниться. Только черезъ два мѣсяца онъ вернулся въ Петербургъ. Не о Надѣ же ему было думать на первыхъ порахъ. Начались служба, выѣзды. Скромная, наивная дѣвушка съ ея тихими ласками и робкою улыбкой совсѣмъ стушевалась въ общемъ фонѣ его недавняго прошлаго. Даже когда онъ вспоминалъ о ней,—что̀, надо сказать правду, случалось рѣдко, — только чувство довольства собою являлось у него на душѣ. „Ну что жъ, потомъ разыщу, помогу ей открыть табачную лавку. Пусть живетъ! Она была *удобная!..*“ Но, разумѣется, *добрыя* намѣренія такъ бы и не исполнились, если бы разъ вечеромъ онъ неожиданно не остался наединѣ съ самимъ собою. Въ театрѣ, куда онъ собирался, не было мѣста, поѣхалъ къ знакомымъ — дома нѣтъ, къ другимъ—тоже... Куда же дѣваться? А погода была скверная, — туманъ, холодъ. Дома тоже не знаешь, какъ убить время... И въ этотъ-то безцѣльный досугъ его потянуло съѣздить на старую квартиру, узнать, что̀ подѣлываетъ *та* дѣвушка, пожалуй, если ея матери нѣтъ дома, взять ее съ собою и къ себѣ часа на два, на три... Она вдругъ дорога ему стала почему-то. Ему разомъ, безъ всякой причины, захотѣлось опять этой робкой ласки, тихой, стыдливой улыбки, наивнаго, словно мерцающаго взгляда голубыхъ глазъ. Они бы согрѣли его теперь въ этотъ холодъ. Онъ поѣхалъ туда. „Неужели я здѣсь жилъ?“ задумался онъ, подымаясь по неособенно чистой лѣстницѣ во второй

этажъ. Онъ позвонилъ, заранѣе любуясь смущеніемъ и радостью милой дѣвушки. Никто ему не отпиралъ. Позвонилъ еще. За дверями послышались тяжелые шаги.

— Здравствуйте, Анна! Не узнали меня?—спросилъ онъ у горничной.

Но та какъ-то безсмысленно смотрѣла на него, ничего не понимая.

— Что съ вами?

— Иванъ Николаевичъ, большое горе у насъ случилось!..

— Что такое?..

Издали въ коридорѣ показалась хозяйка, растерянная, заплаканная.

— А, Надежда Ильинична!..

— Голубчикъ!.. Иванъ Николаевичъ!—заголосила та,—Господи!.. Въ какую минуту вы... Надя-то моя...

„Сбѣжала!“ досадливо мелькнуло у него въ головѣ... Но онъ спросилъ:

— Больна?..

— Нѣтъ... Вотъ-вотъ...

И сама не понимая, что она дѣлаетъ, старуха повернула къ себѣ. Иванъ Николаевичъ такъ, какъ былъ, въ шинели, даже не снявъ шляпы, послѣдовалъ за нею. Въ первой комнатѣ толкалось нѣсколько жильцовъ, словно ждавшихъ чего-то... И то же самое растерянное выраженіе мололой человѣкъ замѣтилъ на ихъ лицахъ.

IV.

Надя не сбѣжала... Она и больна не была. Напротивъ, дѣвушка оказывалась здѣсь; она лежала на постели, одѣтая въ то же сѣренькое платьице, кото-

рое такъ нравилось Ивану Николаевичу, скромное и простенькое, какъ она сама. Ноги ея странно и неподвижно торчали изъ-подъ него. Одна нога въ туфлѣ, другая въ какомъ-то темномъ чулкѣ... Кругомъ — тишина... Старуха-мать даже не плакала... Она изрѣдка только стонала, не отводя тусклаго взгляда отъ этой смятой подушки, на которой, едва-едва блѣднѣя, изъ наволочки выступало лицо ея дочери. Опущенныя вѣки, и не только опущенныя, но какъ будто сжатыя съ усиліемъ, такъ что рѣсницы прижались къ щекамъ. Заострившійся носъ съ синеватою тѣнью какихъ-то подтековъ, плотно слившіяся губы... Одна рука, тонкая, съ длинными пальчиками, лежала на груди, другая висѣла съ кровати на полъ... На ней былъ золотой тонкій обручъ браслета, подареннаго когда-то Иваномъ Николаевичемъ.

Онъ такъ и остался въ дверяхъ, прикованный къ порогу...

Кто-то снялъ съ него шинель и шляпу, онъ даже не замѣтилъ этого. Онъ не могъ отвести глазъ отъ мертваго лица, по которому какъ разъ въ эту минуту ползла муха, остановилась, почистила лапки и опять поползла ближе къ рѣсницамъ, за нею по блѣднымъ щекамъ слѣдовала ея маленькая тѣнь. Въ головахъ стояла лампа. Керосинъ шипѣлъ въ ней, и—странно!— это шипѣніе раздражало Ивана Николаевича. Что-то противное, злобное слышалось въ немъ. Наконецъ онъ отодвинулся немного и, замѣтивъ одного изъ жильцовъ, еще при немъ занимавшаго здѣсь комнату, безсознательно подалъ ему руку...

— Кто бы могъ думать!—банально началъ тотъ.

— Что случилось, ради Бога?

— Скучала всѣ эти мѣсяцы,—шопотомъ и быстро-быстро началъ пояснять тотъ,—скучала всѣ эти мѣсяцы и какъ скучала! Слоняется, бывало, по коридору, жметъ себѣ руки. Встрѣтишься съ ней, спросишь: „Что вы, Наденька?“—„Ахъ, тоска!.. такая тоска!“ Тутъ смѣяться начали было надъ нею. Объясняли—„дѣвицѣ замужъ пришла пора“, а она замѣсто того сегодня заперлась—и вотъ видите...

— Что „видите“-то, что „и“?

— Отравилась!

Ивана Николаевича точно что-то въ сердце толкнуло.

— Почему вы думаете, что отравилась?

— Пузырекъ нашли около... Докторъ былъ и ядъ самый назвалъ. Дигиталисъ, что ли, или стрихнинъ—не знаю. Изъ тѣхъ, что столбнякъ вызываютъ... Записку оставила на столѣ, странную, никто ее понять не можетъ.

— Какую?

— Коротенькая: „Прости,мама...Не могла я больше... Прощайте и вы...“ Далѣе слѣдовало, должно-быть, чье имя, но его она старательно зачеркнула, съ собой въ могилу унесла тайну.

— Тайну?—холодѣя спросилъ Иванъ Николаевичъ.

— Да, несомнѣнно. Докторъ, осматривавшій ее, сообщилъ намъ...—и жилецъ еще болѣе понизилъ голосъ:—сообщилъ намъ, что она уже четвертый мѣсяцъ, должно-быть, въ интересномъ положеніи. А мы всѣ ее считали дѣвочкой. Думали что...

Но тутъ вернувшаяся изъ той комнаты мать подошла къ Ивану Николаевичу.

— Батюшка, милый вы мой!.. Голубчикъ!.. Дочка-то, дочка...

Тотъ молчалъ.

— Хоть бы мнѣ, старой, сначала. А то она! Жить бы ей да жить. Господи, Господи! Покарай же Ты его!

И, опустясь на стулъ около, она заплакала какъ-то жалко, безсильно, по-старчески.

— Хоть бы знать-то, кто загубилъ ее. Вотъ Иванъ Николаевичъ жили вы здѣсь. Сами видѣли какая она была. Такъ вѣдь и ея не пожалѣли. Ребеночка-то, и того развратили у меня. Какъ цвѣточекъ росла. Я такъ думаю на старика одного, Степана Пантелеевича. Изъ интендантскихъ! Все на нее таращился, бывало! Жилъ онъ здѣсь, богатъ былъ. А у нея въ конвертѣ-то деньги оказались, большія деньги. А на бумажкѣ написано: „Маменька, раздай бѣднымъ, пускай за меня Богу молятся!"

— Сколько денегъ?—совсѣмъ уже глупо спросилъ Иванъ Николаевичъ.

— Двѣ тысячи!

Это было именно то, что онъ оставилъ ей.

— И ни на кого-то она, голубиная душенька, не жаловалась. А особенно про васъ всегда жалѣючи поминала. Любила васъ покойница. Всегда вы съ ней ласковы были. Что же теперь я буду, Иванъ Николаевичъ, что же я безъ нея-то? Господи!.. Хоть бы меня зарыли... съ ней вмѣстѣ. Не глядѣть мнѣ больше на бѣлый свѣтъ.

Иванъ Николаевичъ вошелъ опять въ ту комнату, гдѣ лежала Надя.

Онъ поднялъ свѣсившуюся руку, хотѣлъ ее положить на постель, но она опять тяжело и безжизненно упала. Не зная самъ, что дѣлаетъ, онъ коснулся губами лба покойницы и почувствовалъ отъ нея такой

холодъ, что онъ насквозь проникъ его до сердца. Поправивъ сбившіеся волосы ея и, какъ пьяный, шатаясь, вышелъ вонъ. Его уже въ передней догнали и подали ему шинель и шляпу.

— На похороны придете?

Онъ даже не замѣтилъ, кто его спрашивалъ.

— Да, да, непремѣнно.

— Такъ послѣзавтра... Завтра утромъ ее потрошить будутъ.

Но онъ уже не слушалъ. Весь въ ужасѣ, онъ спускался внизъ по лѣстницѣ, поѣхалъ къ себѣ... Но молчаніе его комнатъ было ему теперь не подъ силу. Онъ вышелъ и долго слонялся по улицамъ города, потомъ попалъ куда-то въ ресторанъ и сидѣлъ тамъ, пока не заперли дверей и не попросили его удалиться. Вспомнивъ, что Дюссо еще отпертъ, онъ поѣхалъ туда. Нашелъ знакомыхъ, изумившихся его мрачности... Они заинтересовались, начали его разспрашивать. Иванъ Николаевичъ не выдалъ имъ тайны, но замкнулся въ такую загадочность, что сталъ даже рисоваться ею... На похороны онъ не поѣхалъ... Черезъ недѣлю-двѣ онъ даже забылъ обо всемъ этомъ „происшествіи“, и вотъ только теперь, черезъ тридцать лѣтъ, не ждано не гадано, безъ всякихъ видимыхъ причинъ оно воскресло передъ нимъ именно въ той формѣ, какую всего менѣе онъ считалъ бы возможной.

V.

Черезъ тридцать лѣтъ! Былъ ли онъ виноватъ передъ нею? Нѣтъ. Въ глубинѣ своего эгоизма онъ считалъ ее полусумасшедшей идеалисткой... Вѣдь она

отдалась ему безъ всякихъ условій. Онъ никогда не обѣщалъ на ней жениться. Да она и сама понимала, что это невозможно. Развѣ она не могла выйти за какого-нибудь чиновника помельче? Тотъ былъ бы даже радъ той помощи, какую при этомъ оказалъ бы имъ Иванъ Николаевичъ. Ребенокъ!.. Она, во-первыхъ, скрывала его, а во-вторыхъ, онъ бы и на него выдалъ извѣстную сумму. Зачѣмъ же эти призраки, безмолвные, нѣмые, встаютъ передъ нимъ, зачѣмъ они нарушаютъ покой его счастливаго существованія?.. Почему онъ не можетъ остаться теперь лицомъ къ лицу съ прошлымъ, чтобы изъ глубины непрогляднаго мрака не показалось ему это мертвое лицо съ опущенными вѣками и блѣдными, сжатыми губами?..

Сегодняшнюю ночь онъ проводилъ безъ сна...

Никогда еще огонь свѣчи такъ не раздражалъ его. Богъ знаетъ, что бы онъ далъ за одну возможность затушить ее и остаться въ темнотѣ безъ видѣній, безъ грезъ. Почему-то именно сегодня онъ сталъ думать о томъ, что эта несчастная испытывала передъ своей ранней кончиной... Отчего она не дала знать ему?.. Вѣдь его адресъ былъ у нея. Изъ деревни письмо ее тотчасъ же переслали бы къ нему въ Петербургъ... Что заставляло ее молчать? Не стыдъ. Вѣдь не стыдилась же она своей любви, отдаваясь ему. Боязнь? Чего? Она вообще и ранѣе дичкомъ была. Ей казалось ужаснымъ быть навязчивой. Онъ не слышалъ отъ нея ни одного укора. Онъ вспомнилъ, сколькихъ женщинъ онъ любилъ потомъ, и какія драматическія представленія онѣ устраивали ему при всякомъ поводѣ да, наконецъ, и безъ повода. Она была деликатнѣе, сдержаннѣе всѣхъ ихъ. Едва ли не она одна и любила его какъ слѣдуетъ, по-настоящему.

По крайней мѣрѣ въ одномъ ея чувствѣ было самопожертвованіе; другія, напротивъ, отъ него требовали жертвы! Отчего же этихъ другихъ онъ цѣнилъ больше? Отчего?

А существуетъ ли еще ея могила?..

Съ чего ему пришелъ въ голову этотъ вопросъ? Онъ зналъ, что похоронили ее на Смоленскомъ кладбищѣ. Какъ-то вскорѣ послѣ ея смерти встрѣтилъ знакомаго жильца изъ тѣхъ номеровъ, и тотъ упрекнулъ его:

— А вы такъ и не проводили ея?.. Не сдѣлали этой чести бѣдной дѣвочкѣ. Положимъ, вы чужой ей... Но мы всѣ шли за ея гробомъ, всѣ.

— Я боленъ былъ!—потупился онъ.

— Развѣ что... Матушка ея ждала васъ. Съ часъ не выносили гроба, думали, что вы опоздали... Островерховъ не пріѣхалъ тоже. Но онъ, по крайней мѣрѣ, цвѣтовъ прислалъ. Покойница такъ любила цвѣты при жизни.

Потомъ онъ все собирался съѣздить къ ней на могилу. Но не до того было: жизнь шла мимо кладбищъ и непріятныхъ воспоминаній. Теперь она опять повернула къ нимъ... И это старое обѣщаніе посѣтить ея бѣдную могилку встало передъ нимъ еще однимъ упрекомъ.

— Да, надо будетъ съѣздить, — вслухъ проговорилъ онъ.

— Завтра же!..

И взглянулъ передъ собою въ полумракъ, лежавшій за дверями гостиной. Точно онъ кому-то далъ обѣщаніе... Странное дѣло, ему стало нѣсколько легче послѣ этого. Точно онъ уже отчасти сталъ сводить съ *нею* счеты... Заснулъ онъ подъ утро и заснулъ

крѣпко... Слуга, явившійся въ десять часовъ разбудить его, былъ прогнанъ съ бранью, удивившею того. Иванъ Николаевичъ всегда былъ вѣжливъ съ людьми.

— Сами приказывали! — оправдывался тотъ въ дверяхъ.

— Разбуди въ часъ!..—И онъ заснулъ еще крѣпче.

Къ часу, впрочемъ, онъ самъ проснулся и долго лежалъ, припоминая, что̀ онъ хотѣлъ сдѣлать? Что-то лежало у него на совѣсти, какое-то обѣщаніе, которое слѣдовало исполнить сегодня же. Наконецъ траурныя рамки похоронныхъ объявленій въ поданной ему газетѣ навели его на мысль.

— Да... съѣздить къ *ней*...

Не измѣняя заведеннаго порядка своей жизни, онъ съ аппетитомъ позавтракалъ, затѣмъ одѣлся потеплѣе и вышелъ.

Кучеръ его уже ждалъ у подъѣзда.

— На Смоленское кладбище!..

— Чего-съ?—изумился тотъ.

— На Смоленское.

Не измѣняя выраженія крайняго недоумѣнія на лицѣ, кучеръ повернулъ по направленію къ Васильевскому острову...

„Ну, вотъ и отлично... Да, давно бы слѣдовало, давно посѣтить ея могилу... Ахъ, какая была эта дѣвушка!.. Ласковая, нѣжная, тихая! Такихъ нѣтъ теперь. И какъ любить умѣла! Бывало, въ глаза смотритъ робко-робко, а у самой взглядъ такъ и теплится... Да, давно бы слѣдовало“...

Какъ и всегда, день принесъ съ собою спокойствіе и жажду жизни. Отъ призраковъ уже не оставалось ничего.

Кучеръ въѣхалъ на Николаевскій мостъ.

Тутъ очень дуло, и вѣтеръ былъ сѣверный, морозный. Щипало лицо, носъ Ивану Николаевичу, какъ онъ ни кутался въ бобровый воротникъ шинели...

— Послушай... ты какъ думаешь... далеко еще ѣхать.

— Да... съ часъ, пожалуй... это вѣдь вонъ гдѣ... тамъ и еще холоднѣе будетъ...

„Въ самомъ дѣлѣ... Притомъ объясняться со сторожами, въ конторѣ... отыскивать могилу... бродить по снѣгу...“

Еще разъ пахнуло вѣтромъ...

— Фу, ты, чортъ! Какой морозъ!.. Алексѣй...

— Чего изволите?—обернулся кучеръ.

— Поворачивай назадъ!..—вырвалось у Ивана Николаевича.

Ото всѣхъ его добрыхъ намѣреній только и осталось это восклицаніе...

— Куда прикажете?

— Къ Донецкой... „Сегодня, кажется, у нея пріемный день“, сообразилъ онъ про себя.

„А Надя?—шевельнулось у него въ головѣ.—Она вѣдь ждетъ!“...

Но день уже разсѣялъ ночные страхи... Иванъ Николаевичъ даже проговорилъ вслухъ:

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!..

СОБАКА.

I.

Что это была за Рождественская ночь! Пройдутъ еще десятки лѣтъ, тысячи лицъ, встрѣчъ и впечатлѣній мелькнутъ мимо, слѣда не оставятъ, позади тебя длинный рядъ могилъ вытянется, — а она все будетъ передъ тобою, какъ живая, въ лунномъ блескѣ, въ причудливой рамкѣ Балканскихъ вершинъ, гдѣ, казалось, всѣ мы были такъ близки къ Богу и его кроткимъ звѣздамъ...

Я ее хорошо помню: точно еще вчера добрался до самаго темени Куруджи, сахарная голова которой еще наканунѣ съ самаго утра дразнила насъ: „Все-де вы прошли и осилили, а меня вамъ не одолѣть!“ И одолѣли; только сами, едва дорывшись до земли, свалились на нее, чтобы хоть немного отдышаться. Далеко-далеко въ таинственномъ свѣтѣ чудились безлистныя деревья, точно скелеты, протягивавшіе къ намъ снизу свои костлявыя руки; еще ниже — синими тѣнями намѣчались глубокія ущелья. Долина Казанлыка вся курилась бѣлымъ паромъ, а за нею и манилъ насъ и призрачнымъ казался какой-то миражъ. Что тамъ было:

облака, заснувшія подъ луною, или горы—мы не знали. Налѣво, къ востоку, смѣлымъ взлетомъ, точно на ладони приподнятый къ самому небу, дремалъ Св. Николай съ траншеями нашихъ полузамерзшихъ богатырей, отстоявшихъ тутъ въ тяжелые дни третьей Плевны и честь и достоинство Россіи. Вѣчная память имъ теперь!.. Мало ихъ осталось между нами, но дѣло ихъ не пропало тамъ, гдѣ каждое добро, каждая тайная мысль, каждая безмолвная жертва и цѣломудренно не обнаруженное страданіе въ красную строку записано для суда и воздаянія...

II.

Какъ теперь помню: лежали мы пластомъ; усталь такъ морила, что не хотѣлось даже ближе къ костру придвинуться. Сырое дерево шипѣло, обвиваясь дымомъ, тысячи искръ взлетали въ высоту; когда оно трескалось, сотни золотыхъ змѣй, казалось, бѣгали въ самомъ полымѣ. Въ красной массѣ разгорѣвшагося угля порою открывались чьи-то огненныя очи и опять подергивались сизою пленкою.

Фельдфебель послѣднимъ прилегъ. Ему пришлось указать мѣста всей ротѣ, повѣрить солдатъ, принять приказаніе отъ командира. Это былъ уже старый солдатъ, оставшійся на второй срокъ. Война подошла — стыдно ему показалось уходить отъ нея вчистую. Я давно къ нему присматривался. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, у кого подъ холодною внѣшностью бьется горячее сердце. Брови нависли сурово. И глазъ не разберешь, а разсмотри ихъ — прямо къ нему со своимъ горемъ самый ледащій солдатишко довѣрчиво пойдетъ.

Добрые, добрые они,—и свѣтились, и ласкали, и точно смѣялись чему-то. Усы ощетинились — съѣсть, а на губахъ, подъ ними, какая-то дѣтская наивная улыбка... Легъ онъ, потянулся... „Ну, слава Богу, теперь для-ради Рождества Христова и отдохнуть можно!“ Къ огню повернулся, трубку вынулъ, закурилъ. Въ морозномъ воздухѣ балканской ночи запахло, и вкусно запахло, дешевою махоркой... „Вмѣсто чаю!—засмѣялся онъ.—И дешево и самовара не надо!.. Теперь до разсвѣта—покой!..“ И вдругъ мы вздрогнули оба. Близко-близко гдѣ-то залаяла собака. Да какъ еще!—Отчаянно, точно на помощь звала, будто во всю свою пасть орала: „Ратуйте, православные, пропадаемъ“... Намъ было не до нея. Мы старались не слышать. Но какъ это было сдѣлать, когда лай становился все ближе и оглушительнѣе. „Раненая, что ли? Или кто изъ лодырей пришибъ ее... Тоже вѣдь, подлецы, забавляются; любо имъ Божье творенье мучить!..“

III.

Собака, очевидно, бѣжала по всей линіи костровъ, не останавливаясь нигдѣ. Занявъ самое темя Куруджи, мы, какъ я уже сказалъ, до земли дорылись, а отброшенный снѣгъ вокругъ насъ составилъ нѣчто похожее на валъ. Будь вѣтеръ—отъ него все-таки защита и за такимъ валомъ. Насъ уже пригрѣвало костромъ, у меня глаза слипались, и ни съ того ни съ сего я даже дома очутился за большимъ чайнымъ столомъ, должно-быть, засыпать началъ, какъ вдругъ лай послышался у меня надъ самыми ушами. Я приподнялся на локтяхъ. „Чего ты, дурная!“ говоритъ рядомъ ста-

рикъ-фельдфебель. Именно дурная! Лохматая и въ какихъ-то плѣшинахъ, на кривыхъ лапахъ и неизвѣстно гдѣ утратившая хвостъ, собака взбѣжала на нашъ валъ и неистово заливалась, какъ-то смѣшно подымая острую, съ торчмя стоявшими ушами морду. Уставая лаять, она зорко всматривалась въ насъ. Ко мнѣ подбѣжала—и вдругъ прочь кинулась. И даже заворчала. Я такъ и понялъ, что не оправдалъ ея довѣрія... Къ фельдфебелю сунулась, къ самой головѣ его; тотъ поманилъ ее. Она ему въ мозолистую лапу холоднымъ влажнымъ носомъ ткнулась и неожиданно завизжала и заскулила, точно зажаловалась... Мы диву дались— и лаетъ, и визжитъ, и руку ему лижетъ, а потомъ ни съ того ни съ сего схватилась зубами за полу его шинели и потянула ее, смѣшно упираясь передними лапами въ землю и все откидываясь на заднія. „Не спроста это!—вырвалось у солдата.—Песъ умный... У его дѣло ко мнѣ есть!..“ Точно обрадовавшись, что ее поняли, собака выпустила шинель и радостно-радостно залаяла, а тамъ опять за полу: „Пойдемъ-де, пойдемъ скорѣе!..“

IV.

— Неужели вы пойдете?—спросилъ я у фельдфебеля.

— Значитъ, надо! Песъ завсегда знаетъ, что ему нужно... Эй, Барсуковъ, пойдемъ, на случай чего!..

Несуразный, но крѣпко-накрѣпко сшитый солдатъ тоже поднялся. Про такихъ, какъ онъ, говорятъ ветлужской работы — пятью ломами не прошибешь. Собака уже бѣжала впереди, и только изрѣдка огляды-

валась, уже отрывисто и дѣловито тявкая: „Такъ-де... Еще немного!..“ Я опять сталъ засыпать у костра, мнѣ уже чудился конецъ этой войны, теплые дома, мягкія постели... Голубыя воды Эгейскаго моря, синяя глубь Босфора съ золотою оправою его береговъ, бѣлое марево Стамбула и русскій пароходъ, на который сажусь, чтобы вернуться домой, и родная молвь, и милыя дорогія лица, и дѣвичій смѣхъ, и забытая ласка матери... Должно-быть, я долго спалъ такимъ образомъ, потому что въ послѣднія мгновенія сознанія въ моей памяти какъ-то осталась—луна надо мною на высотѣ; а когда отъ внезапнаго шума я поднялся, она уже была позади, и торжественная глубина неба вся искрилась звѣздами. „Клади, клади осторожнѣе!..—слышалось приказаніе фельдфебеля. — Ближе къ огню“... Солдаты подымались отъ костра, глядя сюда. Барсуковъ опускалъ на землю что-то завернутое, темное. Я протеръ глаза... Та же собака прыгала кругомъ, точно распоряжаясь, какъ опустить, какъ положить. Лаяла она уже тихо и ласкаясь ко всѣмъ будто заискивая общей дружбы и расположенія. Даже мнѣ въ лицо ткнулась мордой — „вставай-де, помогай и ты, чего пластомъ лежишь; развѣ не видишь, какое тутъ дѣло случилось!“ И уши у нея попрежнему торчкомъ, и лохмы дыбомъ.

V.

Я всталъ... Подошелъ... На землѣ, у костра, уже лежало то „темное“, что я смутно различалъ спросонокъ. Не то свертокъ, не то узелъ, напоминавшій формою дѣтское тѣло. Стали раскутывать это темное,

а фельдфебель торопливо разсказывалъ. Потомъ уже мнѣ удалось возстановить событія, какъ они происходили. Собака привела нашихъ на засыпанный снѣгомъ скатъ горы. Тамъ лежалъ кто-то, точно заснувшій. Наклонились и прямо на нихъ подъ луннымъ свѣтомъ, не мигая, смотрѣли большіе черные глаза. Блѣдное-блѣдное лицо съ плотно сжатыми губами и особенно рѣзко выступавшій изъ-подъ всклоченныхъ и примерзшихъ волосъ какой-то старый, должно-быть, но теперь вздувшійся и посинѣвшій шрамъ. Собака ткнулась къ этому лицу, лизнула его и завыла, какъ-то странно подбирая задъ, должно-быть, поняла, что оно ужъ не улыбнется ей больше... „Закостенѣла!—тихо проговорилъ старый фельдфебель.—Ишь руки, что твое дерево“... Онѣ бережно держали у самой груди какое-то сокровище, съ чѣмъ бѣдной „бѣженкѣ“, какъ ихъ тогда называли, всего тяжелѣе было разстаться или что она хотѣла во что бы то ни стало, хотя бы цѣною собственной жизни, сохранить и отнять у смерти... Рукъ этихъ отвести нельзя было, ихъ пришлось оставить и распутывать изъ-подъ нихъ дорогую ношу... Чтò тряпокъ на ней оказалось! Все съ себя сняла несчастная, чтобы для другого существа сберечь послѣднюю искру жизни, послѣднее ея тепло. Подъ тряпками—овечья шкура, и въ ней-то было завернуто это „нѣчто“, къ чему такъ неистово приглашалъ лохматый песъ...

VI.

— Рабеночекъ?—толпились солдаты.—Рабеночекъ и есть!.. Вотъ послалъ на Рождество Господь... Это, братцы, къ счастью...

Лохматка сидѣла, пытливо вглядываясь во всѣхъ, но, замѣтивъ общее расположеніе къ „находкѣ“, обрадовалась и на весь балканскій просторъ пролаяла такъ оглушительно, что отъ ближайшаго костра всталъ и пришелъ къ намъ „командиръ“. „Что у васъ тутъ?“—„Дитю Богъ послалъ!..“ Тотъ только брови поднялъ. Капитанъ самъ былъ семейный и толкъ въ этомъ понималъ. „Чего же вы его распутали?“ Но Барсуковъ, нагрѣвъ надъ огнемъ овчину, живо завернулъ въ нее маленькое существо, довольно спокойно относившееся къ новой обстановкѣ. Ребенокъ велъ себя разсудительно, свыше всякой мѣры. „Хотите на меня смотрѣть,—казалось, думалъ онъ,—ну, смотрите, меня отъ этого не убудетъ“. На красномъ комочкѣ лица, изъ-подъ слегка припухшихъ вѣкъ, серьезно смотрѣли сѣрые глаза, останавливаясь то на мнѣ, то на „командирѣ“, то на фельдфебелѣ. Носъ, пуговкою, какъ-то сморщился. „Плакать собирается!“ замѣтилъ кто-то. Ребенокъ и тутъ оказался на высотѣ своего положенія. Безбровый лобикъ его разгладился, ротъ вытянулся трубочкою, потомъ раскрылся и откровенно зѣвнулъ. „Вотъ-де вамъ, чего мнѣ надо“.... Я дотронулся до его щекъ—мягкія оказались, теплыя... Глаза его блаженно закрылись и изъ-подъ овчины, на-зло всей этой обстановкѣ—боевымъ кострамъ, морозной балканской ночи, ружьямъ, составленнымъ въ козлы и тускло блиставшимъ штыками, дальнему десятками ущелій повторенному выстрѣлу—передъ нами покойное-покойное было дѣтское личико, одною своею безмятежностью обезсмысливавшее всю эту войну, все это истребленіе, всѣ эти жестокіе инстинкты!..

VII.

Барсуковъ разжевалъ было сухарь съ сахаромъ, оказавшимся въ чьемъ-то запасливомъ солдатскомъ карманѣ, но старый фельдфебель остановилъ его. „Внизу— сестры милосердія. У нихъ для ребеночка и молочко найдется!.. Дозвольте отлучиться, ваше высокоблагородіе“. Капитанъ дозволилъ и письмо даже написалъ, что рота беретъ находку на свое попеченіе... Лохматкѣ очень понравилось у огня. Она даже лапы вытянула и брюхомъ къ небу обернулась. „Нате-де. Вся я тутъ передъ вами, какая есть—не взыщите!“ Но какъ только фельдфебель тронулся съ мѣста, она безъ сожалѣнія бросила костеръ и, ткнувши мордой въ руку Барсукова, со всѣхъ ногъ кинулась за нимъ. Старый солдатъ несъ дитя подъ шинелью бережно. Я зналъ, какой страшный путь прошли мы, и съ невольнымъ ужасомъ думалъ о томъ, что его ожидало: почти отвѣсные спуски, скользкіе, обледянѣвшіе скаты, тропки, едва державшіяся на ребрахъ утеса... Къ утру онъ будетъ внизу, а тамъ—сдалъ ребенка и опять вверхъ, гдѣ рота уже построится и начнетъ свое утомительное движеніе въ долину Тунджи!.. Я заикнулся объ этомъ Барсукову. Несуразный ветлужанинъ, смотрѣвшій въ огонь, круто обернулся ко мнѣ и уставился на меня. „А Богъ-то?“ спросилъ онъ. — „Что?“ не понялъ я сразу. „А Богъ-то, говорю?.. Нешь Онъ попуститъ?..“ Еще разъ издали донесся до меня веселый лай, и я опять заснулъ, разогрѣтый огнемъ костра и успокоившійся послѣ только что пережитаго волненія... И Богъ, дѣйствительно, помогъ старику... На другой день онъ разсказывалъ: „Точно крылья несли меня. Тамъ, гдѣ

одному было жутко днемъ, а тутъ въ туманъ спустился, ничего не вижу, а ноги сами идутъ, и дитё ни разу не крикнуло!.. И сестры какъ обрадовались: скажи, говорятъ, капитану, что мы его выходимъ и собаку пріютимъ!"

VIII.

Но собака, сверхъ всякихъ ожиданій, поступила совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлось сестрамъ. Она осталась было и первые дни пристально слѣдила, не спуская глазъ съ ребенка и съ нихъ, какъ будто хотѣла убѣдиться, хорошо ли будетъ ему и заслуживаютъ ли ея песьяго довѣрія онѣ. Лохмачъ даже отъѣлся за это время. По ночамъ онъ ложился у постели „найденыша" и неизмѣнно всякій его крикъ сопровождалъ лаемъ. „Вставайте-де. Чего спите, когда онъ кушать проситъ". Но сестры вставали и безъ этого. Усталыя, измученныя послѣ цѣлаго дня безотрадной работы надъ ранеными, онѣ все-таки находили въ своихъ святыхъ душахъ неизсякаемые источники нѣжности и любви для этого жалкаго, осиротѣвшаго существа. Мало-по-малу убѣдившись въ томъ, что и безъ него ребенку будетъ хорошо, песъ позволилъ себѣ посѣщать госпитали, гдѣ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, безмолвно глядя на больныхъ, или, опуская лохматую голову, погружался въ свои собачьи мысли о тщетѣ всего человѣческаго... Въ „послѣднее" утро (почему „послѣднее"—сейчасъ объ этомъ будетъ сказано) сестры видѣли, какъ вѣрный песъ сталъ передними лапами на постель къ ребенку и долго смотрѣлъ на него, а потомъ выбѣжалъ изъ палатки и, присѣвъ, задумался. Наконецъ, принявъ

какое-то твердое рѣшеніе, онъ обѣжалъ всѣхъ сестеръ, приласкался къ каждой, явился на кухню къ полюбившемуся ему повару и тому мокрымъ носомъ толкнулся въ руку—и исчезъ невѣдомо куда!..

IX.

Невѣдомо куда для „сестеръ“—въ первое время. Наша рота двинулась изъ Казанлыка за Малые-Балканы, и вотъ на одномъ перевалѣ, гдѣ снѣгъ ужъ остался позади, а царство невылазной грязи ожидало насъ впереди,—не успѣли мы выстроиться, какъ передъ фронтомъ необыкновенно молодцевато, во весь карьеръ своихъ четырехъ кривыхъ лапъ, еще болѣе лохматая, вся залѣпленная слякотью, но оглушительно и весело лая, пронеслась знакомая собака. Она твердо знала разницу въ чинахъ, потому что прежде всего оставила грязные слѣды на груди капитана, потомъ завертѣлась у ногъ фельдфебеля и, наконецъ, радостно привѣтствовала Барсукова, кинувшись тому къ самому лицу... Барсуковъ отплюнулся, пробормоталъ: „Ишь—паршивая“, но смотрѣлъ на пса добрыми и ласковыми глазами... Окончивъ съ этимъ, собака помѣстилась на правомъ флангѣ, около фельдфебеля, и съ тѣхъ поръ это было ея неизмѣннымъ мѣстомъ. Она и шла и останавливалась съ нами. Солдаты ее полюбили и прозвали почему-то „ротной Арапкой“, хотя съ Арапкою у нея не было никакого сходства. Она была покрыта свѣтлорыжею шерстью, а голова у нея оказывалась послѣ дождя, разумѣется, совсѣмъ бѣлой. Тѣмъ не менѣе, рѣшивъ, что на мелочи обращать вниманія не стоитъ, она стала и на имя „Арапки“

отзываться весьма охотно. Арапка, такъ и Арапка. Не все ли равно—лишь бы съ хорошими людьми дѣло имѣть.

X.

Вы помните Хаскіойскія поля? Море грязи внизу, море непрогляднаго тумана надъ нею... Туманъ сливался съ грузными медлительными тучами. Въ немъ двигалось что-то громадное, темное, зловѣщее. Подошли наши войска,—оттуда, изъ самыхъ нѣдръ этой мглы, грянули залпы. Мы отвѣтили тѣмъ же и ударили въ штыки; турецкіе таборы бѣжали, но за ними оказались сотни тысячъ бѣглецовъ. Жены съ дѣтьми, старики со старухами. Наши солдаты остановились. Жалость была на всѣхъ лицахъ. Но напуганное муллами, поднятое со своихъ мѣстъ султанскими эмиссарами, мирное населеніе долинъ Марицы и Тунджи сослѣпу кинулось за таборами. Куда?.. Развѣ они знали въ безсмысленной паникѣ! Голодные, терявшіе дѣтей въ этой слякоти, тысячами умиравшіе сами... Нѣсколько дней мы собирали еще дышавшихъ, еще живыхъ, и „ротная Арапка“ при этомъ дѣлала чудеса. Она рыскала по всему этому простору и громкимъ отрывистымъ лаемъ обозначала тѣхъ, кому еще могла принести пользу наша помощь. Она не останавливалась надъ мертвыми. Ея вѣрный собачій инстинктъ указывалъ ей, что тутъ вотъ подъ напухшими комьями грязи еще бьется сердечишко въ маленькомъ дѣтскомъ тѣлѣ. Она живо дорывалась кривыми лапами до него и, подавъ голосъ, бѣжала къ другимъ. Благодаря этому чудесному псу было спасено много жизней. „Тебѣ бы, по-настоящему, медалю слѣдовало“, ласкали ее потомъ

солдаты. Но животнымъ, даже самымъ благороднымъ даютъ, къ сожалѣнію, медали за породу, а не за подвиги милосердія. Мы ограничились только тѣмъ, что уже въ Константинополѣ заказали ей ошейникъ съ надписью: „За Шибку (Куруджу) и Хаскіой—вѣрному товарищу"...

XI.

Сонъ, грезившійся мнѣ у костра на самомъ темени Балканскихъ вершинъ, скоро исполнился. У моихъ ногъ ласково шумѣли синія воды Эгейскаго моря, въ лазурномъ царствѣ котораго до сихъ поръ чудится купающаяся Амфитрита, потомъ черезъ нѣсколько дней въ теплый свѣтъ уходили дивныя дали Геллеспонта, и, наконецъ, все въ золотистомъ туманѣ, стройное и художественное мерещилось несравненное марево Константинополя. Башни за башнями, дворцы за дворцами, минареты за минаретами. Какъ многоочивый змій апостола, оно по ночамъ горѣло тысячами огней, дразня наши ревнивые глаза вѣчною, несбыточною сказкою русскаго Царяграда... А тамъ прибыли наши пароходы, и я помню, какъ старый фельдфебель пошелъ проводить меня съ неразлучавшейся съ нимъ Арапкой. „Кланяйтесь матушкѣ-Россіи. Авось, и насъ Богъ приведетъ!.." говорилъ онъ мнѣ, а Арапка съ берега лаяла на меня, ставя шерсть дыбомъ и уши торчкомъ. „Чего-де ты, куда? Развѣ здѣсь не хорошо? Аль совсѣмъ ополоумѣлъ?" Когда лодка моя отчалила, Арапка даже въ воду сунулась и завыла, считая меня, очевидно, погибшимъ... Тихо-тихо сбѣгался Константинополь въ одну кучу минаретовъ, сливался въ одинъ бѣлый ко-

мочекъ; темное и непривѣтливое, бурей встрѣтило насъ Черное море, и черезъ два дня мы впервые въ эти полтора года издали разслышали торжественный звонъ родныхъ колоколенъ...

XII.

Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Сотни могилъ остались позади. Старыя были поблекли и слиняли. Кто и помнитъ о нихъ—такъ про себя больше. Ѣхалъ я какъ-то по Задонскому приволью... Русскій просторъ охватывалъ меня отовсюду своими ласковыми зеленями, могучимъ дыханіемъ неоглядныхъ далей, неуловимою нѣжностью, что̀ живописнымъ источникомъ пробивается сквозь его видимое уныніе... Сумѣй подслушать его, найти, напейся его воскрешающей воды,—и жива душа будетъ, и потемки разсѣются, и вѣра воскреснетъ, а сомнѣнію мѣста не останется въ сердцѣ, какъ цвѣтокъ, открывшемся теплу и свѣту... И зло пройдетъ, и добро останется вовѣки вѣковъ...

Вечерѣло... Потянуло сыростью съ поемныхъ луговъ; тихій благовѣстъ донесся откуда-то... Мой ямщикъ добрался, наконецъ, до села и остановился на постояломъ дворѣ... Мнѣ не сидѣлось въ душной, полной назойливыхъ мухъ комнатѣ. Солнце садилось—я вышелъ на улицу... Вдали—крыльцо. На немъ песъ растянулся—дряхлый, дряхлый... куцый. Прощальный лучъ заката блеснулъ на его ошейникѣ. У мужика—и собака съ ошейникомъ? Отъ нечего дѣлать любопытенъ становишься. Подошелъ. Господи! старый товарищъ... „За Шибку и Хаскіой“. Арапка, милая! Но она только подняла голову и, не узнавъ меня, пробовала залаять,—

только ничего у нея не вышло... Хрипъ какой-то... Я въ избу—дѣдъ сидитъ на лавкѣ, мелюзга кругомъ шебаршитъ. Взрослые съ поля еще не вернулись. „Откуда у васъ собака эта?“—„Наша, ротная!..“—„Батюшка, Сергѣй Ефимовичъ, вы ли это?“ крикнулъ я. Вскинулся старый фельдфебель—разомъ узналъ, и по лицу знакомое что-то пробѣжало. Брызни на ветхую, слинявшую картину водой и на минуту поблекшія лица выступятъ на ней въ блескѣ и жизни молодости. О чемъ и что мы говорили, — кому до того дѣло? Наше намъ дорого и на весь свѣтъ кричать объ этомъ даже стыдно, поди... Арапку мы позвали—едва доползла, волоча брюхо, и у ногъ хозяина улеглась, хрипя и задыхаясь... „Помирать намъ съ тобой пора, ротный товарищъ,—гладилъ ее старикъ,—довольно пожили на покоѣ!..“ Собака подымала на него угасавшіе глаза и повизгивала: „Пора-де, охъ, давно пора!“ — А помните, какъ она браво тогда на Куруджѣ лаяла на насъ?..

— Ну, а что съ ребенкомъ сталось?..

— Пріѣзжала!..—И дѣдушка радостно улыбнулся.— Отыскала меня, старика...

— Здѣсь?

— Да! Вотъ какъ. Барышня совсѣмъ. И все у нея по-хорошему. Меня приласкала—подарковъ навезла. Арапку въ самую морду поцѣловала. Просила ее у меня. „У насъ, говоритъ, ее холить станутъ“... Ну, да намъ-то не разстаться съ ней. И она отъ тоски подохнетъ.

— А Арапка ее узнала?

— Ну, гдѣ.... Комочекъ вѣдь была она тогда... дѣвчонка-то... Эхъ, братъ Арапка, пора намъ съ тобою на вѣчное успокоеніе. Пожили, будетъ?.. А?..

Арапка вздохнула.

. . . .

Черезъ годъ я былъ опять въ этомъ селѣ.

На кладбищѣ мнѣ показали бѣлый крестъ... Подъ нимъ дѣйствительно нашелъ успокоеніе старый фельдфебель... На кленѣ надъ нимъ заливались щеглы, дрались веселые чижи... Могилу всю травкой занесло. Наивные бѣлые цвѣтки ласково, по-дѣтски, смотрѣли на меня оттуда... Нахальный желтый курослѣпъ хотѣлъ было на самый холмикъ взобраться, да не смогъ— въ ногахъ остался. Вдали блестѣлъ крестъ надъ куполомъ сельской церкви... Тихо было, мирно, благолѣпно кругомъ...

— А Арапка гдѣ?—спросилъ я.

— Собака-то... Какъ дѣдушка померъ, она съ могилки уйти не хотѣла. Не ѣмши, не пимши, все жалилась и землю рыла. Да куда!—Лапы у ей дряхлыя, слабыя... Тутъ и поколѣла... На этомъ мѣстѣ...

— Гдѣ ошейникъ ея?.. Не остался ли?

— Нѣтъ, куда... Батька къ цѣловальнику сволокъ. Потому у насъ вотъ какъ пили тогда на селѣ, какъ рощу у барина покупали... Ну, и Арапкино добро туда же пошло...

На первыхъ порахъ.

(Повѣсть).

I.

Онъ былъ глупъ, какъ котенокъ, и веселъ, какъ сытый чижъ. Жизнь впереди ему казалась нескончаемымъ праздникомъ, на которомъ первое мѣсто будетъ принадлежать его великолѣпной особѣ. Нѣчто въ родѣ блистательнаго представленія съ фейерверкомъ, бенгальскими огнями, національными танцами многочисленнаго кордебалета и апоѳеозомъ съ центральной фигурой никого иного, какъ Митеньки Караваева. Такъ именно назывался этотъ новый Александръ Македонскій, котораго пассажирскій поѣздъ Николаевской дороги имѣлъ честь везти въ Петербургъ. „Завоеватель вселенной" занималъ весьма скромное мѣсто въ вагонѣ третьяго класса между толстою бабой съ ребенкомъ на рукахъ и какимъ-то купцомъ, лицо котораго, очевидно, обработанное въ недавнемъ запоѣ, представляло собою точную карту чрезполосныхъ владѣній. Ребенокъ все время неистово оралъ, хотя его мать то и дѣло предоставляла въ его пользованіе такіе молочные

скопы, какимъ могла бы по праву позавидовать любая корова. Купецъ икалъ, крестился, призывалъ имя Господне и, вспоминая что-то, чесалъ всей пятерней своей трехъэтажный затылокъ и укоризненно (себѣ самому) моталъ кудлатой башкой. Собственно говоря, Митенькѣ нечего было особенно веселиться. У него въ карманѣ оказывалось всего двѣнадцать рублей съ копейками, позади—никого и столько же въ Петербургѣ. Столица являлась ему громаднымъ пятномъ, въ которомъ Караваеву не выступало ни одного знакомаго или родного лица. Но Митенькѣ только что исполнилось шестнадцать лѣтъ—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, съ нимъ былъ маленькій чемоданчикъ, поражавшій удивительнымъ сходствомъ съ чрезполосицей купецкой морды, икавшей рядомъ. Онъ также былъ весь ободранъ, исполосованъ, разинутъ. Караваевъ, впрочемъ, не уступилъ бы его и за милліонъ. Еще бы! Въ растрепанномъ чемоданѣ онъ везъ все свое будущее—богатство, почести и славу. Въ этомъ отношеніи Митенькинъ чемоданъ напоминалъ ранецъ наполеоновскаго малолѣтняго новобранца, въ которомъ полагалось невидимо присутствовать будущему маршальскому жезлу по меньшей мѣрѣ. Розовымъ мечтамъ юноши нисколько не мѣшало неприличное поведеніе обладателя молочныхъ скоповъ младенца, про котораго сидѣвшій напротивъ мужикъ, крутя носомъ, выражался деликатно:

— Ну, тетка!.. И дитё у тебя, дай ему Богъ...

— А гдѣ мнѣ пеленокъ набраться... Въ Питерѣ перемѣню.

— То-то, что.

— Извѣстно, рабенокъ. Нешь онъ понимаетъ. У него одно положеніе: насосался и спитъ.

— Которые люди,—вдругъ обрѣлъ даръ слова купецъ слѣва,—примѣрно, себя воздержать не могутъ... Скажемъ такъ—свиньи, но, однако, и изъ нашихъ тоже похвалить невозможно. Къ пойлу этому пьяному точно борова къ корыту. О Господи!—и онъ опять икнулъ и закрестился.

— Вотъ ѣдетъ господинъ,—повелъ мужикъ сѣдыми бровями на Митеньку.—Не сладко ему, поди, отъ пеленокъ твоихъ.

— А небось дитё-то я одна, что ли, сдѣлала?—вдругъ взбѣсилась баба.—Сами-то округъ насъ какъ турмана ходите. Фрръ, да фрръ... Хвосты-то трубой,—а потомъ вашъ братъ въ кусты, а я одна въ отвѣтѣ... Небось, какъ кобелями бѣгаете, носъ-то не жмуритя?.. Господинъ!.. А можетъ, и у меня барское дитё. Легко мнѣ съ нимъ возжаться-то? Онъ, подлецъ, на иконы крестился. Я тебя, Марья, никакъ не оставлю, будь спокойна! А потомъ надѣлъ кокарду на лобъ—перья-то ершомъ поставилъ. Ищи его! Сказываютъ, въ Питерѣ при казенномъ мѣстѣ.

— Это ты къ нему.

— А то куда?..

— И какъ онъ турнетъ тебя!

— Меня!

— Да... Кажи, какой у тебя документъ?

— Документъ! А это что?—ткнула она подъ самую бороду ему младенца.

— А можетъ, онъ отъ меня.

Баба выпучила глаза.

— Или вотъ отъ купца. Нешь на немъ написано...

— Ну, это ты тоже... Придумалъ...—терялась баба.—На всѣ иконы крестился... Чего еще.

— У тебя свидѣтели есть?

— Такому дѣлу да свидѣтели еще. Богъ видѣлъ.

— Богъ-то видитъ, да не скажетъ...

— Тоже,—опять проснулся купецъ,—и ихней сестрѣ, которая... О Господи... Ротъ-то разѣвать въ прохладѣ...

— А вы, господинъ, — не унимался мужикъ, — тоже въ Питеръ?

— Да!

— На царскую службу, поди... Али учиться?

— Нѣтъ...—И вдругъ онъ нѣсколько хрипло, какъ молодые пѣтушки, крикнулъ:—Я—писатель!

— Чего еще?.. Какъ это... Чинъ такой... Или... У насъ тоже писаря.

— Не писарь, а писатель, — обидѣлся онъ. — Это разница. Я стихи сочиняю. Понялъ?

— Такъ. Пѣсни, значитъ... Ну, это не дѣло. У насъ на фабрикѣ Петрунька есть, распослѣднiй мерзавецъ. Вдовой сестры сынъ. Онъ тоже—пѣсни эти... И бьютъ же его походя! Пьянаго!

— Пьянаго, — встрепенулся купецъ, да такъ, что чрезполосныя владѣнiя у него на лицѣ выступили еще ярче.—Пьянаго беречь надо. Развѣ онъ въ себѣ. Народы бываютъ разные. Но только... О Господи!

— Беречь!—вдругъ ожесточился мужикъ.—Благодаримъ покорно. Онъ у меня зимою избу спалилъ. Беречь!.. Какой пьяный—ежели смирный! Мы тоже Бога помнимъ, не препятствуемъ, — хоть лопни. Не моя водка-то. А Петрунька—сичасъ въ чужую клѣть за полушубкомъ. Для него, вишь, припасали.

Митенька Караваевъ нимало не обидѣлся. Даже усмѣхнулся. Въ самомъ дѣлѣ, приравнять его — будущаго... ну, дешевле чего нельзя, Пушкина, что ли?— къ какому-то пьяному Петрунькѣ, который то и дѣло воруетъ чужiе полушубки изъ мужицкихъ клѣтей.

Нужно снисходить къ невѣжеству. Чѣмъ онъ виноватъ, этотъ безграмотный „меньшой братъ“! Зато „меньшой братъ“, узнавъ, чѣмъ занимается „господинъ“, утратилъ къ нему всякое почтеніе и сразу перешелъ на „ты“.

— У тебя, поди, родитель есть?

— Какъ же.

— Обидѣлъ ты его... папашку-то. Растишь-растишь, думаешь, Господь кормильца подыметъ... А ты пѣсни пѣть... Поди, старичокъ-то у тебя почтенный...

— Мнѣ за стихи мои будутъ деньги платить, — вздумалъ было поднять свое пошатнувшееся достоинство Караваевъ.

— Деньги?.. Въ трактирѣ много ли въ шапку насобираешь? Еще вотъ такой купецъ попадется,—ну, онъ, не въ себѣ ежели да распалится, ну, тогда, поди, и двугривеннымъ побалуетъ. А то—плохо твое дѣло. У тебя этотъ инструментъ съ собой. Ты на гитарѣ, что ли?

Караваевъ обидѣлся.

— Видите этотъ чемоданъ?

— Еще же бы.

— Ну, такъ онъ весь стихами набитъ...

— Бумагой...

— Да... На каждомъ листкѣ пятьдесятъ строкъ, и ежели за каждую строку по четвертаку...

— Чего?.. Гдѣ же такія деньги-то глупыя водятся. Ты спроси, сколько мы за четвертакъ-то потѣемъ...

— Я тоже всегда за народъ. Я демократъ по убѣжденіямъ.

Мужикъ не понялъ. Недоумѣло повелъ на него глазами и, видимо, вдругъ испугался.

— Мы что же,—забормоталъ онъ.—Мы вѣдь этому дѣлу не причинны. Мы не грамотны.

— Понимаете, мы всѣмъ обязаны народу...

— Точно что—у Бога народушку много.

— Нѣтъ, это все не то... Мы, въ свою очередь, должны лучшія мысли свои, плоды творчества посвятить вамъ, чтобы мужичку хорошо жилось...

— Ты это оставь!—вдругъ вмѣшался купецъ.

— Почему?

— Какія твои слова?.. Творецъ-то одинъ—Господь Богъ. И плоды отъ Него же...

— Я про литературу,—покраснѣлъ Митенька.

Мужика точно подняло... Схватилъ свой мѣшокъ и поближе къ дверямъ... Подальше-де отъ бѣды!..

— Твой тятенька-то гдѣ? — началъ опросъ купецъ, уже совсѣмъ пришедшій въ себя.

— Мой? Въ Черниговской губерніи.

— Такъ... А чинъ на ёмъ есть?

— Какъ же. Онъ полковникъ.

— Ну?.. Не врешь?.. По паспорту ты какъ значишься?

— Сынъ отставного полковника.

— Скажи на милость, какой переплетъ! Какъ же онъ тебя на такое дѣло отпустилъ?

Митенька разсердился. Пересѣлъ на мѣсто, освобожденное мужикомъ, у окна и притворился, что его ужасно занимаютъ болота, по которымъ ужъ у самаго Петербурга бѣжалъ поѣздъ, точно откуриваясь дымомъ отъ ихъ комаровъ. Кое-гдѣ по сѣрой ржавчинѣ виднѣлся зеленоватый налетъ убогой травы, вдали мерещились чахлыя деревья. Чѣмъ ближе, тѣмъ все больше и больше скучивались у рельсовъ вытянутыя въ струну и словно прокисшія улицы деревянныхъ потныхъ домовъ, и только небо — блѣдно-голубое, глубокое, чистое — ласкало и нѣжило едва открывавшуюся послѣ долгой и непосильной зимы измученную землю...

Болѣзненна и чахла была эта природа, и Караваеву невольно думалось о томъ, какъ теперь хорошо дома въ большомъ саду, который весь въ росѣ сверкаетъ и горитъ подъ утреннимъ солнцемъ. Весь въ росѣ свѣжій, душистый съ лиловою тѣнью, въ бѣломъ облакѣ яблочныхъ цвѣтовъ, роняющихъ нѣжные лепестки на пышные кусты внизу... И птицъ-то, птицъ!.. То и дѣло срываются стаями и со-слѣпа несутся куда-то, точно чья-то исполинская горсть швыряется ими во всѣ стороны... Да! но зато впереди!.. Свѣту-то, свѣту сколько, славы, дѣла! Что онъ, Митенька, оставилъ за собою? Городъ спитъ въ садахъ, точно его одурманилъ ихъ весенній ароматъ. Спятъ бѣлыя церкви, спятъ ихъ колокольни, въ амбразурахъ которыхъ голубѣетъ небо—точно туда вставлены синія стекла! Спятъ улицы, и въ ихъ грязи спятъ наивныя благонамѣренныя свиньи, воображающія, что эта грязь самимъ Провидѣніемъ устроена для ихъ благополучія. Спятъ маленькіе домики съ цвѣтами на окнахъ. Спитъ базарная площадь съ деревяннымъ гостинымъ дворомъ, гдѣ всего и открыты три лавки, и въ этихъ трехъ спятъ пухлые отъ сна приказчики и клюютъ носами надъ шахматной доской хозяева. Спятъ брюхомъ внизъ мужики на телѣгахъ въ ожиданіи какого-то волшебнаго „покупателя", спятъ торговки съ бубликами, и только благимъ матомъ оретъ зашибленная полѣномъ собака... Школяры уже прошли въ училище, хозяйки вернулись домой съ торга, тонконогіе чиновники въ кокардахъ, часто надъ расколовшимися козырьками, протрусили, куда имъ слѣдовало... Только дымъ не спитъ. Изъ всѣхъ трубъ въ безвѣтріи подымается въ синюю бездну, гдѣ бѣлое крыло голубя мелькнетъ порою да сѣрый коршунъ пронесется надъ

сопнымъ городомъ въ далекіе заливные луга... Вонъ три кита—купецъ Шведовъ, его кучеръ Панасъ и конь „Толсторылъ“—не знаешь, кто изъ нихъ круглѣе, медленно прослѣдовали въ бѣговыхъ дрожкахъ главною улицей, и она опять замерла, если не считать пестрой еврейки въ кринолинѣ, вышедшей на крыльцо подъ вывѣской „модесъ-робесъ, мадамъ Цимбалистъ“, но и она такъ откровенно зѣваетъ на всѣ четыре стороны, что отъ ея появленія городъ не только не пробудился, но заснулъ еще глубже.

Нѣтъ, разумѣется, онъ сдѣлалъ отлично, что уѣхалъ оттуда.

И юноша уже любовно всматривался въ темныя ржавчины промокшихъ полей, въ озябшія крыши домовъ и чахлыя, чахоточныя березы села, мимо котораго, все больше и больше забирая силы, несся его вагонъ.

II.

— Куда же я теперь?—самъ себя спросилъ Караваевъ, соскочивъ на перронъ, когда поѣздъ влетѣлъ подъ стеклянную кровлю дебаркадера и, всю ее наполнивъ удушливымъ дымомъ, остановился, тяжело пыхтя, точно загнанная лошадь.—Куда же я теперь?

Онъ даже не обратилъ вниманія на носильщика, пристававшаго къ нему...

— Вашъ чемоданъ? Пожалуйте квитанцію отъ багажа?

— Какой багажъ?—пришелъ Митенька въ себя.

— Обыкновенно.

— У меня нѣтъ багажа! Все тутъ съ собою.

Носильщикъ взглянулъ на разинутый и облысѣвшій чемоданъ и, сообразивъ, что тутъ дѣлать нечего, бросился дальше. Караваевъ пошелъ самъ за другими къ выходу. Всѣ куда-то торопились, сбивались съ ногъ, кричали. Какіе-то необыкновенно предпріимчивые жулики, стараясь придать себѣ видъ самаго неистоваго благородства, выхваляли, путая одинъ другого, безчисленныя меблированныя комнаты и, храня среди этого плебса аристократическое достоинство, швейцары гостиницъ басомъ провозглашали ихъ священныя имена. Старушонка въ капорѣ и въ салопѣ, хваставшимся когда-то бывшимъ несомнѣннымъ атласомъ, накинулась на Митеньку, какъ на родного.

— Вамъ вѣдь, молодой человѣкъ, подешевле комнату?

— Да, а что?

— Помилуйте. У меня самые важные сановники останавливаются. И даже посейчасъ генералъ живетъ. Есть по полтиннику въ сутки. Егорка, мерзавецъ...

Какой-то ободранный малый вывернулся изъ толпы.

— Бери чемоданъ...

— Не надо... не надо, я самъ.

— Да вы не безпокойтесь... Это мой племянникъ.

Но Митенька дома слышалъ, что въ столицѣ народъ подлецъ, и зналъ, что держитъ въ рукахъ сейчасъ всю свою будущую славу и богатство. Онъ бы ни за что и никому не уступилъ чемодана съ рукописями. Караваевъ спотыкался и, чувствуя, что у него затекаетъ рука, вышелъ изъ вокзала и растерялся. Конокъ тогда еще не было, и потому вся эта показавшаяся ему громадною Знаменская площадь гремѣла, въ полномъ смыслѣ, желѣзными ободьями безчисленныхъ извозчичьихъ дрожекъ. Тридцать лѣтъ назадъ торцовой мостовой на ней не было, и каждый Ванька трещалъ по

ея громаднымъ булыжникамъ во-всю... Выбрался Караваевъ на Невскій — и ему показалось, что онъ никогда не привыкнетъ къ этому страшному движенію и суматохѣ. На первыхъ порахъ онъ ничего понять не могъ. Видѣлъ только, что всѣ съ озабоченными лицами куда-то торопятся. Его толкали справа и слѣва, и, не будь тутъ старушонки въ капорѣ, онъ бы, навѣрное, уронилъ чемоданъ и въ безсиліи сѣлъ на него, какъ Марій на развалины Карѳагена. Цѣлый міръ кругомъ жилъ какою-то особенною, совсѣмъ непонятною Митенькѣ жизнью. Нельзя было ни на минуту очнуться. Его подхватывало, кружило и уносило куда-то вихремъ, и сквозь это чуждое ему, странное и даже страшное—казалось въ безконечность бѣжитъ громадная блестящая улица, обставленная, какъ ему чудилось, дворцами съ огненнымъ подъ этимъ солнцемъ, опрокинутымъ вверхъ ногами восклицательнымъ знакомъ Адмиралтейства, гдѣ-то тамъ въ недосягаемой дали. Вывѣски однѣ чего стоили! Отъ нихъ рябило въ глазахъ и мысли мѣшались, и въ то же самое время, сквозь смятеніе и робость, что-то новое прохладною бодрящею струйкой начало проникать въ его грудь. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ это настоящая жизнь — тотъ именно океанъ ея, о которомъ онъ не разъ мечталъ по наслышкѣ. Не уѣздное болото—тутъ шумныя волны ходятъ на просторѣ, чуть не въ самое небо заплескивая пѣну. Знай, только держись и направляй челнъ среди зеленовато-сѣрыхъ гребней по вѣтру, и въ концѣ-концовъ море это прибьетъ тебя къ далекой пристани. Тутъ есть съ чѣмъ и какъ побороться. Лишь бы силы хватило, а ужъ вѣры въ себя ему, Митенькѣ, не занимать стать. Съ такимъ багажомъ, какъ у него (и онъ еще сильнѣе сжалъ отрепавшіяся

ушки чемодана), каждый корабль въ этомъ океанѣ выдержитъ любую бурю! Стоитъ ему, Караваеву, появиться въ первую редакцію — съ руками оторвутъ, и сегодня бѣдный, никому неизвѣстный, отрепанный — завтра онъ будетъ у всѣхъ на устахъ. Эти господа будутъ заглядываться на него, когда онъ будетъ проходить по той же улицѣ, и толпа разступится, давая ему широкую дорогу! Честь и мѣсто—вѣдь онъ слава родины, вѣдь его мыслью, его образами живутъ и чувствуютъ милліоны людей. Всему неясному, смутному, неопредѣленному онъ дастъ звукъ и силуэтъ, имя и краску, сдѣлаетъ ихъ понятными „толпѣ", именно толпѣ; и затолканный и задержанный ею Митенька вдругъ почувствовалъ приливъ такой силы, что высоко поднялъ голову и часто-часто задышалъ, будто всего этого воздуха не хватало для его груди. Да! Впослѣдствіи не разъ онъ вспомнитъ этотъ день, когда юношею, бѣдный и никому неизвѣстный, онъ скромно за рыжимъ капоромъ и доисторическимъ салопомъ пробирался къ... счастью, славѣ и богатству! Чу... что это? И онъ невольно попятился. Надо было повернуть въ одну изъ улицъ налѣво, но оттуда прямо, какъ ему казалось, на него двинулось громадное сѣрое чудовище, поднявшее дыбомъ тысячу ярко блиставшихъ на солнцѣ штыковъ. Впереди шли барабанщики и трещали оглушительнѣе извозчичьихъ колесъ по булыжникамъ, глухо билъ турецкій барабанъ и пронзительно орали во всѣ свои мѣдныя глотки горнисты. Мѣрный топотъ солдатъ разъ-разъ-разъ такъ и садился въ ухо, а передъ ними, тяжело покачиваясь на бѣлой лошади, ѣхалъ толстый полковникъ... У Митеньки заболѣло темя и застучало въ вискахъ. Онъ чувствовалъ, что голова у него кружится до тошноты...

— Что, скоро? — спросилъ онъ у рыжаго капора. Острый носъ съ ссохшимися губами повернулся къ нему.

— Сейчасъ-сейчасъ, молодой человѣкъ... Вотъ еще улочку...

— У меня руки оттянуло.

— Пожалуйте мнѣ.

Но онъ опять еще энергичнѣе сжалъ уши своего чемодана. Ни за что! Вдругъ она, пользуясь знаніемъ этого страшнаго лабиринта, убѣжитъ съ его драгоцѣнной ношей. Когда Митенька напишетъ опять эти дивные стихи? Еще бы не дивные? Развѣ всѣ его товарищи по гимназіи не приходили отъ караваевскихъ ямбовъ и хореевъ въ восторгъ? А его октавы? На что Саша Дорошенко, самъ писатель (хоть его еще никто не печаталъ!), а все-таки и онъ училъ ихъ наизусть... А поэмы. А „Легенды царствъ и народовъ!“ (дешевле Митенька не соглашался). Вѣдь, собираясь къ нему по субботамъ, его такіе же безусые друзья чуть не до утра зачитывались ими и, расходясь, постановляли единогласно: „Митенька, ты—геній...“ Учитель словесности—старый Юсъ и тотъ возлагалъ ему на „главу“— не на голову, а именно на „главу“ — жирныя ладони, которыми только что сбрасывалъ потъ съ лысины, и возглашалъ: „Трудитесь, Караваевъ. Вы самимъ Провидѣніемъ отмѣчены. Вамъ грѣшно будетъ зарыть талантъ въ землю“... А кузина Софка! Та наизусть его знала, и всякій разъ, какъ декламировала его стихи, кончикъ ея круглаго наивнаго носика краснѣлъ и въ еще болѣе наивныхъ и круглыхъ глазкахъ выступали слезы. Отецъ — тотъ скептически относился къ сыну и, когда юношу съ позоромъ погнали изъ гимназіи (латынь и математика — чортъ бы ихъ дралъ!), онъ

послѣ перваго урагана родительскаго негодованія потребовалъ: „ступай писцомъ въ полицейское управленіе или юнкеромъ въ полкъ"... Ему, Шекспиру или Виктору Гюго, и вдругъ, вмѣсто Олимпа или Парнаса, въ полицейское управленіе съ городничимъ Павсикахіевымъ, у котораго весь бортъ неприличнаго архалука засыпанъ табакомъ, и еще слава Богу, потому что безъ этого налета онъ бы представлялъ собою непремѣнно подробнѣйшее меню всего съѣденнаго за послѣднія двѣ-три недѣли!.. А юнкеромъ въ полкъ?.. Пожалуй, вѣдь и Лермонтовъ былъ юнкеромъ... Но ему, автору поэмы „Нинъ и Семирамида", тянуть лямку!.. Нѣтъ, это просто глупо... Кузина Софка и та набросилась на папу (ей онъ приходился дядей).

— Что вы!.. Вѣдь Митенька — это наша гордость. Онъ прославитъ фамилію Караваевыхъ.

— Нужно видѣть дальше своего носа!—гудѣлъ Саша Дорошенко.

И отставной полковникъ, поневолѣ смолкая, отъ негодованія только размахивалъ чубукомъ...

— Чортъ его знаетъ, — говорилъ онъ наединѣ „мамѣ". — Можетъ-быть, нашъ оболтусъ и въ самомъ дѣлѣ талантъ. А? Я его стихи показывалъ капитану Шерстобитову. Онъ у насъ былъ по письменной части— всѣхъ этихъ писаришекъ въ струнѣ держалъ.

— Ну, и что жъ?

— Одобрилъ. Запятыя, говоритъ, всѣ на мѣстѣ, ну и рифма, гдѣ ей слѣдуетъ, разставлена по правилу. Вообще эстетика торжествуетъ.

— Это что такое эстетика?

— Ну ужъ, матушка, я не обязанъ знать всякую ихнюю чепуху. Спроси сама у Шерстобитова.

На другой же день Митенька былъ позванъ на семейный судъ.

— Всѣ говорятъ, что ты—талантъ, я тебя стѣснять не намѣренъ. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ. Чѣмъ бѣсъ не шутитъ! Но если талантъ, такъ ты самъ пробьешь дорогу. У меня, кромѣ пенсіона, ничего нѣтъ, а еще надо подымать твоихъ братьевъ и сестру. Значитъ, разсчитывать тебѣ на меня нечего. Я тебѣ дамъ сто рублей и устраивайся, какъ хочешь. До Петербурга доберешься, а тамъ, ты самъ говоришь — тебѣ за строчку по четвертаку...

— Фетъ получаетъ по полтиннику и Мей тоже, а Некрасовъ по рублю!

— Ну, вотъ видишь, значитъ, и намъ поможешь. У тебя сколько написано стиховъ?

— Нѣсколько тысячъ есть.

— Вотъ въ эти двѣ недѣли напиши еще, да побольше.

— Митенька,—слащаво заговорила „мама",—ты бы по ночамъ вмѣсто того, чтобы книги-то читать, писалъ стихи.

— Я, маменька, пишу.

— Ну, вотъ. Значитъ, дѣло въ шляпѣ. Чего еще?

„Малый-то не дуракъ! — соображалъ полковникъ.— По четвертаку строчка!"

— А ты сколько строкъ въ день можешь написать?

— Это зависитъ отъ вдохновенія...

— Ну, однако... Среднимъ числомъ?

— Сто, двѣсти...

— Положимъ, сто... Двадцать пять рублей въ день. Скажите на милость. Ахъ, ты, поросенокъ! Да я въ чинѣ подполковника послѣ тридцатипятилѣтней лямки на Кавказѣ получалъ всего сто двадцать пять въ мѣ-

сяцъ. Такъ я государю своему офицеръ былъ! Этакъ никто въ кадетскій корпусъ не пойдетъ. Всѣ станутъ стихи писать. Кому охота лямку тянуть, да въ походы ходить!

„Нѣтъ, пожалуй, изъ него толкъ будетъ!“ мысленно одобрялъ онъ сына.

Послѣднія впечатлѣнія, которыя онъ увозилъ изъ дому, были теплыя и нѣжныя объятія мамы и покраснѣвшій носъ кузины Софки. Софка неистово хмыкала имъ и плакала. Мать тоже смотрѣла на него полными слезъ глазами. Дорошенко тотъ нагналъ его на бѣговыхъ дрожкахъ и крикнулъ:

— Смотри, Митя, держи свое знамя твердо...

— Спасибо, Саша.

— Пришли, какъ напечатаютъ. Я здѣсь напишу критическую статью. Они въ Петербургѣ не умѣютъ. Понялъ? Избѣгай „кровь-любовь“ и „очи-ночи!“ На „зеркало“ и на „память“ трудно. Ну, прощай. Да хранятъ тебя музы!

III.

— Какъ звать васъ?

Юноша хотѣлъ было отвѣтить „Митенька“, да вспомнилъ, что Митенька умеръ уже дома. Какъ же онъ, кандидатъ въ „гордость отечества“, и вдругъ — Митенька!

— Димитрій Николаевичъ Караваевъ.

— Чайку прикажете?

— Да, пожалуйста.

Онъ оглядѣлся. Комната была крохотная. Коридоръ упирался въ окно. Отмѣрили четыре аршина, забрали

досками; покрыли ихъ обоями, прорѣзали дверь. Три стѣны замазаны известкой, четвертая—прямо передъ окномъ — вся въ разлапистыхъ цвѣтахъ, зеленое съ краснымъ. Подъ потолкомъ ихъ не хватило, тамъ оранжевые охотники стрѣляютъ въ голубыхъ птицъ. Въ углахъ, наверху — точно рыбаки свои сѣти сушиться — пауки вывѣсили сѣрыя темныя полотнища паутины. Подоконникъ—карта невѣдомаго государства: тамъ, гдѣ отлупилась краска,—моря и озера, гдѣ треснуло—рѣки и каналы, набрызганы чѣмъ-то чернымъ города, поперекъ — большою дорогою щель, и по ней ползетъ клопъ-путешественникъ. Окно тусклое, видимо, вторую раму вынуть вынули, а стекла во второй не помыли. Свѣтъ по нимъ дѣлаетъ какіе-то радужные узоры, будто по перламутру. Налѣво—желѣзная кровать. Тюфякъ блиномъ, тикъ расползся—и въ дырья откровенничаетъ демократическая мочалка. Красная подушка навсегда сохранила нерукотворный оттискъ чьей-то жирной головы.

— Мы вамъ сейчасъ постельку приготовимъ... За бѣлье десять копеекъ особо.

У другой стѣны—столъ. На столѣ—чернильница: первыя весеннія мухи сообразили, что это для нихъ, и устроили въ ней свое пристанище. Даже слышно, какъ жужжатъ тамъ.

— Мы вамъ можемъ кресло поставить.

— Пожалуйста. Я вѣдь писатель.

— Чего-съ?

— Писатель... Стихи пишу.

Капоръ поморгалъ, поморгалъ... Такъ на утиномъ лицѣ и выразилось: „Вотъ тебѣ и на! Убила бобра“.

— Для газетовъ?

— Да!—снисходительно улыбнулся Митенька.

— Ахъ, Боже мой!.. Что жъ, мы и писателей допускаемъ. Но вы меня извините, молодой человѣкъ... Мы не препятствуемъ... Но ежели стихи, то пожалуйте хоть за недѣлю деньги впередъ.

— Почему жъ впередъ... Я сначала въ редакціи.

— Нѣтъ, это ужъ... Я женщина бѣдная... Меня обманывать довольно стыдно.

— Да развѣ я...

— Пожалуйте за недѣлю.

И такъ сжала губы, что скорѣе стѣны поколебались бы на своихъ основаніяхъ или оранжевые охотники разстрѣляли всѣхъ голубыхъ птицъ подъ потолкомъ, чѣмъ она измѣнила рѣшеніе. Димитрій Николаевичъ отвернулся къ окну, вынулъ изъ кармана красный гарусный кошелекъ, связанный ему кузиной Софкой.

— Три съ полтиной... Да!.. Три съ полтиной. А стихи писать — пишите. Только за недѣлю впередъ... Я—вдова... У меня мужъ въ управѣ благочинія служилъ, — долбилъ капоръ, точно дятелъ въ стѣну.

— Вотъ извольте. Мнѣ все равно.

— Такъ будетъ вѣрнѣе. Тутъ тоже у меня одинъ писатель былъ—Пятницынъ... Я къ нему за деньгами— мѣсяца два жилъ онъ безплатно—говорю: „Пожалѣйте вдову, мнѣ тоже ѣсть надо"... А онъ сгребъ меня за хвостъ и рычитъ: „Хочешь воздухоплаваніе слона, одобренное всѣми монархами въ Европахъ, чрезъ окно?.." Что же это? Нашъ-то этажъ пятый!

Димитрій Николаевичъ сосчиталъ, у него оставалось девять рублей съ копейками. Пока утиный носъ стлалъ ему постель, онъ совсѣмъ разинулъ свой чемоданъ и вынулъ оттуда три рубашки, сюртукъ, еще кое-что изъ бѣлья и цѣлый ворохъ бумаги. Бумаги

онъ разложилъ на столѣ. На самую середину — поэму „Нинъ и Семирамида“, по угламъ—„Элегіи“ и „Слезы печали“.

— Вы, молодой человѣкъ, тоже пьете?

— Чай.

— Нѣтъ... а водочку?

— Не пробовалъ.

— Съ чего же вы стихи пишете? Пятницынъ пилъ для фантазіи. А фантазія у него была такая, чтобы непремѣнно чертей на носу ловить. Даже на моемъ... И до того онъ доловился, что въ Обуховской больницѣ потомъ померъ. А вѣдь какой господинъ былъ сначала!

Постлала, принесла ему самоваръ.

— На подоконникѣ будете чай пить?

— Да.

— Отсюда видъ хорошъ. Все-таки воздухъ.

Видъ заключался въ красной желѣзной крышѣ трехъэтажнаго дома и въ цѣломъ рядѣ трубъ. По краю, притворяясь, что онъ гуляетъ для собственнаго удовольствія, шелъ котъ, поднявши хвостъ въ знакъ своихъ кавалерственныхъ достоинствъ; за трубой, также дѣлая видъ, что ей до него нѣтъ никакого дѣла, умывалась пѣгая кошка. На слѣдующей трубѣ геральдическимъ единорогомъ щетинился другой претендентъ на испанскій престолъ и, расправляя когти, старался всѣми силами напугать вселенную... Еще дальше сидѣла черная ворона, весьма почтенная дама, видимо, не одобрявшая этихъ занятій, въ знакъ чего нѣтъ-нѣтъ да и постукивала твердымъ, какъ сталь, носомъ въ желѣзо.

Караваевъ напился чаю и только теперь почувствовалъ, насколько онъ утомленъ. Въ самомъ дѣлѣ, всю

ночь баба съ ребенкомъ съ одной и покаянный купецъ съ другой стороны не давали ему сомкнуть глазъ. Баба убаюкивала младенца подъ громыханье поѣзда, а круглая морда съ лѣвой стороны любовно ложилась ему на плечо и сопѣла въ самую щеку молодому человѣку. Димитрій Николаевичъ живо раздѣлся и легъ въ холодное бѣлье. Кажется, его голова еще подушки не коснулась, а онъ ужъ видѣлъ сонъ. Взглянулъ сюда утиный носъ, чихнулъ въ дверяхъ. Ворона съ крыши перелетѣла къ окну и застучала въ желѣзо... За дверьми хрипло и злобно пролаялъ хозяйскій мопсъ... А Димитрію Николаевичу снилось, что съ развѣшанныхъ сѣтей пыльной паутины спускается толстый, на тонкихъ и длинныхъ ногахъ, учитель математики и, выпучивъ по-рачьи круглые, красные глаза, хрипитъ и лаетъ: „Ну-съ, гавъ-гавъ, чему равняется квадратъ гипотенузы, гавъ-гавъ... Не знаете!“ и скалитъ по-собачьи зубы, вотъ-вотъ вцѣпится ему въ икру. А въ окно стучитъ твердымъ, какъ сталь, носомъ латинистъ: „Азинусъ, азинусъ, азинусъ... а вотъ я ноль—азинусу... Еще стихи пишетъ азинусъ, а plus-cum-perfectum не знаетъ“. Потомъ все сплылось—латинистъ распустилъ черныя крылья и улетѣлъ къ котамъ учить ихъ писать подъ диктовку, паукъ-математикъ на длинныхъ ногахъ спрятался въ свои сѣти, хозяйка обратилась въ мопса, и господинъ Пятницынъ, схвативъ ее за хвостъ, швырнулъ въ окно. Все затянулъ сладкій туманъ, и въ этомъ туманѣ утонула послѣдняя смутная мысль Митеньки. Онъ заснулъ крѣпко, какъ спятъ только въ шестнадцать лѣтъ.

Проснулся онъ какъ-то вдругъ, точно его кто-то толкнулъ въ бокъ. Проснулся и самъ себя увидѣлъ сидящимъ на кровати, опустивъ голыя ноги на полъ.

По тѣлу бѣжалъ холодокъ, а по подушкѣ — толстый напившійся клопъ; очевидно, онъ только что пообѣдалъ Караваевымъ, что мигомъ и этому напомнило: пора ѣсть. За кроватью изъ прежняго коридора была, очевидно, дверь. Ее задѣлали, но такъ, что оттуда слышался каждый звукъ. Молоденькій голосокъ пѣлъ: „Въ одной знакомой улицѣ я помню старый домъ". Напротивъ, за столомъ съ драгоцѣннѣйшими рукописями Димитрія Николаевича, другая такая же дверь и тоже задѣланная, за нею заливалась канарейка. Солнце будто изъ-за угла смотрѣло сюда въ окно, и Караваевъ вдругъ понялъ, что ему, „гордости отечества", страшно весело во-первыхъ, жизнь самая великолѣпная штука, какую только можно было выдумать — во-вторыхъ, а въ-третьихъ, ужасно глупо сидѣть у себя, глядя на собственныя волосатыя ноги, когда на улицѣ теперь отлично, и онъ Димитрій Николаевичъ, обладая девятью рублями, можетъ дѣлать все, что ему угодно: быка слопать или на Ванькѣ проѣхаться, а то взять и напиться лимонаду или меду, что ли, что послаще... Короче, онъ по меньшей мѣрѣ Валтасаръ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ ему не въ чемъ завидовать вавилонскому царю.

Уѣздный портной соорудилъ ему сюртукъ съ таліей на затылкѣ. Портной звался Нахимъ, былъ исправный еврей и держалъ этотъ сюртукъ, какъ истинное чудо искусства, благоговѣйно двумя перстами. Когда Караваевъ его примѣривалъ, Нахимъ чмокалъ и закрывалъ глаза.

— Думала ли ваша бабушка, что вы будете такой счастливый, чтобы носить настоящій цимисъ! Я думаю, она бы изъ могилы поднялась, чтобы посмотрѣть, какой вы красавецъ. Меня только здѣсь понимать не

могутъ... А если бы я жилъ увъ Варшавѣ, то былъ бы не портной, а изъ мармара статуевъ бы дѣлалъ. И всѣ бы мнѣ снимали шляпы, и жилъ бы я увъ своемъ дому и ѣлъ бы постоянно индуковъ съ вареными цыбульками.

Димитрій Николаевичъ одѣлся.

Не успѣлъ онъ выйти, какъ въ задѣланную за кроватью дверь постучали.

— Кто тамъ?—невольно вздрогнулъ онъ отъ неожиданности.

— Я!

— А кто вы?

— Лиза!

И молодой дѣвичій голосъ даже пѣніе канарейки справа покрылъ звонкимъ смѣхомъ.

Караваевъ потоптался. „Чего ей надо отъ него?“

— Вы новый жилецъ... Вы, сказываетъ хозяйка, стихами занимаетесь. Напишите мнѣ, да повеселѣй. Я люблю веселое.

— А вы кто. Что вы дѣлаете?

— Шью. Если вамъ понадобится починить, несите ко мнѣ по-сосѣдски. Я на магазины и на частныхъ давальцевъ рубашки... Разное тонкое бѣлье... Вы что сейчасъ дѣлаете?

— Ухожу въ городъ.

— Въ какой?

— Въ Петербургъ.

— Да вѣдь онъ вотъ тутъ... Кругомъ.. Ну, прощайте.

— Прощайте.

— Принесите мнѣ мармаладу полфунта, по двадцати копеекъ... Хорошо?

— Хорошо.

— А я васъ вечеромъ малиновымъ вареньемъ, которое изъ сѣмечекъ, угощу за чаемъ.

Домъ выходилъ въ тихую и сейчасъ пустынную улицу, зато эта впадала въ другую большую и шумную. Димитрій Николаевичъ наткнулся на ней прямо въ большое окно кондитерской. Только сейчасъ онъ почувствовалъ, до чего ему ѣсть хочется. Кажется, головой бы въ стекло и—хапъ пастью вонъ этотъ тортъ! Онъ рѣшительно отворилъ двери. Не обращая никакого вниманія на толстую блондинку за прилавкомъ съ вздернутымъ носомъ и сонными глазами, Караваевъ окинулъ блюда съ пирожнымъ взглядомъ завоевателя и, намѣтивъ на краю слойку съ яблоками, рѣшительно направился туда.

— Можно?

— Что? — удивилась блондинка, поднявъ бѣлесыя брови къ такой же чолкѣ.

— Это.

— Три копейки штука.

Димитрій Николаевичъ мгновенно обратился въ Митеньку. Онъ жадно набросился на пирожки и такъ зачавкалъ, что вздернутый носъ отвернулся... Дѣвушку разбиралъ смѣхъ. Слойка показалась юношѣ удивительно вкусной. У себя въ уѣздномъ городѣ онъ не пробовалъ такой. Яблоки были посыпаны корицей... Пирожки разсыпались, сладкое желе вязло въ зубахъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ блюдо было пусто... Онъ нацѣлился было на меренги, но тутъ его прервалъ хохотъ блондинки.

— Вы, должно-быть, очень голодны.

— Я? А что?

— Такъ. Вы пятнадцать штукъ скушали.

— Я!..

— Да!

— А развѣ это много?

— Ой, не могу... Танте, танте Амальхенъ. Господинъ скушалъ пятнадцать слоеныхъ пирожковъ и спрашиваетъ: развѣ это много?

Танте Амальхенъ вынесла свое брюхо. Поморгала, поморгала на растерявшагося Митеньку.

— Mein Gott... Aber, если у господина такой аппетитъ. Сорокъ пять копеекъ, — перешла она въ дѣловой тонъ.

Только сейчасъ Караваевъ замѣтилъ, что щеки у нея висятъ какъ собачьи уши, а шея вся въ жирныхъ складкахъ.

— А гдѣ бы тутъ пообѣдать?

— Какъ, ви хатить еще кушайть.

— Да... Я не обѣдалъ.

Это такъ поразило „собачьи уши", что она нѣсколько секундъ удерживала въ рукахъ сдачу съ рубля, пуча водянистые безъ рѣсницъ глаза на юношу.

Потомъ вышла изъ-за прилавка, проводила Караваева въ двери и показала ему.

— Вотъ тамъ... Греческая кухмистерская... Тридцать копеекъ три блюда.

Митенька опустился въ какую-то паровую бездну, наполненную всевозможными запахами. Дымились щи, носились клубы пригорѣлаго масла, но все побѣждалъ поджаренный лукъ. За столиками, накрытыми грязными скатертями, сидѣли бѣдно одѣтые люди и жадно ѣли, мимоходомъ пробѣгая газеты и журналы „Весельчакъ", „Гудокъ", „Искру", „Занозу"... Кто-то спалъ, уткнувшись въ „Сѣверную Пчелу"... Рядомъ чиновникъ съ Станиславомъ въ петлицѣ настойчиво

требовалъ у лакея, заткнувшаго одну фрачную фалду въ карманъ, чтобы онъ понюхалъ телятину.

— Что же ее нюхать? Телятина, извѣстно!

— А отчего она селедкой пахнетъ?

— Около стояла.

— А вотъ я тебя въ газетѣ обличу.

— Мнѣ что. Нешто я хозяинъ.

Караваевъ усѣлся, взялъ свободный журналъ и сейчасъ же уткнулся въ стихи.

„Я пишу лучше!“ самодовольно подумалъ онъ.

Обѣдъ юноша проглотилъ, что называется, смаху и вышелъ знакомиться съ городомъ.

Тѣни ложились косо.

На стѣнахъ домовъ горѣлъ золотистый свѣтъ... Небо было чисто. Огнемъ горѣлъ куполъ ближайшей церкви.

— Великолѣпно!—радовался Димитрій Николаевичъ. Чему? И самому было это не ясно, онъ не могъ бы опредѣлить, что именно „великолѣпно“, и въ одну минуту ему представилось, что если бы теперь пришлось вернуться назадъ въ маленькій сонный городокъ? О, ни подъ какимъ видомъ. Тамъ теперь всѣ спятъ еще послѣ ранняго обѣда. Неподвижное царство сытаго молчанія! Нѣтъ, что бы ни случилось, а ему дороги назадъ нѣтъ. И онъ радостно всматривался въ лица попадавшихся ему навстрѣчу людей, и всѣ они казались ему такими прекрасными, добрыми, великодушными. Точно родные кругомъ. Что же тутъ страшнаго? Вспомнилъ онъ, какъ его пугали дома. Ничего нѣтъ. Нѣтъ, право, великолѣпно! Улицы за улицами, площади, обстроенныя дворцами, каналы, по которымъ медленно ползутъ то барки, то лодки. Тусклая стальная холодная глубина и опять длинный строй домовъ

одинъ другого лучше, цѣлый хаосъ вывѣсокъ, калейдоскопъ постоянно мѣняющихся лицъ и, главное, молодость, молодость, молодость, избытокъ силы, здоровья, довѣрчивости. Столько силы, что дышать ему нечѣмъ, воздуха много, а по его груди мало!..

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!

IV.

Да, было хорошо именно потому, что молодо! Молодость—единственное счастье на землѣ. Его не замѣчаютъ, какъ не замѣчаютъ ничего до тѣхъ поръ, пока судьба или годы не лишатъ насъ благополучія жизни. Ходящій по улицѣ не пойметъ, что за радость въ его устали, а узникъ изъ-за рѣшетки тюрьмы завидуетъ ему отъ всей души. Безногій паралитикъ, кажется, всю оставшуюся ему жизнь отдалъ бы за одинъ день здоровья... Только одинъ день.

Какъ далеко отошло это время и какъ смутно представляется оно! Точно стараешься припомнить подробности давняго сна и никакъ онѣ не даются. Между нимъ и сегодняшнимъ днемъ стало такъ много встрѣчъ и впечатлѣній, тысячи другихъ лицъ заслонили когда-то милыхъ, близкихъ и дорогихъ людей. Еще порою случается мелькомъ вспомнить ихъ голоса, улыбку, но такіе проблески быстро-быстро гаснутъ и опять прошлое заволакивается однообразною сплошною мглою. Отъ другихъ хоть могилы остаются. Гдѣ-нибудь въ забытыхъ уголкахъ стараго кладбища покосившійся крестъ, полуразмытый дождями надгробный холмъ. Изрѣдка старики приходятъ туда бесѣдовать съ признаками прежнихъ друзей, полуистлѣвшихъ въ своихъ

черныхъ ямахъ. А отъ моихъ давнихъ товарищей, съ которыми во время оно я такъ бѣдствовалъ, мучился, радовался, смѣялся и плакалъ, нѣтъ и такого слѣда! Въ самомъ дѣлѣ, ну, гдѣ я найду затерявшагося на этомъ громадномъ свѣтѣ Митю Караваева, который чуть ли не на другой день послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ познакомился со мною, такимъ же, какъ и онъ, бездомнымъ бѣднякомъ, пробивавшимъ себѣ дорогу, локоть къ локтю съ нимъ. Сколько разъ мы вмѣстѣ оставались зимою безъ крова на улицѣ и, голодая, какъ брошенные псы, до тошноты жадно поводили носомъ, проходя мимо подвальныхъ кухонь большихъ барскихъ домовъ. Именно голодая! Потому что мы знали настоящій голодъ,—голодъ до муки, до головокруженія, до мечты, какъ о величайшемъ счастьѣ, о трехкопеечной сайкѣ! И весь нашъ кружокъ?.. Гдѣ онъ теперь? Нынѣшній писатель—будь у него хоть искра таланта—начинаетъ прямо тріумфаторомъ. Ему не грозитъ нищета, одиночество, издательская каторга, истощеніе... Онъ высоко несетъ голову, потому что еще и настоящаго успѣха нѣтъ, а ужъ его, новичка, ищутъ и зовутъ. А мы съ Караваевымъ? Да и мало ли такихъ. Хоть здѣсь слѣдуетъ вспомнить талантливыхъ юношей, когда-то такъ много обѣщавшихъ и такъ рано почившихъ жертвами безвременья. Они какъ ранніе цвѣты въ поляхъ. Еще и снѣгъ не совсѣмъ сбѣжалъ мутными водами въ овраги, а желтенькіе и розовенькіе лепестки ужъ распустились. Только что улыбнулось солнце—какъ вдругъ на сѣверѣ небо нахмурилось. Потянуло съ полюса вѣтромъ, нагнало тучи, заслонившія землю отъ солнца, и какъ ударило морозомъ, такъ отъ скороспѣлой былинки и стебля не осталось! Гдѣ лежатъ жалкіе останки такихъ

блѣдныхъ незамѣтныхъ существованій, какъ, напримѣръ, Волгина, котораго мы называли „Чижикомъ“, или Крутикова, родоначальника нынѣшнихъ репортеровъ, укутавшагося зимою въ женскую кацавейку и считавшаго десять рублей сказочнымъ предѣломъ земного честолюбія. Вѣдь это была какая пора! Теперь человѣкъ среднихъ способностей уже легко зарабатываетъ сто и двѣсти рублей въ мѣсяцъ и это считаетъ нищенствомъ. Газетные рядовые обѣдаютъ не только каждый день, но и въ дорогихъ ресторанахъ, обзаводятся семьями, воспитываютъ дѣтей, лѣтомъ ѣздятъ на Волгу или знакомятся съ Кавказомъ, заглядываютъ въ Европу,—а оставаясь здѣсь, катаются на острова во всевозможные шато-кабаки и вообще имѣютъ видъ сытый и благополучный. Иного и не отличишь отъ хорошаго гладкаго кота у мѣховщика. Жмурится и мурлыкаетъ себѣ на свѣтъ Божій, а намъ съ Караваевымъ въ то время жилось иначе. Газетное дѣло только начиналось и за рѣдкими исключеніями было въ очень скверныхъ рукахъ. Нынѣшніе гонорары показались бы арабскою сказкой. Даже пять копеекъ, о которыхъ сегодня и начинающіе говорятъ презрительно, представлялись брильянтомъ, что ли, за строку. Я помню, какъ знаменитый И. А.... зачитывалъ за повѣсти по полукопейкѣ строчку, при чемъ и эта полукопейка значилась больше по книгамъ редакціи, а въ руки автору попадала рѣдко.

— И зачѣмъ вамъ деньги?—искренно удивлялся онъ.

— Какъ зачѣмъ?

— Такъ! У васъ гордости нѣтъ. Вы просто не умѣете жить!

И тому же Крутикову рекомендовалъ.

— Да вы что—даромъ носите званіе сотрудника „Столичнаго Курьера“, что ли? Какъ вамъ не стыдно...

— А если я ѣсть хочу?

— Идите въ любой ресторанъ и съ достоинствомъ требуйте: я изъ „Столичнаго Курьера“. Васъ напоятъ и накормятъ. Они, подлецы, должны повсечасно трепетать васъ. Чуть что, вѣдь и обличите! А потомъ къ портному, сапожнику—и та же политика! Возьмите, напримѣръ, меня. Развѣ я дохожу до такой низости, чтобы платить за свои платья? Вы, мой другъ, не понимаете значенія литературы!

И бѣдный, посинѣвшій отъ холода, робкій, застѣнчивый Крутиковъ, бывало, ежится, потираетъ красныя руки и шопотомъ спрашиваетъ или у меня, или у Митеньки, или у Волгина:—нѣтъ ли пятиалтыннаго? И при семъ поясняетъ: „Богъ счастье послалъ: вчера два пожара, а сегодня убійство, а отъ Ильюшки рубля допроситься не могу. Чортъ его знаетъ, куда онъ прячетъ деньги!“

Илья А... въ патетическія минуты даже раскрывалъ свой бумажникъ.

— Вы видите—ничего?

— Ничего.

— Ну, а я сегодня буду ѣсть устрицы и пить шампанское! Учитесь!

Но научиться нашъ Крутиковъ не могъ, и какъ онъ жилъ, одинъ Аллахъ вѣдалъ, да и тотъ никому не сказалъ. А вѣдь этотъ человѣкъ для такого бездомнаго и голоднаго существованія бросилъ обезпеченное служебное положеніе, чиновничью карьеру, обѣщавшую ему чуть ли не вице-губернаторство въ близкомъ будущемъ! Былъ онъ чиновникомъ особыхъ порученій при какомъ-то сатрапѣ и самъ разсказывалъ:

на балахъ блисталъ и благотворительные спектакли съ превосходительными дамами устраивалъ, и не безъ нѣкотораго священнаго ужаса пояснялъ: декольте по самый экваторъ видѣлъ! Какіе балыки ѣлъ!.. Бывало, къ нему подходишь, а онъ уже слезу пускаетъ, а во рту сливками таетъ! Икра зернистая—что твоя гречневая каша—такъ сама и разсыпается. Перчатки покупалъ дюжинами. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ съ цѣлымъ ворохомъ орденовъ и чемоданомъ очерковъ и разсказовъ. Ордена—точно птицы, живо разлетѣлись по закладчикамъ, да такъ, что впослѣдствіи самое существованіе этихъ регалій Крутикову казалось соннымъ видѣніемъ, и онъ разсказывалъ о нихъ: да, полно-де, было ли это или такъ, попритчилось? Очерки его и наброски были отмѣчены истиннымъ дарованіемъ. Онъ рисовалъ мелкій мірокъ заброшенныхъ и униженныхъ людей, хранившихъ назло голодовкѣ и обидѣ великую искру Божію въ своихъ измученныхъ, озлобленныхъ и обиженныхъ душахъ. Какъ я теперь припоминаю—разсказы его выдѣлялись необычайнымъ добродушіемъ, кротостью, незлобивымъ примиреніемъ съ ужасами нищеты, всепрощеньемъ, тишиною. Отъ нихъ вѣяло старой, глухой улицей, гдѣ все безмолвствуетъ и таитъ про себя свое маленькое и, тѣмъ не менѣе, больное горе. Хотя бы кто-нибудь собралъ эти очерки въ одну книжку, все бы остался слѣдокъ отъ этой скромной и трогательной жизни неудавшагося писателя. Мнѣ до сихъ поръ представляется словно въявь круглое обвѣтренное лицо, красное, съ маленькимъ круглымъ краснымъ носомъ и наивными круглыми глазами, покраснѣвшими отъ вѣчнаго скитальчества по улицамъ въ поискахъ пожаровъ и убійствъ. Крохотная фигурка и тоже круг-

ленькая, дробные шажки и тихій, будто извиняющійся въ никому не вѣдомомъ грѣхѣ голосъ. Иногда, впрочемъ, послѣ неожиданнаго угощенія, сытый, согрѣтый и разнѣженный Крутиковъ любилъ вспоминать о прошломъ величіи, когда онъ въ Костромѣ или гдѣ-то въ другомъ губернскомъ городкѣ былъ персоной и тоже вліялъ на судьбы міра. Но и эти разсказы вѣяли тѣмъ же добродушіемъ. Бывало живописуетъ нѣчто, по его мнѣнію, ужасное и думаетъ, что вселенная содрогается, а за столомъ вдругъ общій смѣхъ, и Крутиковъ недоумѣло моргаетъ на насъ заплывшими глазами.

Какъ-то встрѣчаю его огорченнаго.

— Что съ вами?

— Помилуйте, сколько „происшествій" пропустилъ. Подлинно изо рту у меня кусокъ хлѣба отняли!

— Больны были?

— Нѣтъ... Знаете. Туго подошло—штаны проѣлъ! Хозяйка свою кацавейку дала, спасибо ей. Да вѣдь дамская! Въ кацавейкѣ на мостовую не выскочишь. Все, знаете, совѣстно. Тоже, скажутъ, сотрудникъ. Ну, и кутался въ нее дома. Повѣсть написалъ—не съ кѣмъ было послать, такъ я ужъ вечеромъ, какъ стемнѣло, къ Ильюшкѣ ее снесъ и прямо на него напоролся. Увидѣлъ онъ меня, головой качаетъ. Я запахнуться стараюсь, ужъ очень вся моя географія изъ-подъ нея видна, а онъ подлецъ: „Вы бы, говоритъ, у Тедески одѣвались, какъ я, или у Сарра! Жить не умѣете. Собственнаго достоинства нѣтъ у васъ. А то подите къ Альшвангу и прямо требуйте: пару платья сотруднику!" Ну, и я тоже не дуракъ. Замѣтилъ, что онъ въ хорошемъ настроеніи—даже въ красномъ жилетѣ—и сейчасъ у него три рубля выпросилъ!

И при этомъ у самого такой видъ, точно не редакторъ его, а онъ редактора анаѳемски обманулъ! И сконфуженный и торжествующій.

Души этотъ маленькій человѣкъ былъ изумительной. Что съ нимъ ни продѣлывали—оставался невозмутимъ, но несправедливость, оказанная другому, доводила его до неистовства. Не его вина, что это бѣшенство выражалось комически. Мы его въ такія минуты называли разъяренной устрицей, каплей, вышедшей изъ береговъ. Бывало, заболѣетъ кто—Крутиковъ уже около и сердоболитъ и изводится. Смѣялся онъ надъ самимъ собою—надъ другими часто плакалъ. Получилъ какъ-то Митенька съ нимъ небывалый гонораръ. Митенькѣ пришлось рублей сорокъ, а ему около двадцати. Встрѣчаю его въ тотъ же вечеръ—бочкомъ пробирается.

— Дайте двугривенный. Ѣсть хочется.

— Куда вы дѣвали?.. Вѣдь сколько вамъ утромъ пришлось? Двадцать рублей, вѣдь это англійскій банкъ цѣлый!

Смутился, дробно затоптался. Старается въ шутку обратить, даже декламируетъ: „Не говори съ тоской—ихъ нѣтъ, но съ благодарностію—были“.

— Не дамъ, пока не скажете, куда дѣвали.

— Потерялъ!

Никто не повѣрилъ этому. И, дѣйствительно, нашъ Крутиковъ, на сей разъ совралъ, но давай Богъ человѣчеству врать такъ почаще. Впослѣдствіи уже обнаружилось куда Крутиковъ дѣвалъ свои милліарды. Заполучивъ деньги, пошелъ онъ на рынокъ съ твердою, опредѣленною и, какъ онъ самъ выразился, благородною цѣлью купить себѣ за три рубля панталоны.

— Если, знаете, подержанные, но еще вполнѣ приличные и даже эффектные.

Зажалъ деньги въ ладонь и уже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на собственные экипажи, омары въ окнахъ Милютина ряда, брильянты на выставкахъ у ювелировъ. Наплевать ему на нихъ. Самъ онъ себя такимъ же чувствовалъ, если не больше.

— Иду, знаете, и думаю: богаче меня Утинъ съ Кокоревымъ или бѣднѣе.

И вдругъ прямо на него дѣвица.

Растерзанная и плачетъ.

Крутиковъ былъ до смѣшного цѣломудренъ. Мы за нимъ не знали похожденій такого рода. Едва ли они у него оказывались.

— Вижу, плачетъ, а подойти боюсь.

— Почему?

— Ну, какъ же. Все-таки женскій полъ. Я за ней— до моста дошелъ. Она опустила голову на перила и уже навзрыдъ совсѣмъ. Я и справа и слѣва. И жалко и страшно. А потомъ осмѣлился и спрашиваю: позвольте узнать мнѣ, въ какомъ вы это смыслѣ. Ну, она сначала обыкновенно: ахъ, ахъ, уйдите, уйдите, а потомъ вдругъ (сама послѣ объяснила: „увидѣла я, что вы такой смѣшной, ну, и бояться перестала“): мать умираетъ, а денегъ ни на лѣкарство ни на дрова. И еще хуже опять: ахъ, ахъ—и головой о перила! Ну, я сейчасъ... извѣстно...

— Что?

— Ну, понятно.

— Что понятно?

— Говорю: вотъ—и сунулъ.

— Всѣ?

— А то какъ же. Когда же разбирать... Въ ладони были зажаты. Для краткости всѣ. Народъ вѣдь набѣгать сталъ. Тоже стыдно.

Да такъ и остался не только безъ эффектныхъ штановъ, но и безъ хлѣба.

Какъ кончилъ потомъ Крутиковъ—не знаю.

Обстоятельства выхватили меня изъ столичнаго водоворота, и я долго жилъ въ сторонѣ отъ всѣхъ прежнихъ друзей, знакомыхъ и товарищей. Должно-быть, бѣдный, маленькій труженикъ до конца оставался вѣренъ себѣ. Ему не зачѣмъ было мѣняться—для Бога онъ и такъ былъ великолѣпенъ. И когда теперь я вижу величественныхъ репортеровъ, разъѣзжающихъ на отличныхъ лошадяхъ, получающихъ министерскіе оклады (справа или слѣва), играющихъ на биржѣ, умѣющихъ отличать тонкія вина и поощрять опереточныхъ „дѣвицъ"-фуроръ и шансонетныхъ звѣздъ въ ихъ краткомъ странствіи по небесамъ загородныхъ кабаковъ—невольно вздыхаю о такихъ идеалистахъ, каковъ былъ Крутиковъ. Ему не передъ кѣмъ и не за что было краснѣть. Слово его блѣдное, застѣнчивое, но честное, совѣстливое, теперь бы, пожалуй, не нашло себѣ цѣнителей. Хлесткость и наглость еще не становились у руля, и разные коммерческіе и антрепренерскіе синдикаты не приходили на помощь алчному, почуявшему свою силу копчику.

Но если Крутиковъ хорошо сдѣлалъ, что умеръ—не то совсѣмъ можно сказать о Волгинѣ. Александръ Николаевичъ, „Чижикъ" тожъ, какъ онъ самъ именовалъ себя и въ жизни и въ подписяхъ подъ стихами и очерками. Изъ Крутикова никогда бы не выработаться крупному писателю, онъ всегда робко прятался бы въ задніе ряды, предоставляя переднія

мѣста болѣе счастливымъ или нахальнымъ товарищамъ. Да и дарованіе его не обѣщало развернуться шире. Въ немъ не было красочности, яркости, силы. Онъ писалъ точно ощупью. Но не то было бы съ „Чижикомъ“. Я не зналъ въ тѣ времена юноши, который такъ поражалъ бы именно талантомъ. Онъ остался невѣдомымъ потому, что предпочелъ быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. Онъ не бѣгалъ изъ тогдашнихъ маленькихъ изданій. Тамъ охотно печатали все то, что выходило изъ-подъ его пера. Онъ задавалъ тонъ остальнымъ и это его очень тѣшило. Митенька Караваевъ былъ влюбленъ въ него и считалъ „Чижика“ чуть не геніемъ, хоть геніемъ тотъ былъ, разумѣется, только въ своей клѣткѣ. Вѣдь въ муравейникѣ и пчела—орелъ! Волгинъ вполнѣ удовлетворялся этимъ, умѣлъ работать много и колоритно. Живой, бойкій, иногда до заносчивости остроумный, никогда не позволявшій наступить себѣ на ногу, добродушный и уступчивый съ равными и наскакивающій пѣтушкомъ на тѣхъ, кто мнилъ себя выше его, веселый, порою, какъ настоящій чижикъ, и, случалось, задорный, какъ та же птица—Александръ Николаевичъ оставилъ по себѣ чрезвычайно милое воспоминаніе. Онъ даже и издательскую жулябію, самъ иногда умирая съ голода, умѣлъ держать въ надлежащемъ решпектѣ. Это былъ импровизаторъ по преимуществу. Сколько онъ написалъ и разбросалъ стиховъ и остротъ, юмористическихъ сценокъ, набросковъ! Онъ, какъ мотъ, швырялъ ихъ полною горстью, нисколько не заботясь о томъ, растрачиваетъ ли онъ свой капиталъ, или нѣтъ. Я не помню его произведеній въ подробностяхъ, но общее воспоминаніе о нихъ—чего-то яркаго, юношески смѣлаго, свѣжаго,

веселаго—до сихъ поръ живо во мнѣ. Совсѣмъ мальчикъ, онъ владѣлъ стихомъ удивительно и не только стихомъ звучнымъ, но изящнымъ, полнымъ неожиданныхъ оборотовъ, чуждымъ „готовыхъ рифмъ и словъ", завязшихъ въ зубахъ образовъ, пріѣвшихся до тошноты сравненій, на которыхъ выѣзжали другіе! А этимъ другимъ несправедливая въ этомъ отношеніи судьба отвела гораздо болѣе крупную роль. Онъ всюду умѣлъ находить свое, и даже банальные сюжеты, попавъ въ его творческую лабораторію, перерабатывались въ немъ, утрачивая свою пошлость, надоѣдливость, скуку. Нѣкоторое время мы вдвоемъ нанимали комнату у жены извѣстнаго тогдашнимъ читателямъ Власа Точечкина (Богданова, кажется—морского доктора). Писаніе стиховъ у насъ обоихъ обратилось въ полное программное занятіе. Въ опредѣленные часы мы садились за столъ (обыкновенно прямо съ постелей въ костюмахъ болѣе чѣмъ откровеннаго направленія!) и брались за перья. Между нами было установлено въ такіе священные часы другъ съ другомъ отнюдь не разговаривать, и оба мы въ то время не только вѣрили въ вдохновеніе, но думали, что музы къ своимъ избранникамъ могутъ слетать во всякую минуту, какъ только вы пожелаете бесѣдовать съ сими парнасскими дамами. Мы писали и писали, изумляясь потомъ безвкусію редакцій, выбиравшихъ изъ всего нашего хлама только немногія строки. Волгину еще везло. Его творчество рѣдко браковалось. Ужъ очень онъ подкупалъ и формой и юморомъ. Даже впадая въ сентиментальность, онъ обладалъ способностью не быть скучнымъ и слащавымъ. Мнѣ приходилось тяжелѣе. Но и при такихъ условіяхъ „Чижикъ" былъ бѣденъ, какъ... настоящій чижикъ. По-

добно извѣстному Диккенсовскому герою онъ всю свою краткую жизнь мечталъ о новой парѣ платья, такъ чтобы она вся — плюсъ ботинки и шляпа — была съ иголочки. Но—увы!—случалось обыкновенно иначе. Когда его сюртукъ поражалъ своей элегантностью—соединенные штаты у него украшались бахромой и блестѣли на колѣняхъ, а заводились новые—на локтяхъ показывались лысины, и „жакетъ“ просился въ отставку. А то вдругъ шляпа явилась такимъ несуразнымъ диссонансомъ, что „Чижикъ“ самъ оглядывался по улицѣ на прохожихъ, не очень ли они уже поражены этимъ вороньимъ гнѣздомъ. Съ бѣльемъ—тоже возня. На него нужна изобрѣтательность, и побольше, чѣмъ на стихи. Рукавчики то и дѣло обивались, и Волгину приходится прибѣгать къ разнымъ операціямъ. Обрѣзываетъ ихъ, а потомъ, смотришь, и обрѣзывать нечего. Рубашка съ отложнымъ воротникомъ сначала носилась налицо, а потомъ переворачивалась наизнанку — такъ что воротникъ несъ двойную службу. Начнешь, бывало, надъ нимъ смѣяться, а Александръ Николаевичъ съ азартомъ увѣряетъ, что въ Англіи нынче такая мода — не показывать бѣлья. „И для портрета лучше!“

— Какъ для портрета?

— Да такъ. Посмотрите—всѣ художники на портретахъ безъ бѣлья.

— Вотъ тебѣ и на!

— Этотъ бѣлый ошейникъ и рукава страшно портятъ общій видъ.

— Да вѣдь сейчасъ вы не для портрета?

— Все равно... Мы, писатели, вѣчно должны быть какъ на выставкѣ. На насъ обращены глаза.

— Въ родѣ вѣковъ съ египетскихъ пирамидъ?

— Въ родѣ.

Это съ грошемъ въ карманѣ и съ обѣдомъ изъ полуфунта колбасы на двухъ!

Милый, сердечный и добрый товарищъ, умѣвшій такъ нѣжно и ласково встрѣчать начинающихъ и отстаивать ихъ передъ издательской каморрой, уже высоко его цѣнившей, онъ могъ выработаться въ крупную величину, будь тогда для этого болѣе подходящія условія. Увы! печать только рождалась и денегъ у нея не было. А какъ тогда туго приходилось даже выдававшимся между нами „малыми"! Какъ-то зимою я и Караваевъ остались безъ пристанища. Денегъ не было ни копейки. Хозяйка держать не могла. Сначала она, какъ въ нынѣшней цензурѣ, дала первое предостереженіе—приказала не отпускать самоваровъ. За симъ послѣдовало второе: вьюшки были вынуты, и по третьемъ—нашу комнату сдали, и мы, вернувшись, нашли свои чемоданчики въ коридорѣ, а у себя какую-то вольнонаемную дѣвицу легкаго чтенія. Пріютиться было некуда. Еще съ заутрени—слава Богу! Но до заутрени плохо. Закроютъ въ два часа знакомый трактиръ, ну и болтайся до перваго звона и до появленія широкорукавныхъ батюшекъ на морозѣ. Это вѣдь не лѣто, когда подъ каждымъ кустомъ (особенно въ Александровскомъ паркѣ) оказывался и „столъ и домъ". Чижика передъ тѣмъ я потерялъ изъ виду. Мы съ мѣсяцъ не встрѣчались и на старой квартирѣ. Блуждая, кажется, по Адмиралтейскому бульвару, я отогрѣвался мечтами о будущемъ великолѣпіи, при чемъ на маломъ не мирился. Я думаю, каждый бездомный бродяга мечтаетъ и мечтаетъ съ голода непремѣнно о милліонахъ. Дешевле не стоитъ, да дешевле вѣдь и не уравновѣсить желаемаго съ дѣйствительностью,—не

такъ ли? Грезишь не иначе какъ о могуществѣ, славѣ, неотразимомъ успѣхѣ у самыхъ великолѣпныхъ женщинъ. Командуешь арміями и непремѣнно на-голову побиваешь врага. Завоевываешь народы и ужасомъ проходишь по вселенной, но ужасомъ благодѣтельнымъ. Я убѣжденъ, что въ каждомъ ночлежномъ домѣ непремѣнно мысленно выгоняютъ англичанъ изъ Трансвааля въ безсонныя минуты, да еще какъ! Отхватываютъ у нихъ кстати и Капъ съ Дурбаномъ и основываютъ соединенные штаты южной Африки, — и основываютъ именно тѣ, у кого собственные соединенные штаты и на колѣняхъ, и въ шагу, и назади, и впереди для легкаго воздуха сплошь въ окнахъ. Если это писатель—то онъ пишетъ книги, которыя переводятся на всѣ языки. Имъ изумляется вселенная, и имя бездомнаго странника благоговѣйно повторяютъ даже въ Патагоніи. Голодные въ мечтахъ царствуютъ, преобразовываютъ человѣчество по самоновѣйшимъ формуламъ, и все удается. Если онъ воображаетъ себя пѣвцомъ — ему аплодируютъ и Парижъ, и Римъ, и Петербургъ, и Европа, и Азія, и Америка. Онъ получаетъ по десяти тысячъ за выходъ, и дамы чуть не на колѣняхъ встрѣчаютъ его у выхода. Это съ мерзлыми руками, краснымъ отъ стужи носомъ и пустымъ желудкомъ! Не будь этого самообмана, изъ Невы вытаскивали бы каждый день по сотнѣ утопленниковъ, а зимою по улицамъ должны были бы устраивать спасательныя станціи у каждой проруби.

Такъ вотъ въ эту достопамятную ночь я кидалъ не помню уже который изъ моихъ будущихъ милліоновъ на переустройство человѣчества и на благодѣяніе всѣмъ, кто теперь мнѣ былъ близокъ. Караваеву милліонъ, Крутикову тоже, „Чижику“ два и т. д. Они принимаютъ

и плачутъ отъ радости, а я скромно ухожу въ сторону. При этомъ ѣсть мнѣ хотѣлось адски, и такъ было холодно, что я то и дѣло принимался бѣгать. И вотъ съ разгону вдругъ передо мною собственною своею персоною вырастаетъ и кто же—Александръ Николаевичъ Волгинъ, „Чижикъ" тожъ.

Я даже попятился отъ неожиданности!

— Что вы тутъ дѣлаете?..

И „Чижикъ" (не похоже на него!) высокомѣрно протягиваетъ мнѣ руку.

— Спать бы шли... Въ эдакій поздній часъ. Развѣ можно шляться до утра. Вообще вы ведете не гигіеническій „образъ жизни", и это, несомнѣнно, впослѣдствіи отразится на вашемъ здоровьѣ.

И уже съ негодованіемъ:

— Молодые таланты должны беречь себя для будущаго.

— Какое тутъ будущее и къ чему еще вамъ „образъ" жизни, когда у меня полное ея „безобразіе"...

— Ну?

— Мнѣ дѣваться некуда. Остался, какъ видите, на улицѣ.

— Развѣ у насъ въ Россіи остаются на улицѣ?

— Я первый.

— Эдакъ, пожалуй, скажете, что въ благословенномъ отечествѣ можно и съ голода умереть.

— Скажу. Напримѣръ, я...

— Это будетъ прежде всего не патріотично! Чѣмъ же намъ послѣ этого останется гордиться, хотя бы передъ Лондономъ. А все оттого, что вы бездѣльничаете. Надо трудиться! Когда же и работать, какъ не въ молодости... Слава святому труду!.. Помните.

— Ну, а вы чего же гуляете такъ поздно?

— Я,—и Волгинъ принялъ опять величественный видъ,—я другое дѣло.

— Почему?

— Обдумываю большую поэму. Мнѣ нужна тьма и безконечность. Стѣны комнаты давили бы ее... И, сверхъ того, я изучаю ночную жизнь Петербурга.

— Не лучше ли вамъ домой вернуться? Кстати и я бы съ вами!.. Помѣстился бы у васъ на диванѣ.

И меня всего такъ и обдало тепломъ, потянуло лечь и уснуть.

— На диванѣ?

И Волгинъ замялся.

— На диванѣ?.. Да, на диванѣ хорошо бы!—мечтательно проговорилъ онъ.

— Такъ пойдемте.

— Видите ли. Тутъ особое обстоятельство... Ко мнѣ нельзя.

— Обзавелись дамой?

— Нѣтъ не то. А знаете, тутъ совсѣмъ... необыкновенное.

И вдругъ онъ, улыбаясь:

— Я вѣдь тоже!

— Что тоже?

— Въ родѣ васъ!

— Напримѣръ?

— Безъ квартиры... Omnia mea mecum porto.

И расхохотался, да какъ!

Думаю такого искренняго и веселаго смѣха отродясь не слыхивали мрачныя и голыя, тоже озябшія въ ту ночь, деревья Адмиралтейскаго бульвара, хотя мы оба чуть не падали отъ усталости.

Оказалось, „Чижику“ издатель не заплатилъ гонорара, и квартирная хозяйка (всѣ онѣ однимъ миромъ мазаны!)

ничего лучшаго не нашла, какъ и моя, взяла да и сдала комнату другому жильцу.

— Вхожу, знаете, къ себѣ, а тамъ посрединѣ господинъ въ трико и передъ нимъ пудель. Ейнъ-цвей-дрей— пудель хлопъ черезъ голову, опять: ейнъ-цвей-дрей— пудель на заднія лапы и давай ходить вокругъ него...

„Чижикъ" такъ и остался на бобахъ — обдумывать на улицахъ по ночамъ содержаніе своихъ будущихъ поэмъ!

Никогда еще наши мечты не были такъ ярки и неукротимы, какъ въ эту ночь. Валтасары и Сарданапалы! Ну, скажите, пожалуйста, что вы такое въ сравненіи съ нами тогда. Мразь—и только. Во всякомъ случаѣ не мы бы вамъ позавидовали.

Поэмъ этихъ, однако, никогда не явилось.

Меня здѣсь ужъ не было, когда Караваевъ написалъ мнѣ о смерти молодого поэта. Она въ литературѣ прошла незамѣченной. Даже петитомъ ее никто не удостоилъ. Траурныхъ Шапиро и Здобнова тогда еще не было и выставить портреты Волгина оказывалось некому, да едва ли „Чижикъ" когда-нибудь и снимался. Начались новыя вѣянія, журналы, гдѣ Волгинъ игралъ первую скрипку, или благополучно умерли, или преобразились. Еще недавно я встрѣтилъ одного изъ нашихъ тогдашнихъ „палачей".

— Какой это Волгинъ?—спросилъ онъ у меня.— Развѣ былъ такой?

— Посмотрите-ка у себя въ долговыхъ книгахъ. Я думаю, за вами ему и до сихъ поръ числится!

— Не помню, не помню! Васъ помню... А Волгина нѣтъ.

Еще бы эта ракалія помнила! Теперь этотъ престарѣлый „палачъ" торгуетъ, какъ Чичиковъ, мертвыми

душами, т.-е. продастъ право на разрѣшенныя ему газеты.

Кажется, Волгинъ умеръ отъ чахотки—не помню и я.

Думаю только, что въ его могилу вмѣстѣ съ нимъ легло необычайное дарованіе... Въ безвѣстную могилу! О немъ было некому плакать, его никто не жалѣлъ. Ни родныхъ ни близкихъ. Изумительно случайное существованіе. Въ безсонныя ночи мнѣ и до сихъ поръ слышится его молодой веселый смѣхъ и видится маленькая фигурка непризнаннаго поэта съ тонкими и правильными чертами лица, съ искренними, полными юмора, задорными глазами и пѣтушинымъ хохломъ на лбу, мечтающаго о славѣ, благѣ, счастіи, обо всемъ, чѣмъ его только дразнила жизнь, и чего ему никогда-никогда не выпадало на долю.

Воображаю, живи онъ теперь!..

Да, какая это была голодная и холодная жизнь, но зато сколько по временамъ врывалось въ нее радости, молодой, веселой, заразительной. И какъ незамѣтно тогда гибли силы, которымъ теперь велся бы особый счетъ въ широко, хотя и не прочно установившемся печатномъ дѣлѣ. Мы вѣдь для него сквозь вѣковыя заросли трудно и нудно пробивали первую просѣку. До насъ жилъ писатель сибаритъ. Писатель, для котораго литература—приватное занятіе, она не давала еще хлѣба. Онъ былъ прежде всего или помѣщикъ, или чиновникъ и послѣ—писатель. Писатели и только писатели пошли съ насъ!

Я даже дебютировалъ тогда стихами объ одномъ изъ такихъ—маленькомъ литераторѣ. И это былъ талантъ настоящій, но надъ нимъ издатели только глумились, а въ добрыя минуты посылали ему двугривенные.

— Ну, что, кто видѣлъ Салькова?

— Я.

— Не околѣлъ еще?

— Нѣтъ, на дыбахъ...

— Живучая шельма. Ему, какъ щукѣ, темя проломили, а онъ все шевелится... Голодуетъ недѣлю и въ одинъ день на гривенникъ такъ отъѣстся, что опять готовъ мѣсяцъ на пищѣ св. Антонія сидѣть!

Св. Антонія изображаютъ со свиньей подъ мышкой. Сальковъ также холилъ издателя въ тѣ далекія времена, толстѣвшаго на его работѣ.

Вотъ эти стихи:

Жалкій, блѣдный и больной,
Весь оборванный и грязный,
Сдавленъ темной нищетой,
Гнетомъ жизни безобразной;
Глупо, дико тратилъ вѣкъ,
Робкій, пьяный, непригожій,
Даровитый человѣкъ
У издателя... въ прихожей!
Былъ и онъ когда-то смѣлъ,
Жилъ любовью и враждою
И срывать съ глупца умѣлъ
Маску твердою рукою.
Грозныхъ битвъ и тайныхъ драмъ
Много сердце выносило,
Подлецамъ отъ эпиграммъ
Ядовитыхъ жутко было...
Но угаснулъ человѣкъ,
Измельчалъ и опустился
И къ издателю навѣкъ
Какъ холопъ закабалился.
Долго будетъ жизнь итти
Этой грустной колеею.
Но на радостномъ пути
Злою мачехой судьбою
Будетъ брошенъ, наконецъ,
И ему изъ сожалѣнья

Неожиданный вѣнецъ
Безразсвѣтнаго паденья.
Глухо, темно кончитъ вѣкъ,
Жизнь свою покрывъ позоромъ,
Даровитый человѣкъ
Подъ издательскимъ заборомъ.

Сальковъ такъ и умеръ.

Кажется, на лѣстницѣ у издателя.

— Эдакая свинья, и тутъ напакостилъ!

Вотъ весь некрологъ надъ еще неостывшимъ трупомъ.

Да, теперь вамъ легко живется и удобно работается... Но иногда вспомните и вы тѣхъ, на чьемъ холодѣ и голодѣ, на чьемъ кровавомъ потѣ, слезахъ и страданіяхъ, бездомовничествѣ и одиночествѣ выросло ваше благополучіе. Вѣдь если вамъ хорошо, такъ именно потому, что въ свое время намъ было и дурно, и жутко, и тяжко!

V.

Изъ кухмистерской Митя Караваевъ вышелъ сытый и довольный.

Онъ еще пуще полюбилъ людей теперь послѣ разбавленныхъ водою щей и гнилой котлетки. Все кругомъ, казалось, принадлежало ему: и это небо, прекрасное и чистое сегодня, и эти громады каменныя, темничныя, гдѣ за безчисленными окнами, можетъ-быть, таилось неподозрѣваемое имъ страданіе... Молодость и сила требовали движенія, устали. Онъ самъ не зналъ, куда ходилъ по улицамъ и площадямъ, пока не попалъ въ лѣтній садъ. Старыя деревья еще не распускались. Только почки ихъ порозовѣли, точно налились кровью,

но ни одна изъ нихъ еще не лопнула и не выпустила на свѣтъ Божій нѣжнаго зеленаго рубчика — перваго, мягкаго и дѣтскаго листка. Шелъ-шелъ Караваевъ по аллеямъ и ему представлялось: какой онъ въ самомъ дѣлѣ умный человѣкъ, что бросилъ „уѣздное болото“ и выплылъ сюда на вольныя и глубокія воды. Ну, чего бы онъ добился тамъ—и ему даже сдѣлалось душно! Въ самомъ дѣлѣ! Весь свой вѣкъ провести никому неизвѣстнымъ, ничего не свершившимъ... Заплыть жиромъ, уйти въ мелочи даже не жизни, — какая это жизнь — скорѣе прозябаніе! И мелочи-то невѣсомыя. Грошъ и тотъ выростаетъ въ милліонъ, какъ станешь оцѣнивать ихъ! А тутъ...

И вѣдь не ему одному будетъ хорошо.

Ходилъ, ходилъ онъ и, почувствовавъ маленькую усталь, сѣлъ.

Мимо—сотни народа, и Митя пристально всматривается въ нихъ. Одинъ изъ этихъ сотенъ, такой же молодой, какъ и Дмитрій Николаевичъ, подошелъ и сѣлъ на ту же скамью. Оба посмотрѣли другъ на друга. Второй насмѣшливо улыбнулся.

— Вы, должно-быть, пріѣзжій?—замѣтилъ онъ.

— А что?

— Такъ... видно... Талія у васъ на затылкѣ.

Караваевъ покраснѣлъ, но, окинувъ сосѣда критическимъ взглядомъ, засмѣялся.

— А у васъ сюртукъ того... Куда старше васъ.

— Отчего...

— Да вонъ подъ мышками ѣсть проситъ. Вы бы его покормили. Да и локти... Съ изъянцемъ... Хорошо бы этотъ глянецъ на сапоги перевести. А то ни на что не похоже. Сюртукъ вы, видимо, ваксой чистите — на сапоги ее и не хватаетъ.

И оба уже расхохотались.

— Давайте-ка будемъ знакомы. Вы кого въ Петербургѣ имѣете?

— То-есть какъ это?

— Есть у васъ друзья?

— Нѣтъ. Я только сегодня пріѣхалъ.

— А я здѣсь уже три мѣсяца!

Они подали другъ другу руки. Второй номеръ былъ я.

— Вы зачѣмъ же сюда?—спросилъ Караваевъ.

— Экзаменъ держать въ университетъ.

— Ну, и что же?

— Провалился... Я, знаете, изъ кадетскаго корпуса, у насъ латыни не изучали.

— А я ее понюхалъ, но меня стошнило.

— Тоже, значитъ, „убоялись глубины"... Теперь буду пока вольнымъ слушателемъ. А вы что думаете дѣлать?

— Да ужъ не знаю. Стихи пишу.

— Ну!.. Вѣдь и я тоже. Вы, вѣрно, обо мнѣ слышали,—и я гордо назвалъ свой псевдонимъ.

Митенька сдѣлалъ удивленные глаза.

— Неужели ни разу, нигдѣ? Да вы читаете „Занозу"?

— Это что такое?

— Журналъ.

— Нѣтъ, у насъ въ городѣ не получали.

— Ну, я вамъ скажу и отстали же вы!

Еще бы, что за невѣжды не читаютъ „Занозы" и не знаютъ меня, ея усерднаго сотрудника. Можетъ ли дикость и безграмотство итти дальше? Меня смѣшило только то, что Караваевъ сконфузился.

Я непремѣнно прочту

— То-то... Какъ же послѣ этого называться образованнымъ человѣкомъ?

— Мы знаемъ „Искру“.

— Ну, что „Искра“...—фыркнулъ я...—Тоже нашли. Мы въ „Занозѣ“ адски завидовали „Искрѣ“. Въ ней сосредоточились лучшія силы тогдашней литературы, смотрѣвшія на насъ, какъ смотрѣлъ бы кто-нибудь съ высоты Александровской колонны на ползущаго по площади муравья, т.-е. не замѣчая его. Вѣчною мечтою, и мечтою честолюбивой, у насъ было—попасть въ „Искру“. Сказать правду — мы и толкались туда, но неудачно. Меня, напримѣръ, встрѣтило полнѣйшее фіаско. Василій Степановичъ Курочкинъ повертѣлъ, повертѣлъ мою рукопись... Я, едва дыша, жду... Что-то онъ скажетъ?

— Вы ужъ печатались гдѣ-нибудь?

Какъ же...—Я думаю, что у меня даже волосы покраснѣли при этомъ.

— Гдѣ?

И онъ ужъ взглянулъ на меня повнимательнѣе.

— Пожалуйста, присядьте. Гдѣ же вы печатались?

— Въ „Занозѣ“.

— Чего-съ?

— Въ „Занозѣ“.

Курочкинъ насмѣшливо улыбнулся.

— Ну, и пожалуйте съ вашими стихами туда же.

— Вы ихъ не читали? Я бы ихъ вамъ оставилъ.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же... Намъ изъ „Занозы“ не годится.

Такъ я и побрелъ обратно, опустивъ и хвостъ и голову, какъ побитая собака.

— Нѣтъ, знаете, „Искра“ все-таки... — робко вставилъ Караваевъ.

— Тамъ иногда попадаются недурныя вещицы,— великодушничалъ я... Но какъ же сравнить... Помилуйте!

— А вы меня познакомите съ редакторомъ?

— Съ Розенгеймомъ?..

— Да... Завтра.

— Завтра... Ну тоже и вы придумали...

— А что.

— Да я у него въ счетъ взялъ... Знаете... А написать еще ничего не написалъ... Цѣлые пятнадцать рублей...

— Такъ вы напишите.

— Вдохновенія не было,—покраснѣлъ я. Нельзя же такому новичку, какъ Караваевъ (я вѣдь все-таки былъ на три мѣсяца старше его въ литературѣ), сознаться, что Розенгеймъ вернулъ мнѣ весь послѣдній урожай моихъ стиховъ да еще ругнулъ при этомъ: Ну , батюшко, чѣмъ это васъ прослабило! Чортъ знаетъ, чего вы тутъ не наваляли. Вѣдь у меня не помойная яма, нельзя же все, что вамъ взбредетъ въ голову, бросать мнѣ!“

— А мнѣ онъ впередъ дастъ?

— Ну, на это они туги... Вы знаете, недавно „Чижикъ“...

— Это еще что?

— Геній!

— Какъ?

— Настоящій геній. „Чижикъ“—его псевдонимъ. Понимаете—онъ Волгинъ, но подписывается „Чижикомъ“. Ну такъ онъ только и могъ сорвать авансъ „на построеніе носа!“

— Что?

— На построеніе носа. Увѣрилъ редактора, что заболѣлъ, и носъ у него въ опасности. А что, у васъ, вѣрно, денегъ нѣтъ?

— Напротивъ, есть!—И Караваевъ даже принялъ гордый видъ.

— И много?

— Послѣ сегодняшняго обѣда восемь рублей.

— Только-то!

— У меня комната за недѣлю впередъ оплачена.

— Ну, на это не разойдешься здѣсь...

— Я съ собой привезъ много стиховъ. Если по четвертаку за строчку...

Я только засвисталъ.

За мною уже былъ опытъ, и я хорошо понималъ, что значатъ въ Петербургѣ восемь рублей.

— Чай и сахаръ у меня есть. Пока стихи прочтутъ, я пробьюсь. Хотите ко мнѣ — хозяйка поставитъ самоваръ.

Мы пошли.

Я думаю, на насъ всѣ оглядывались. Болѣе веселой и беззаботной пары давно не видѣлъ Лѣтній садъ. Можно было подумать, что намъ принадлежатъ всѣ сокровища Голконды, и завтрашній день можетъ заботить кого угодно, только ужъ никакъ не меня съ Караваевымъ. Мы задѣвали проходившихъ мимо непрошенными замѣчаніями. Я со-слѣпу наткнулся на какую-то сугубую персону съ животомъ на выносъ и такими бровями—издали было видно, что ихъ мановенія трепещутъ сотни подначальнаго люда. Особа пошатнулась, побагровѣла и вдругъ, окинувъ меня негодующимъ взглядомъ, изрекла:

— Поросенокъ!

— Папаша!—кинулся я къ нему на шею

Юпитеръ остолбенѣлъ, пошевелилъ перстами, еще больше налился кровью, вотъ-вотъ лопнетъ... Но мы уже со смѣхомъ уходили прочь...

— Вы знаете,—дѣловымъ тономъ обернулся ко мнѣ Митя,—у меня есть сосѣдка.

— Ну?—нахмурился я.

Мы относились къ женщинамъ, какъ къ святынѣ. Жизнь первыя школьныя очарованія наши не забросала своею грязью. Даже по вечерамъ на Невскомъ мы заговаривали съ „дѣвицами", краснѣя и чувствуя, что въ груди сладко и нѣжно замираетъ что-то, а отъ „дешевой" ласки хотѣлось плакать, и сердце билось и голова горѣла. Мнѣ казалось, что Караваевъ немного легкомысленно отнесся къ женщинѣ, такъ „сразу" заговоривъ о ней.

— Ну... И что же. Вы ее видѣли?

— Нѣтъ,—покраснѣлъ онъ,—только разговаривалъ. Она меня хотѣла сегодня напоить чаемъ. А вмѣсто того мы ее угостимъ. Взяла съ меня обѣщаніе мармеладу ей принести. Десять копеекъ полфунта, есть такой.

— Вы это что жъ, съ какой цѣлью?

— Мармеладъ? Ѣсть будемъ.

— Не мармеладъ... А ее?.. Къ женщинѣ слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ.

— Да что вамъ въ голову пришло! Возможное ли это дѣло.

— То-то!

Въ тѣ времена мы могли бы смѣло выступить на состязаніе Монтіоновской преміи за добродѣтель.

Благоговѣя передъ геніемъ „Чижика", мы презирали его за то, что онъ уже зналъ женщину, у него даже была какая-то любовь, слишкомъ легкая, по нашему мнѣнію.

Но... въ глубинѣ души адски ему завидовали! „Циникъ", а какъ бы намъ хотѣлось быть на мѣстѣ этого циника!

— Вы мармеладу. А я колбасы и ветчины.

— Зачѣмъ?

— Ѣсть... Съ чаемъ вкусно... И бубликовъ.

Къ Димитрію Николаевичу мы поднялись нагруженные тюричками. Финансы наши были въ одинаковомъ положеніи, и потому первый нашъ пиръ мы поровну устроили на общій счетъ. Не успѣли мы войти въ комнату, какъ въ „стѣну" налѣво застучали.

— Это вы?

— Я-съ.

— Это она,—тихо проговорилъ Караваевъ.

— Мармеладу купили?

— И варенья.

— Видите ли, какой вы умница. А у меня сейчасъ самоваръ будетъ.

— Только я къ вамъ не могу.

— Это еще что за моды!

— У меня пріятель... Я не одинъ.

— А онъ такой же, какъ вы?

— То-есть?

— Хорошій?

— А почему вы знаете, что я хорошій?

— Ужъ такъ... Чувствую.

— По голосу, что ли?

Она расхохоталась.

— Я у васъ была. Всѣ бумаги переворотила и стихи ваши читала. Мнѣ они нравятся. Ну, идите ко мнѣ съ вашимъ пріятелемъ.

Я помню, что лица у насъ обоихъ сдѣлались необыкновенно торжественными. Митя взъерошилъ во-

лосы, я, напротивъ, ихъ пригладилъ. Опять навьючивъ себя тюричками, мы пошли туда... Въ полумракѣ коридора двери сосѣдки были отворены, и тамъ вся на свѣту стояла она.

— Покажитесь-ка, покажитесь.

Мы оба шаркали ногой, но не могли подать руки. Руки были заняты.

— Господи, да какіе вы молодые!

— Ну вотъ!—обидѣлся Митенька.

— Сколько вамъ?

— Двадцать,—совралъ онъ.

— А вамъ?

— А мнѣ двадцать два!—„Ужъ врать, такъ врать“.

— И вотъ, неправда... Я вижу. Вамъ по шестнадцати, много-много по семнадцати! Я люблю молодыхъ. Мнѣ самой восемнадцать. У молодыхъ гадостей на умѣ нѣтъ. А старички—смотрятъ: отъ одного ихъ взгляда тошно. Свиньи старички, вотъ что. А молоденькіе—прелесть, съ молоденькими ай какъ весело,—такъ весело, такъ весело!

Сыплетъ словами и сама какъ волчокъ возится, то съ одной стороны стола устанавливаетъ что-то на тарелочкахъ, то съ другой, мгновеніе — и она ужъ топчется въ коридорѣ, бѣжитъ на кухню и все это, ярко поблескивая глазками и смѣясь во-всю.

— Васъ Митенькой звать?—обернулась она къ Караваеву.

— Димитріемъ Николаевичемъ.

— Ну, какой вы Димитрій Николаевичъ. Походите еще и въ Митенькахъ,—что у васъ на губѣ-то... Пушокъ еще... и губы какія... мягкія, вкусныя, должно-быть.

Митенька сгорѣлъ подъ откровенный хохотъ Лизы.

— Что это вы говорите?

— Неужели еще ни съ кѣмъ не цѣловались? Такъ я и повѣрю!

Моего новаго пріятеля въ потъ ударило.

— Зачѣмъ цѣловаться! Съ Софкой, правда, цѣловался, только она мнѣ двоюродная...

— Кума? Двоюродная кума?

— Нѣтъ, сестра.

Лиза внимательно взглянула на Митеньку.

— А вѣдь я, пожалуй, и повѣрю вамъ, что вы ни съ кѣмъ не цѣловались. Зачѣмъ же у васъ въ стихахъ? Какъ это: съ первыми розами чудной весны—мы полюбили другъ друга.

— Такъ развѣ, если любятъ...

— Непремѣнно цѣлуются. Что жъ это за любовь такая? Я бы не выдержала, сейчасъ бы вотъ такъ.

Она была очень мала ростомъ. Взяла Митеньку за плечи и приподняла къ нему свою веселую румяную мордашку. На цыпочкахъ вся такъ и потянулась къ нему.

— Чего же вы, глупый!

У Митеньки даже кожа на головѣ заходила.

— Ну...

Схватила его за голову и насильно чмокнула юношу, и, точно лизнувшая сливки кошка, заоблизывалась.

— Вкусно!

— Развѣ такъ можно!..

— А я страсть люблю. Только не съ кѣмъ.

И глаза у нея совсѣмъ разгорѣлись.

— А еще Димитрій Николаевичъ. А самъ въ глаза мнѣ смотрѣть не можетъ. Настоящій ребеночекъ, Митенька... Агу, Митя, агушеньки...

Лиза была вся круглая, съ яркимъ румянцемъ, веселыми и лучистыми карими глазами и крупными, точно припухлыми губами. Молодость такъ и била въ ней ключомъ. Она и прятаться не умѣла. Вотъ ужъ именно, что на душѣ, то и на языкѣ...

— Я васъ какъ въ щелку сегодня увидала, такъ и рѣшила: „мой будетъ“.

— Въ какую щелку?

— А вотъ.

Очевидно, прежде изъ ея комнаты въ коридоръ, часть котораго обратилась въ Митенькину комнату, была дверь какъ разъ противъ постели моего нововявленнаго друга, дверь эту задѣлали даже не досками, а просто какимъ-то картономъ и старыми обоями. Какъ разъ противъ изголовья Караваева они отодрались и стоило только ихъ приподнять—въ трещину картона отлично была видна подушка.

— Вы сегодня какъ заснули, я и посмотрѣла. Думаю, ну и амурчикъ.

— А кто тутъ прежде жилъ?

И мнѣ въ голосѣ Митеньки послышалась ревнивая нотка.

— Чудотворъ.

— Какой?

— А какіе пьяные чудотворы бываютъ? Старый, грязный, скверный. И какъ только не въ себѣ, сейчасъ изъ разныхъ комедій геройствуетъ. Его хозяйка прогнала.

— За что?

— Вмѣсто денегъ стихами ее отчитывалъ. Встанетъ этакъ, руку вытянетъ и сейчасъ: „Доколь, презрѣнная, въ ничтожествѣ своемъ—ты павшее величіе терзаешь“. Я даже выучила. Ко мнѣ было сунулся, я его скал-

кой... Онъ мнѣ и говоритъ потомъ: „Ты, дура (это—я!), такъ человѣка, пожалуй, убьешь...“ А по ночамъ какъ храпѣлъ и все по-разному... Вотъ что, если вы думаете, что я сама понесу самоваръ, очень ошибаетесь. Я и вниманія не возьму. Вы сильный,—обратилась она ко мнѣ,—подите въ кухню и тащите.

Я немедленно отправился исполнять ея порученіе, и когда вернулся, таща пыхтѣвшую машинищу и отводя лицо отъ клубовъ пара, которыми она точно нацѣливалась въ меня, Митенька и Лиза сидѣли въ разныхъ концахъ комнаты, при чемъ мой пріятель былъ красенъ и взъерошенъ, а Лиза лукаво улыбалась и слегка постукивала носкомъ въ полъ.

— Ну, теперь я стану хозяйничать...

Хозяйничала она удивительно, и мы всѣ хохотали ея выходкамъ, да такъ, что въ самый неожиданный моментъ въ пріотворенную дверь показался утиный носъ хозяйки.

— Лиза... Потише.

— Чего еще?

— Такъ, потише. У меня мигрень.

— У васъ Екатерина Аѳанасьевна мигрень всегда, когда другимъ хорошо. Нешто я у себя не могу. Вѣдь не дебоширимъ. А такъ...

И, когда утиный носъ скрылся, она закончила:

— Тьфу, противная. Терпѣть ее не люблю. Какъ разбогатѣю, сейчасъ съѣду. Я вѣдь, Митенька, бѣдная. Ужасно бѣдная. Вы знаете, сколько я отъ давальцевъ зарабатываю,—случается, и ночь не спишь. Тутъ купчиха Жемчугова дочь выдавала замужъ за офицера. Не слышали—Лампасовъ? Онъ изъ жандаровъ. Гордый такой, точно полякъ. Ходитъ журавлемъ, подумаешь, страсть какой грозный. Ну, такъ я приданое бѣлье

шила. Двѣ недѣли по три часа спала въ день, да и то урывками. А все никакъ больше шести гривенъ въ сутки-то не нашьешь. Если кругомъ считать. Ну, да еще за папеньку пенціонъ получаю, семь рублей въ мѣсяцъ. Папенька у меня былъ значительный. На шеѣ у него крестъ былъ. Вы не думайте, я не изъ простыхъ. Мы—чиновники. Только не ученая—читать выучилась да писать, вотъ и все. Папенька умерли — мы съ маменькой и остались кругомъ вдовы.

— А ваша мама жива?

— Давно померла. Я у тетки жила, да сбѣжала.

— Жестоко обращалась она съ вами?

— Ну, вотъ, какой жестоко! Коли бы жестоко — отчего же строгости не выдержать. На нашу сестру строгость нужна. Мы безъ строгости сейчасъ себя потеряемъ. Нѣтъ, она все ласково такъ, точно въ канавкѣ журчитъ: „Милая, прими, безъ меня купецъ придетъ. Онъ богатъ... Ты съ нимъ попривѣтливѣй“. А у купца глаза-то какъ выкатятся — мнѣ и страшно, точно къ разстрѣлу меня передъ ними посадили. А то вздумала меня въ садахъ показывать. Кто ни заговоритъ съ ней, она сейчасъ съ полной охотой: „У меня племянница кроткая, ей Господь за ея добродѣтель долженъ хорошаго человѣка послать, который съ деньгами“. Сначала я дура была, ничего не понимала. А разъ завезла она меня въ казармы къ офицеру, пошепталась съ нимъ и говоритъ мнѣ: „Ты, Лизанька, посиди. Я сейчасъ!..“ И ушла. А офицеръ, знаете, храбрый такой, цапъ меня обоими лапами. „Ты, говоритъ, должна меня любить“. Едва выскочила, вся оборванная, потому что онъ все снять хотѣлъ. Такой подлецъ. Ну, я это поняла и ушла. Теперь работаю. Нешто за деньги любятъ? Вотъ я Митеньку могу полюбить, онъ

бѣдный, какъ и я. Намъ любиться-то и не грѣшно. А что-бы молодость свою продавать? Такъ я не такая! У меня папенька въ вицмундирѣ ходилъ, и вдругъ съ моей стороны — низость. Какъ же это? Второй годъ я ушла отъ тетки. Едва паспортъ свой получила.

— А вы ее встрѣчаете?

— Какъ же...

— Ну, и что она?

— Я вамъ говорю, точно въ канавкѣ журчитъ. Я тебѣ (это мнѣ-то!) добра желала. Офицеръ озолотилъ бы тебя. На своихъ лошадяхъ ты бы каталась, шелки да бархаты носила. Онъ, еще ничего не видя, по благородству своему, сотенную мнѣ подарилъ. А если ты бы себя оправдала, такъ онъ бы на ладошкѣ тебя къ небу поднялъ, чего ты и не стоишь. Ты, говоритъ, думаешь, вашей сестры, молоденькихъ дурочекъ, мало? Сколько угодно, и всѣ какъ стали бы меня благодарить. Къ Спасителю бы на Петербургскую сторону ѣздила другая молебны за меня служить. Что вы думаете, офицеръ-то какой: онъ и тутъ меня не оставилъ. Все конфеты мнѣ возилъ. Ну, да я ихъ въ окно, на дворъ. Вотъ-де твои подарки гдѣ. Подъ окномъ у меня помойная яма. Отсталъ. Встрѣтилъ третьяго дня. „Здравствуйте, Лизанька“, кричитъ. Ну, я точно не слышу, иду себѣ. А онъ мнѣ въ слѣдъ трещитъ по тротуару саблей и шпорами. „Когда же вы, говоритъ, согласитесь раздѣлить мое чувство? Я по васъ совсѣмъ истерзался“. А у самого морда поперекъ шире. Чего добраго лопнетъ, какъ спѣлая рѣпа. Разумѣется, наша сестра въ свое время должна потерять себя. Такъ уже по любви, чтобы хоть немного счастья было. Самое маленькое, да мое; не купленное, не проданное. Вотъ

я какъ разсуждаю. А тетя говоритъ: ты это по своей глупости.

Мы, разумѣется, возмутились.

Митя тотъ больше пыхтѣлъ, но я сейчасъ соловьемъ: о призваніи женщинъ, о святости любви, о жизни для подвига. Слушала, слушала меня Лиза и вдругъ:

— И все это вы не то... Тетка — та по своей подлости, а вы по благородству. Только ни у нея ни у васъ не выходитъ по-настоящему.

— Какъ такъ?

— Разумѣется. Точно мы куклы какія, завели насъ, мы и вертимся, а пружинка-то — фрръ-фрръ!.. Нѣтъ, это не такъ. Кому по мнѣ болѣть? Родныхъ у меня нѣтъ, мать плакать не станетъ. А счастье, что оно есть, каждая понимаетъ по-своему. Гдѣ мнѣ нравится, тамъ и счастье. Долга, вы думаете, наша молодость? Съ работы-то живо облетитъ. Наша сестра — три-четыре года и вся точно травка осенняя. И глаза потухнутъ и щеки ввалятся. А чтобы кровью-то лицо играло, подите поищите. Такъ ужъ, коли хочешь отогрѣться, люби, пока можешь. Я вѣдь до сихъ поръ не любила. А только часами шьешь и все думаешь, все думаешь. Руки иголкой, а голова Богъ вѣсть гдѣ. Все облетаешь, обо всемъ помечтаешь. И вотъ что я скажу. Какъ полюблю, ни у кого не спрошусь. И не только не спрошусь, а такъ что минуты ждать не стану, бери меня всю, какая я есть. Солнышко недолго свѣтитъ. То штору спустишь — работать мѣшаетъ, въ глаза прямо, а черезъ полчаса—гдѣ оно? За крышей! И темно и пальцы не такъ быстро строчку нижутъ. Значитъ, надо хватать ее, минуту-то, пока она свѣтлая да веселая. У меня подруга была. Мы вмѣстѣ съ нею шить учились. Померла она — слабенькая росла

да худенькая и все кашляла. Я къ ней въ больницу пришла, она мнѣ и говоритъ: „Ночи не сплю, нѣтъ сна, да и только. Открою глаза и смотрю въ уголъ, а въ углу точно шевелится что-то. И все я о томъ безпокоюсь, какъ я жила до сихъ поръ. Если бы Богъ здоровья далъ, сейчасъ же я бы всю эту глупость бросила, чтобы себя беречь. Потому что бережемъ мы себя, бережемъ и никакой радости не знаемъ, а для чего,—для могилы вѣдь. Ни себѣ ни собакамъ! Нашла бы человѣка по сердцу и такъ бы его стала любить! Не вернешь, что потеряла, а жизнь вся съ куриный носъ, и радостей въ ней, какъ котъ наплакалъ!“ Такъ она точно просвѣтила меня — все я поняла. Дня черезъ два умерла, я и вспомнила, какъ она говорила мнѣ это. Слова-то — словами, а въ глазахъ такая тоска. Нѣтъ, это богатымъ хорошо выбирать да ждать. А намъ, бѣднымъ, которая не хочетъ продавать себя, одно слѣдуетъ—найти человѣка по сердцу и радоваться вмѣстѣ съ нимъ. Такъ и работа будетъ слаще. И горе легче. Вы что думаете: вотъ вы оба умные, образованные и такое говорите, что я не все понять могу, особенно, если слова не настоящія у васъ, не такія, которыя каждый день слышишь. А все-таки жизнь, какая она есть, всамдѣлишняя,—я ее больше понимаю. Почему что у меня ея мало, да за моей работой я о ней думаю много, а вамъ некогда. Вы отъ книжки къ книжкѣ, отъ стиха къ стиху, что ли... А тамъ погулять надо, пріятеля встрѣтите, сейчасъ съ нимъ о томъ и о семъ. Наединѣ-то вамъ и не приходится самимъ съ собою. А вѣдь безъ этого, безъ того, чтобы одной—ничего толкомъ не обсудишь, все будетъ чужое, не свое...

VI.

Когда я уходилъ, Митя съ нашею новою знакомой пошли меня провожать.

Лиза хохотала всю дорогу.

— Вотъ какая я франтиха. Вы что думали, я шляпку себѣ сама сдѣлала.

Шляпка на ней была прехорошенькая.

— Купила каркасъ... Обрѣзковъ у меня много было— я и отдѣлала. И дешево и сердито... Вы видѣли — толстый какъ на меня оглянулся.

— Такъ это не на шляпку.

— А на что же?

— На то, что подъ шляпкой.

— Батюшки! Митенька, вы умѣете говорить комплименты...

И Лиза всплеснула руками.

— А вотъ на перчатки сбиться трудно. Хоть и стыдно, ишь, у меня руки какія. Исколотыя, грубыя. Красныя. Точно говядина.

Назадъ зато оба смолкли. Точно при мнѣ имъ говорилось свободнѣе. Самъ Караваевъ потомъ разсказывалъ, — тутъ бы ему развернуться во-всю, а онъ точно воды въ ротъ набралъ. И Лиза тоже хвостъ поджала и губы ей точно свело. Начала-то бойко:

— Вы, Митенька, подъ руку умѣете?—предложила она.

— Наука не трудная!—конфузился юноша.

— Ну-ка, сдѣлайте крендель... Вотъ такъ, ай, да мы! Говорятъ медвѣдя и то плясать обучаютъ.

Она продвинула руку и пошла съ нимъ, все больше и больше теряясь. Только передъ самымъ домомъ уже робко заговорила:

— Скажите, вамъ со мною не стыдно?

— Съ чего вы это взяли?

— Такъ; я вѣдь совсѣмъ простая. А вы привыкли, поди, съ настоящими барышнями.

— Всѣ эти барышни вмѣстѣ одной васъ не стоятъ.

— Ну? Побожитесь! Не врете?

— Ей Богу. Вы посмотрите на себя и на нихъ.

Она шаловливо прижалась къ нему.

— Вотъ я васъ дѣйствительно не стою.

— Это почему? Скажите, пожалуйста, что еще выдумали.

— Разумѣется, вы красавчикъ!

— Я-то. Только что собаки на меня не брешутъ, да носъ на мѣстѣ.

— Я, ей Богу, такихъ не видѣла.

— Ну, ужъ тоже нашли—важное кушанье!

— Видите, какой вы хорошій. Какъ же васъ да не полюбить? А вы?

— Что?

— Вы меня полюбить можете? А?.. Ну, да что вы молчите? И голову отворачиваете. Тутъ ничего стыднаго нѣтъ. Я никому отвѣтомъ не обязана. Что хочу, то и дѣлаю. И вы тоже. Нешто вамъ надо кого спрашиваться... Да говорите.

И она толкнула его въ бокъ.

— Невѣжливо такъ, неглежа. Дѣвица спрашиваетъ, а вы не отвѣчаете.

— Что именно?

— Вы меня полюбите?

Митя чуть не задохнулся. Что-то горячей волной прилило ему къ горлу, туманомъ вокругъ головы поднялось и все заслонило.

— Я, можетъ-быть, и теперь ужъ.

— Что? Что теперь? Да ну!

— Люблю васъ...

— Ну!.. А какъ вы любите?

— Я не умѣю говорить... Не пробовалъ еще никогда съ такими.

— Съ какими такими?

— Какъ вы. Вы для меня точно Богъ. Я бы на васъ молиться сталъ.

— Ну, еще-еще.

— Вы знаете, сегодня... мнѣ даже плакать захотѣлось.

— Когда это?

— А вы про себя разсказывали. И потомъ я подумалъ — можетъ такъ случиться, что я васъ больше не увижу.

— Вотъ тебѣ и на. Зачѣмъ же? Развѣ вы уѣзжать хотите?

— Нѣтъ... Но вы...

— Я никуда не уйду, вся тутъ. Пройдемтесь, еще, домой не хочется.

Они миновали свои ворота. Улица была пустынна... Обоимъ такъ хорошо молчалось, что ни она ни онъ не говорили ни слова. Митя чувствовалъ теплоту ея молодого тѣла. Лиза на ходу прижималась къ нему. Ему все больше и больше кружило голову.

— Ахъ, какъ хорошо!

— Что хорошо?

— Съ вами. Я точно давно васъ знаю, и цѣлый вѣкъ мы идемъ вдвоемъ. Такъ бы и не разставаться.

— Устанете... Или я надоѣмъ.

— Вы?!

И столько удивленія сказалось въ его восклицаніи, что Лиза вспыхнула и засмѣялась.

— Выдумаете! Вѣдь я не интересная. Развѣ я могу по книжкамъ разговаривать или по-вашему стихи читать. Мнѣ и некогда.

— И не надо. Я бы все смотрѣлъ на васъ, не сводя глазъ.

Онъ наклонилъ голову и поцѣловалъ ея руку.

— Развѣ можно? Что вы!

— Я и забылъ, что мы на улицѣ.

— Да нѣтъ. А такимъ, какъ я, рукъ не цѣлуютъ. У меня и руки не такія.

— Я уже вамъ сказалъ, что вы лучше всѣхъ. А можетъ-быть, и есть лучше, только я не видѣлъ. У насъ дома барышни такія всѣ скучныя, не простыя. Съ ними и не знаешь какъ даже. Подожмутъ губки и критикуютъ.

— Что?

— Критикуютъ. Насквозь тебя высмѣютъ. Мнѣ Софка разсказывала, какъ онѣ про меня за глаза-то. Нѣтъ, съ ними не хорошо.

Ходили, ходили. Лиза устала.

— Ну, теперь домой...

— Уже!

— Да. Пора. У меня завтра рано работа начнется.

— Не хочется прощаться съ вами.

— Надо!

На лѣстницу къ себѣ они входили медленно-медленно. Митя осмѣлился до того, что самъ поцѣловалъ ее, а поцѣловавъ, почувствовалъ, что вся она къ нему такъ и тянется. Нарочно пріостанавливается на ступеняхъ, ожидая, что опять онъ ее поцѣлуетъ. У самой двери, только что онъ хотѣлъ позвонить, она схватила его за руку.

— Что вы?..

— Погодите. Посидимъ еще вдвоемъ на подоконникѣ.

Было тихо. Мимо кралась кошка и, увидавъ Лизу, замурлыкала.

— Маруська! Ты куда?

Маруська на бархатныхъ лапкахъ подошла и давай толкаться носомъ въ ея ногу — погладь-де, а потомъ собралась комочкомъ и прыгъ ей на колѣни. Стали ее гладить Лиза и Димитрій Николаевичъ, и руки ихъ встрѣтились и не хотѣли больше отрываться одна отъ другой. Кровь ходуномъ ходила въ немъ. Лицо его горѣло, и онъ чувствовалъ, что и дѣвушкѣ не по себѣ. Прислонилась къ нему плечомъ въ плечо, дрожитъ вся. И отъ ея щекъ такъ и пышетъ огнемъ. Помурлыкала-помурлыкала Маруська, видитъ—до нея никакого дѣла этимъ счастливцамъ, спрыгнула и побѣжала прочь... Со двора донеслась пѣсня. Должно-быть, у мастеровыхъ напротивъ... И опять тихо, только обоимъ слышно, какъ сердца у нихъ бьются. Лиза положила къ нему голову на плечо...

— Митя... милый... мой Митя... Точно для меня пріѣхалъ сюда. Знала я будто, для кого мнѣ себя беречь... Мой! Да? Мой?

Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Крѣпче, крѣпче... Отымутъ!—смѣялась она тихо-тихо, потомъ обвила его шею руками и припала къ его губамъ, точно всю его жизнь хотѣла выпить...

Внизу послышались шаги.

Кто-то подымался сюда. Оба соскочили и преувеличенно громко заговорили въ одно и то же время о чемъ-то постороннемъ. Зазвонили.

Дверь отворила хозяйка.

— До свиданія!..

— Прощайте.

Церемонно пожали руки другъ другу и пошли: она къ себѣ, а онъ рядомъ въ свой непривѣтный уголокъ... Господи! Какъ все слышно. Точно она у него. Вонъ снимаетъ шляпку, кофточку сбрасываетъ. Напѣваетъ что-то. Подошла къ раздѣляющей ихъ стѣнѣ. Остановилась. Молчитъ и онъ, смотритъ туда... Обои шевелятся, въ нихъ просовывается пальчикъ... Онъ его схватываетъ, цѣлуетъ. Палецъ прячется.

— Митя?

— Что вамъ?

— Я „вамъ" не хочу.

— А какъ же?

— Скажите: Лиза, „ты".

— А сами вы говорите: „скажите".

— Ну, хорошо: скажи „Лиза, ты".

— Лиза, ты...

И голосъ у самого дрогнулъ.

— Лиза, ты—дрянная, дрянная дѣвочка.

— Лиза, ты—чудная, милая дѣвочка.

— Повторяйте, что я говорю: дрянная... Я такъ хочу.

— Ну, „дрянная".

— Нѣтъ, именно: „дрянная, зачѣмъ все оставляешь меня одного и не зовешь къ себѣ, вѣдь ты отлично знаешь, что самъ я ни за что не приду".

— А вотъ возьму и приду.

— Повторяй... Пожалуйста, не смѣй ничего отъ себя. Хоть немного дай мнѣ повеличаться. Ну...

Онъ исполнилъ ея желаніе.

— Димитрій Николаевичъ, сдѣлайте ваше одолженіе. Окажите такую любезность, придите ко мнѣ на чашку чаю...

И она разсмѣялась.

Почему-то на цыпочкахъ, точно его могутъ разслышать, онъ пошелъ къ ней. И когда взялся за ручку ея двери, та точно обожгла его. Вошелъ—темно. Лиза спустила сѣрую штору, а огня не зажгла.

— Ау... Гдѣ я...

Онъ пошелъ на голосъ — вдругъ „ау“ послышалось позади. Онъ туда, и, когда она хотѣла шмыгнуть мимо, поймалъ ее за руку, притянулъ къ себѣ. Около было старое оборванное кресло — широкое. Лиза потянула его. Онъ поневолѣ усѣлся, она мигомъ примостилась къ нему на колѣни.

— Я тоже, какъ Маруська... Слышишь—ты долженъ теперь всегда говорить мнѣ „ты“. А какъ звать ты меня будешь?

— Лизой!

— Ну вотъ, ты придумай что-нибудь.

— Киской.

— Не хочу... Вотъ что, я тебя буду Мими, а ты меня Лилькой. Хочешь... Мими!...

Прижалась къ его щекѣ своей...

Тихо, тихо. Цѣлая вѣчность плыветъ сквозь нихъ, а они остаются недвижно на мѣстѣ. Все погибло и пропало. Ни свѣту ни міра. Ни этого города кругомъ ни стѣнъ. Только во вселенной и остаются эти два сердца...

— Ты меня всегда будешь любить?

— Всегда.

— Хочешь, чтобы я тебя любила? Да?

— Я умру иначе...

Она вдругъ хотѣла что-то сказать, да всхлипнула и заплакала.

— Что ты, милая, дорогая?

— Нѣтъ, это я такъ, къ хорошему плачу. Мнѣ отлично съ тобою, я не одна теперь. Я страсть какая быстрая. Ни ждать ни притворяться не могу. Да и зачѣмъ? Не у кого намъ спрашиваться; правда, не у кого?...

VII.

Жилъ я тогда на Садовой.

Я думаю, теперь ужъ нѣтъ въ Петербургѣ такихъ меблированныхъ комнатъ, какъ та, въ которой мнѣ такъ хорошо и ярко мечталось и вѣрилось. Говорятъ, что вся безумная фантазія востока создана однообразными песками пустынь. Въ самомъ дѣлѣ—что въ дѣйствительности можетъ отвлечь воображеніе араба отъ ослѣпительной сказки? Я думаю, потому мнѣ не на чѣмъ было остановиться у себя — я весь уходилъ въ будущее. Въ моемъ неприглядномъ уголкѣ можно было только стоять, лежать и сидѣть. Лежать на постели, сидѣть на ней же у вплотную придвинутаго стола. Была еще табуретка, но она помѣщалась подъ столомъ. Чтобы не отвлекать меня отъ занятій, окна не полагалось. Вмѣсто него была какая-то форточка въ кухню. Когда тамъ жарили лукъ или масло проливалось на плиту, мнѣ грозила опасность задохнуться. Ежедневно хозяйка вступала въ бой съ кухаркой — и отъ меня не ускользало ни одно слово изъ ихъ далеко не академическихъ „преній“. Барыня уходила—кухарка начинала ругаться, швырять сковороды, кастрюли, котлы, посуду. Особенно громогласны были противни, на нихъ она изображала нѣчто въ родѣ театральнаго грома. Китайцы отъ этой музыки пришли бы въ восторгъ; у меня все же было европейское ухо—и съ

тѣхъ поръ я терпѣть не могу Вагнера. Не смѣлъ я пожаловаться и на однообразіе. Что касается запаховъ, то не все же было услаждать меня поджаренному луку и подгорѣвшему маслу. Очень часто стиралось дѣтское бѣлье и пеленки, и тогда изъ этого обворожительнаго дуэта дѣлалось еще болѣе очаровательное тріо. Даже и съ китайской музыкой. По вечерамъ, когда хозяйки не было, являлся „кумъ - пожарный“, геніально постигшій психологію кухарокъ. Сначала плакала она, жалуясь на судьбу, онъ слушалъ внимательно, и въ мою форточку сизыми облаками вился дымъ отъ махорки. Смолкала кухарка—я не долго утомлялся тишиною. Спокойно, точно это такъ и слѣдовало, по разъ навсегда высочайше утвержденному церемоніалу, начиналъ ее бить кумъ-пожарный, рыча что-то имѣвшее самое отдаленное сходство съ членораздѣльными звуками. Кухарка опять подымала визгъ, переносившій меня къ далекому отрадному дѣтству, въ тѣ счастливые дни его, когда у насъ рѣзали поросятъ. Когда мнѣ это надоѣдало, я стучалъ въ стѣну. Кумъ-пожарный пріостанавливался на минуту, и въ мое „окно“ опять ползла туча табачнаго дыма. Я не могъ у себя пожаловаться и на одиночество. Любознательные тараканы бѣгали по моимъ рукописямъ и, встрѣтивъ въ нихъ нѣчто, чего они не одобряли, укоризненно шевелили усиками; кошка, почему-то очень полюбившая мою комнату, таскала подъ постель ко мнѣ котятъ и, когда я гналъ ее оттуда, она шипѣла, фыркала, плевалась, и я уже, бывало, отойду, признавъ все безсиліе побороть ея дамскую слабость, а она все ругается и ругается. Какъ видите, ничто не было забыто для моего развлеченія... И все-таки какъ дивно жилось и грезилось въ этомъ

отвратительномъ углу! Какъ хороша молодость именно тѣмъ, что на все она бросаетъ розовый отсвѣтъ своихъ утреннихъ зорь. Бывало, лежишь и думаешь и въ несравненномъ обаяніи эмалевыхъ красокъ надъ моимъ изголовьемъ несутся картины одна изумительнѣе другой... Красота, любовь, свобода — эти созвѣздія далекаго неба спускались во мракъ жалкой каморки, и я чувствовалъ ихъ родство съ свѣтилами, никогда не угасавшими въ моей душѣ.

Какъ-то я сижу Гарунъ-аль-Рашидомъ въ моемъ заколдованномъ дворцѣ. Было еще тихо. Барыня уже ушла—кумъ-пожарный еще не явился. Кухарка, отдыхавшая отъ боевой схватки съ первой и готовившаяся обнаружить твердость въ бѣдствіяхъ со вторымъ, храпѣла. Таракан внимательно читалъ новое мое стихотвореніе, какъ теперь помню начинавшееся такъ:

Вокругъ меня—садовъ волшебныхъ юга
Прекрасные цвѣты...
Подъ лунный блескъ ко мнѣ, моя подруга,
Придешь ли ты?..

И т. д. Для подруги на томъ же сѣромъ листкѣ созидался дворецъ изъ бирюзы и жемчуговъ, въ легкія его аркады плыли волны ароматнаго вѣтра, будя въ золотыхъ струнахъ эоловыхъ арфъ страстныя пѣсни любви... Тараканъ бѣгалъ по строчкамъ и вдругъ недоумѣло останавливался... Поворачивался вправо, влѣво... Оглядывался назадъ, гдѣ жъ, чортъ возьми, всѣ эти цвѣты, дворцы и эоловы арфы? Я обдумывалъ заключительный аккордъ этого стихотворенія, тщетно борясь съ риѳмою на „поцѣлуя“. Ничего, кромѣ „кукуя, малюя, аллилуія“, не выходило, хоть тресни. Въ эту затруднительную минуту кто-то произнесъ въ кухнѣ мою фамилію.

— Я здѣсь!—отозвался Гарунъ-аль-Рашидъ...—Кто тамъ?

— Караваевъ.

— Юноша! Ступайте ко мнѣ. Дарья, самоваръ!

— Ладно, обождите.

— Какъ это обожду?

— А такъ, что сама пьетъ... Вотъ лопнетъ—тогда и вамъ подогрѣю.

Лопнуть должна была хозяйка, и аргументъ этотъ показался мнѣ настолько убѣдительнымъ, что я вполнѣ успокоился.

Димитрій Николаевичъ былъ мраченъ и зловѣщъ... Смотрѣлъ по меньшей мѣрѣ „убивцемъ" и, видимо, самъ ожидалъ, что при его приближеніи кости усопшихъ должны содрогаться въ могилахъ.

— Поздравьте меня!

— Съ чѣмъ это?

— Я — подлецъ!

Я молча пожалъ ему руку.

Митенька взъерошилъ волосы съ столь отчаяннымъ видомъ, что я только и могъ спросить его:

— Когда вы его зарѣзали?

— Кого?

— Я почемъ знаю... На вашихъ рукахъ крофъ (через „ф"—для выразительности), а „въ очахъ твоихъ гнѣздо себѣ свилъ ужасъ". Себѣ свилъ—не хорошо. Это я потомъ поправлю.

Караваевъ, не отвѣчая, бухнулся на кровать рядомъ со мною.

— Знаете... Я—негодяй.

— Не смѣю спорить, разъ вы сами...

— Я долженъ жениться!..

— Что?

— Иначе вы первый плюнете на меня.

— Слушайте, Митенька, вы сегодня вполнѣ неудобопонятны.

— Я отвратительно поступилъ съ Лизой.

— Ого!

— Да... бѣдная дѣвушка... Что она должна думать обо мнѣ?

— Выкинули ее изъ окна... заживо сжарили и съѣли. Разрѣзали на части и, какъ фонъ-Зона, отправили въ чемоданѣ въ Америку...

— Вы все глупости, а я...

— Да что вы?

— Поймите... Я долженъ. какъ можно скорѣе, жениться на ней.

— А нельзя подождать до завтра? Сегодня, я думаю, поздно. Ни одного попа не найдете.

Онъ схватился за голову и закачался, какъ маятникъ, поставленный вверхъ ногами.

Вижу, что пріятелю въ самомъ дѣлѣ плохо.

Взялъ его за руку.

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло?

— Между нами все кончено!

— Она васъ выгнала?

— Напротивъ... Я переселился въ ея комнату... Она сама этого захотѣла. И мы теперь живемъ вмѣстѣ. Понимаете, я... я ее обезчестилъ.

— Благородный гидальго! Надѣюсь, не она вамъ это сказала?

— Разумѣется, не она. Она смѣется и радуется. Я нѣсколько разъ принимался съ ней говорить, а она вмѣсто того, чтобы слушать, садится ко мнѣ на колѣни и цѣлуется.

— Такъ!

— Я къ вамъ съ просьбой.

— Какой?

— Пойдемъ къ ней. Я васъ подожду на улицѣ, а вы объясните Лизѣ, что я негодяй.

— А дальше?

— А дальше, что она должна выйти за меня замужъ.

— За негодяя!.. Напротивъ, я буду ее отговаривать отъ столь неосторожнаго шага.

— Вы все смѣетесь. А я... Я... Головой въ стѣну... Вотъ такъ. Такъ тебѣ подлецу!

И онъ въ самомъ дѣлѣ заколотился затылкомъ.

— Ну, ну, будетъ. Давайте разговаривать. Вы нисколько не виноваты. Такъ это и должно было окончиться. А что вы хотите жениться на ней—это благородно. Иначе вы не можете поступить, и мое уваженіе къ вамъ только растетъ отъ этого. Да именно—помните, какъ это хорошо:

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди.

— То-есть, шла не она ко мнѣ, а я къ ней.

— Это все равно.

— Вотъ я вамъ принесъ, прочтите.

— Что это?

— Письмо!

— Къ кому?

— Къ родителямъ. Я прошу у нихъ благословенія. Кажется, такъ надо? Въ такихъ случаяхъ родители всегда благословляютъ.

— И даютъ приданое.

— Зачѣмъ?

— Чтобы вамъ устроиться. Надо взять квартиру, сдѣлать обѣдъ... Кажется, при этомъ что-то пьютъ. Шампанское?

— Квартиру? Нѣтъ мы останемся въ одной комнатѣ...

— А экипажа не заведете съ выѣзднымъ лакеемъ?

— Глупости. Прочтите скорѣе... я его завтра страховымъ.

Листъ почтовой бумаги былъ исписанъ мелко. Прежде всего, разумѣется, Митенька сообщалъ о себѣ, что онъ не только благополучно прибылъ въ „Сѣверную Пальмиру“, но судьба на первыхъ же порахъ показала ему всю свою благосклонность, давъ случай познакомиться съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ... Слѣдовало мое имя.

— Послушайте...—остановился я.

— Ну?

— Хороша ли эта „знаменитость“, вѣдь я еще ни разу не подписывался?

— Разумѣется, „знаменитость“, а то еще какъ же, вѣдь васъ печатаютъ.

— Еще бы!

— Ну, значитъ, знаменитый. Вѣдь васъ читаютъ?

— А вотъ этого я ей Богу не знаю... печатать печатаютъ, что касается до чтенія...

— Ахъ, вы все шута строите.

Я миновалъ блистательное описаніе моей персоны. Въ далекомъ уѣздномъ городѣ по этимъ строкамъ меня могли признать, ну не знаю за кого... Великаго Могола, далай-ламу, персидскаго шаха, только никакъ не за скромнѣйшаго сотрудника „Занозы“.

„Василій Ивановичъ находитъ, что и я—талантъ, и обѣщаетъ мнѣ блистательную будущность, а мое сти-

хотвореніе о птичкѣ, свившей гнѣздо въ тростникѣ, онъ даже выучилъ наизусть и говоритъ: „Хоть бы Фету такое“. Вслѣдъ за тѣмъ Митя уже безъ всякаго перехода сразу оглушалъ „милыхъ папашу и мамашу“ цѣлой батареей картечныхъ восклицательныхъ знаковъ.

„Поздравьте меня, дорогіе, и порадуйтесь! Я нашелъ свое счастье!!! Небо послало мнѣ дивную, очаровательную дѣвушку,—такого обаянія, красоты, простодушія и доброты, что я даже не могу понять, какъ она обратила на меня вниманіе!!! Я тону въ блаженствѣ, описать которое не въ силахъ!!! Думаю, что и самъ Айвазовскій (почему Айвазовскій?) не нашелъ бы для ея изображенія красокъ на своей палитрѣ. О, какъ она меня любитъ! Рай открылся мнѣ со всѣми серафимами!!! Съ какой гордостью передъ цѣлымъ свѣтомъ я ее, прекрасную и молодую, назову своей женой. Торопитесь послать мнѣ свое благословеніе... Я жду, „какъ лѣтомъ нива у неба проситъ первыхъ грозъ“.

И т. д. и т. д.—въ томъ же восторженно-глупомъ родѣ.

— Ну?

— Недостаточно сильно.

— Что же еще?

— Я бы прибавилъ, что она ничѣмъ и никому не обязана. Живетъ своей работой. Что вообще... Вы понимаете, въ наше время, когда прогрессъ установилъ другіе взгляды на женщинъ, мы должны такихъ, какъ она, воздвигать на пьедесталы общественнаго уваженія и благодарности...

— Отлично, отлично. Скажите-ка еще эту фразу.

— Прибавьте, что она бѣдна, но зато душа ея и сердце богаче Ротшильдовъ. Что вмѣстѣ съ ней...

Нѣтъ, лучше вотъ что: „Я въ ней нашелъ ту точку опоры, которую искалъ Архимедъ, чтобы перевернуть землю“.

— Архимеда они не поймутъ.

— Сдѣлайте примѣчаніе внизу и объясните.

— Развѣ что!..

— А вотъ за конецъ я не одобряю.

— Почему?

„Я относительно Лизы былъ подлецъ и обязанъ загладить“... Не послѣдовательно...

— Какъ?

— Разумѣется, давно ли я у васъ же читалъ, помните: любовь свободна и вольна... Какъ птица вешняя она, куда захочетъ и летитъ, о чемъ задумала, поетъ, она отъ горя не бѣжитъ и отъ неволи не уйдетъ... Ей нѣтъ закона, нѣтъ препонъ, она сама себѣ законъ...

— Да, но все-таки... я сдѣлалъ свинство.

VIII.

Не скажу, чтобы съ особенно легкимъ сердцемъ я шелъ въ редакцію. Во-первыхъ, я еще не отработалъ аванса, а во-вторыхъ, со мной былъ Димитрій Николаевичъ Караваевъ. Разумѣется, я зналъ, что насъ не прогонятъ, но какъ я, такъ и юноша были безъ гроша. Съ юношей пріѣхали въ Петербургъ часы—подарокъ его мамаши. Они такъ великолѣпно ходили, что черезъ недѣлю послѣ того, какъ Митя и Лиза начали разыгрывать симфонію свободной любви, они взяли да и ушли къ знаменитому въ тѣ времена закладчику Карповичу. Вмѣсто нихъ „Мими“ принесъ домой цѣлыхъ двадцать рублей и наставленіе о пагубѣ столичной жизни. Кар-

повичъ въ добрыя минуты любилъ поучать молодежь бережливости и воздержанію, при чемъ говорилъ обыкновенно:

— Я не съ улицы, я самъ образованный офицеръ.

Точно для кассы ссудъ нуженъ былъ университетскій дипломъ!

— Я могу понимать и еще удивлю міръ... Я только и богатѣю до милліона. А тогда вы увидите. О Карповичѣ еще заговорятъ.

И онъ дѣлался необыкновенно таинственнымъ. Пламенная молодежь того времени даже вѣрила этой піявкѣ. „Вотъ посмотрите, Карповичъ еще покажетъ!“ И съ загадочнымъ видомъ заканчивали: „Безъ денегъ ничего сдѣлать нельзя. Будетъ у Карповича милліонъ... И...“

Что „и“ никто не продолжалъ, но мы и безъ этого сообразили: изъ лавчонки образованнаго офицера произойдетъ небывалый катаклизмъ. Тропикъ Рака перемѣстится, что ли, на полюсъ, а Козерогъ очутится на лунѣ... Евреевъ тогда еще не было — зато не одинъ изъ нихъ, съ которыми впослѣдствіи мнѣ пришлось познакомиться довольно обстоятельно, не доходилъ до виртуозности отечественнаго фрукта,—Карповичъ вѣдь былъ, кажется, москвичъ.

— Вы знаете... У меня сердце бьется.

— А что?

— Страшно.

Я не противорѣчилъ. Вѣдь Митенька шелъ за своими прапорщичьими эполетами. Какъ мы тогда были непохожи на самоувѣренныхъ новичковъ сегодняшняго подроста! О нынѣшней „naglesse vopiante“ не было и рѣчи. Мы, бывало, у редакторскаго звонка настоимся; а войдемъ — краснѣемъ, блѣднѣемъ и ждемъ отвѣта

какъ приговора: жить намъ или погибать постыдно. Теперь на васъ набѣгаетъ „малый не промахъ" и чортъ ему не братъ, и первый у него вопросъ: „Сколько мнѣ заплатятъ? Я дешево не возьму, я себѣ цѣну знаю!" А мы тогда точно вѣрующій къ причастію приступали къ секретарю, хранившему у себя возвращенныя рукописи... „Принята или нѣтъ?" Талантъ я или ничто? Пресмыкаться ли мнѣ въ неизвѣстности или вознестись превыше звѣздъ, до трехъ копеекъ за строку! Я ужъ не говорю о крупныхъ редакціяхъ — для насъ и малая была чѣмъ-то особеннымъ, святынею, куда надлежало войти смиренно, съ трепетнымъ сердцемъ. Когда я позвонилъ, Митенька схватилъ меня за руку, и его рука была холодна, точно ледъ.

— Слушайте, я лучше уйду.

Но дверь отворилась, и, несмотря на рѣшеніе бѣжать, Караваевъ остался пригвожденнымъ на мѣстѣ.

— Принимаютъ? — у меня голосъ сорвался, а Митенька совсѣмъ ни живъ ни мертвъ. Вотъ-вотъ хлопнется о землю хладнымъ трупомъ.

— Пожалуйте.

— Волгинъ здѣсь?

— Только что ушли.

— Ну, какъ Матвѣй Матвѣевичъ?.. Веселый?

— Сегодня они добры...

Мы ожили.

— Волгину авансъ дали! — конфиденціально сообщилъ лакей, хорошо знавшій наши семейныя дѣла.

— Много?

— Пятьдесятъ.

— Ого!

— Они въ такихъ духахъ, что если бы Александръ Николаевичъ сто попросилъ—въ тую же минуту!

Матвѣй Матвѣевичъ [1]), самъ въ то время знаменитый (какъ намъ казалось) обличительный поэтъ, громившій откупщиковъ, казнокрадовъ и прочую неожиданно обмелѣвшую братію, встрѣтилъ насъ еще издали...

— Ага. Вотъ онъ, голубчикъ... Подите-ка, подите сюда... Ну-ка, къ отвѣту. Гдѣ шлялись? что дѣлали?

— Ей Богу, стихи писалъ.

— Отчего же мнѣ ихъ не принесли?

— Я принесъ...

— Ну, то-то. А это кто съ вами?

— Молодой поэтъ. Отлично пишетъ.

Матвѣй Матвѣевичъ насупился. Онъ считалъ себя высшимъ судьей поэзіи.

— Какъ васъ?—подалъ онъ ему руку.

— Ми... Ми... Ка... Ка... ра...

— Димитрій Николаевичъ Караваевъ,— отвѣтилъ я за него.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Сем... восем...

— Семнадцать!—опять пояснилъ я.

— Видите — въ какое время мы живемъ. Меня въ шестнадцать лѣтъ еще въ корпусѣ пороли. А вы, вонъ, писательствуете. Впрочемъ, не смущайтесь. „Въ наше время, когда Россія двинулась впередъ неудержимо — всякая рука на счету“... Ну же, давайте, давайте... Или лучше читайте сами.

— Матвѣй Матвѣевичъ!

— Что?

— Прочтите лучше вы.

— Почему?

---

1) Имя измѣнено.

— Да развѣ не видите, у него „языкъ прильпе къ гортани“.

— Признакъ таланта, юноша; первый признакъ таланта!.. Вотъ я наудачу.

И, отбивая точно на барабанѣ рифмы, Матвѣй Матвѣевичъ зачиталъ. Мы боялись дышать и не отводили глаза отъ хозяина, который, какъ трехбунчужный паша, сидѣлъ на громадномъ диванѣ, поджавъ подъ себя ноги. На немъ была красная канаусовая рубаха, въ открытый воротъ которой виднѣлась высокая волосатая грудь. Широкія бархатныя шаровары и туфли на босу ногу дополняли его костюмъ.

— Отлично, ей Богу отлично!

Митенькѣ кровь бросилась въ голову.

— Я... я...—и онъ запнулся опять.

Глаза у юноши чуть не выкатились.

— Чего лучше... Вы слушайте:

Какая ночь была! Мечтательно и нѣжно
Луна свѣтила намъ въ открытое окно,
И тополь бѣлая стояла безмятежно...
Какая ночь была... Та ночь была давно!..

— Какъ давно... Вамъ всего семнадцать...

— Э... это изъ... фантазіи.

— Ахъ, изъ фантазіи... Ну, это дѣло другое. Поэта стѣснять нельзя. . . . .

Давно!.. Былъ полонъ садъ волшебными тѣнями,
И шорохъ слышался... Въ лазури гасла даль.
А за черемухой блаженствомъ и слезами
Звучала чья-то пѣснь и... плакала рояль!

— Зачѣмъ три точки?..

— Для выразительности...

— Гмъ! фантазія и выразительность. Прекрасно!

Какая ночь была! Волнуясь и рыдая,
Ловили звуки мы до утренней зари,
Свободѣ и любви слагали, замирая
И мыслью и мечтой, святые алтари.

— Это хорошо, что вы о свободѣ. Въ наше время когда... ну, сами понимаете, поэтъ долженъ быть гражданиномъ. А такихъ у насъ только два. Я... и, пожалуй, еще Некрасовъ!—снисходительно прибавилъ онъ.

Какая ночь была! Какъ страстно сердце рвалось
Впередъ! Въ безбрежный блескъ грядущаго—вдали...

— Развѣ грядущее можетъ быть позади? Но, впрочемъ, ничего...

Гдѣ только счастье намъ, безумцамъ, улыбалось,
Гдѣ только призраки любимые росли.
Какая ночь была! Какъ марево лаская,
Сквозь сумракъ свѣтитъ мнѣ таинственно она...
И снова до зари мучительно рыдая,
Стою я и теперь, какъ прежде, у окна.

— Отлично. Въ Петербургѣ только не совѣтую. Съ непривычки насморкъ схватите!

И все мнѣ помнится! Безумецъ изступленный!
Тревожно я зову друзей моихъ былыхъ,
И что-то чудится и слышенъ отдаленный
Какой-то тихій звукъ—то отзывъ милый ихъ.
Въ могилахъ спятъ они! Я плачу, изнывая...

— Что же это Иродъ ихъ, что ли?.. Судя по вашимъ годамъ — „былые годы"... эти израильскіе младенцы выходятъ!..

И тѣсно такъ душѣ... И хочется любить!
Какая ночь была! О, если бъ умирая,
Еще такую ночь до утра пережить.

— Ну, Караваевъ,—такъ вѣдь? Благословляю васъ. Вы — настоящій поэтъ!

Митенька опять поперхнулся.

— Великолѣпно, понимаете. Четвертакъ за строчку. Я вамъ предсказываю, вы будете гремѣть, когда никого изъ насъ уже не станетъ.

Вторая часть пророчества исполнилась. Матвѣя Матвѣевича давно нѣтъ на свѣтѣ, а Караваевъ такъ и не прогремѣлъ!

Юность, юность! Гдѣ наши надежды?.. Гдѣ твои очарованія? Какъ многихъ обманула ты!.. Скрипятъ перьями старые чиновники или сидятъ себѣ и грѣются у печекъ, благословляя уставъ о пенсіонахъ за безпорочную службу, и сами они забыли, какъ когда-то мѣтили мало-мало въ Байроны!

— Вотъ что юноша. Вы, вѣрно, гладны и хладны?

— То-есть?

— Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего?

— Онъ еще къ тому же и женился.

— Что?

— Я, дѣйствительно... у меня... Лиза...

— А у васъ батюшка есть?

— Есть...

— И у него чубукъ?

— Зачѣмъ?

— Слѣдовало бы васъ обработать... Съ чего вы это выдумали?

Митенька опустилъ голову.

— Это,—вступился я,—не онъ, а она выдумала!

— Такъ, такъ. Ну вотъ что, я вамъ пока за двѣсти строчекъ—пятьдесятъ рублей.

Митенька былъ совсѣмъ раздавленъ благодѣяніемъ.

— И въ субботу помѣщу два-три изъ вашихъ стиховъ.

— Я пишу через „о“, — вдругъ обрѣлъ онъ даръ слова.

— Что?

— Не Караваевъ, а Кораваевъ. А то у насъ въ гимназіи есть Караваевъ, онъ тоже стихи...

— Хорошо, хорошо. Ну, а вы? —обратился ко мнѣ трехбунчужный паша.

— Я нѣсколько лирическихъ...

— Наплевать мнѣ на лирическія... Теперь всѣ пишутъ—такія. А обличительныя есть?

— Есть... поэма.

— Какъ называется?

— Передовой (біографія одного изъ многихъ).

— Ну-ка.

Я нарочно привожу это стихотвореніе, такъ и не появившееся тогда по независящимъ отъ молодого автора и стараго редактора обстоятельствамъ. Только впослѣдствіи отрывки изъ него напечаталъ какой-то журналъ. Оно бы такъ и осталось въ старомъ моемъ портфелѣ—да ужъ очень мнѣ показалось характернымъ. Въ немъ выразились все-таки вкусъ и вѣянія шестидесятыхъ годовъ.

— Ну-ка!—И онъ еще глубже усѣлся въ диванъ.— Только читайте медленно... А то вы точно брантмейстеръ на пожаръ.

I.

Врагъ обыденнаго труда,
Вертясь по свѣту мелкимъ бѣсомъ,
Онъ сочетать умѣлъ всегда
Прогрессъ съ житейскимъ интересомъ!
Не унывалъ отъ неудачъ,
И, мѣднымъ лбомъ пробивъ дорогу,

Кой-гдѣ ползкомъ, порою вскачь
Онъ въ люди вышелъ понемногу.
Любостяжаньемъ одержимъ,
Онъ осторожно брелъ за вѣкомъ,
Умѣвъ прослыть передовымъ
И безкорыстнымъ человѣкомъ!..
Тому назадъ—семнадцать лѣтъ
Считаясь юношей приличнымъ,
Очаровалъ чиновный свѣтъ
Онъ поведеніемъ отличнымъ,
Совсѣмъ не дѣлая долговъ.

— Неужели и авансовъ не бралъ изъ редакціи?— съязвилъ меня Матвѣй Матвѣевичъ.

И даже въ карты не играя,
На счетъ богатыхъ простаковъ
Безпечно жилъ онъ, припѣвая.
Старушекъ важныхъ идеалъ,
Всегда прилизанный и гладкій,
Онъ имъ апостоловъ читалъ,
Кутя съ дѣвчонками украдкой.
Настало время непогодъ,
И, потрясенъ грозой военной,
Шелъ умирать родной народъ
Съ своей отвагой неизмѣнной.
И нашъ герой былъ увлеченъ:
Отважно снявъ мундиръ гражданскій,
Защитникомъ отчизны онъ
Пошелъ... по части провіантской!
Презрѣвъ военной славы громъ,
Но ближе къ цѣли, подъ рукою
Онъ бралъ въ дыму пороховомъ
Мѣшки съ казенною мукою...
Война окончилась; домой
Онъ воротился, сердцемъ кротокъ,
Плѣнять подвязанной рукой
Не въ мѣру глупыхъ патріотокъ.
Порой отъ счастья одурѣвъ,
И одержимъ геройскимъ духомъ,

Онъ увлекалъ невинныхъ дѣвъ
И очень нравился старухамъ...
Хоть иногда съ немалымъ рискомъ
Онъ занимать умѣлъ собой
На всѣхъ обѣдахъ по подпискамъ.
Какъ много жертвъ онъ приносилъ!
Какъ смѣло въ битвы онъ кидался!
Онъ вралъ и щедро слезы лилъ!
Онъ вралъ и духомъ умилялся!
Не дологъ былъ его покой.
Прошла молва о кражахъ крупныхъ,
Склонилось гордой головой
Не мало Зевсовъ недоступныхъ.
Врасплохъ засталъ нежданный часъ—
Ихъ злая кара ожидала,
Мундиръ, сіяющій не разъ,
Шинель солдатская смѣняла.
Но гдѣ теряется Зевесъ,
Тамъ мелкій плутъ всегда смѣлѣе,—
Онъ къ благодѣтелямъ полѣзъ
Искать мѣстечка потеплѣе.
И говорилъ, что нищій онъ,
Рыдалъ, канючилъ и молился,
Хотя безъ мала милліонъ
У неимущаго хранился.
И наконецъ—желанный день!
Пока опасность удалится
На мѣсто злачное—подъ тѣнь,
Успѣлъ онъ въ глушь переселиться.

II.

Вѣкъ незабвенный, золотой!
Настало время обличенья.
Въ печать проникнулъ становой,
Предметъ всемірнаго гоненья.
Россійской доблести столпы,
Гражданской чести идеалы
По захолустьямъ...
Плодиться стали ювеналы.

Впервые откупъ задрожалъ,
Воспѣлъ Громеса упоенный
Конфузъ—извѣстный генералъ
Явился въ Глуповъ изумленный.

Пріятель нашъ въ своей глуши.
Почуявъ въ воздухѣ движенье,
Сталъ на квартальныхъ отъ души
Метать перуны обличенья.
Плѣнилъ начальство рѣзкій слогъ,
Герой не даромъ потрудился,
И безъ особенныхъ тревогъ
Въ столицѣ снова поселился.
По клубамъ рѣчи говоря,
Въ слезахъ, раскрывъ свои объятья,
Ревѣлъ, какъ быкъ: „Взошла заря!
Уходитъ тьма! Восплачемъ, братья!“
Но, увлекаясь, своему
Остался вѣренъ онъ девизу.
Встрѣчая свѣтъ, гоняя тьму,
Служить онъ началъ по акцизу.

О русской женщинѣ вопросъ,
Пока печать его терзала,
Онъ прямо въ дѣло перенесъ
И въ немъ дошелъ до идеала.
Плѣнялъ когда-то свѣтскій левъ
Дѣвицъ изящно сшитымъ фракомъ,
А нашъ пріятель тѣхъ же дѣвъ
Сталъ соблазнять гражданскимъ бракомъ.

Немного крайній поворотъ
Не удивилъ героя духомъ,
Съ либерализмомъ кончивъ счетъ,
Вернулся снова онъ къ старухамъ.
Прогнавъ своихъ гражданскихъ женъ
На вольный воздухъ (было лѣтомъ),
Въ былыхъ друзей бросая грязь,
Мечталъ не разъ о жизни тихой
И, наконецъ, остепенясь,
Вступилъ въ законный бракъ съ купчихой.
Врагъ обыденнаго труда,

Вертясь по свѣту мелкимъ бѣсомъ,
Онъ сочетать умѣлъ всегда
Прогрессъ съ житейскимъ интересомъ.
Любостяжаніемъ томимъ
Онъ осторожно брелъ за вѣкомъ,
Прославъ вездѣ передовымъ
И—безкорыстнымъ человѣкомъ.

— Вотъ это такъ... Вотъ это такъ! Это по-нашему,—потиралъ себѣ руки „паша".

Мы ушли изъ редакціи—по меньшей мѣрѣ Штиглицами.

У Митеньки было пятьдесятъ, у меня тоже.

Подъ юношей земля горѣла.

— Послушайте... Неужели это правда? А?.. Въ субботу выйдетъ номеръ „Занозы" съ моими стихами.

— Ужъ если Матвѣй Матвѣевичъ сказалъ—значитъ вѣрно.

— Господи, да я... Знаете, пойдемъ ко мнѣ. Обрадуемъ Лизу.

— Пойдемъ. „Впередъ, безъ страха и сомнѣнья—на подвигъ доблестный, друзья".

— Купимъ конфетъ и закусокъ.

— Великолѣпно, только это я.

— Почему?

— Вы человѣкъ женатый, вамъ нужны деньги, а я—вольная птица. Мнѣ наплевать на нихъ.

— Ахъ, какъ все это хорошо, какъ хорошо!

Мы даже купили церковнаго сладкаго вина. Размѣняли наши милліоны на рублевки, чтобы казалось больше.

— Кутить, такъ кутить! Возьмемъ пирожнаго, по три копейки за штуку.

— Валяй...

Нагруженные, какъ ослы, тюричками, свертками, коробками, фунтиками, мы такими Крезами Лидійскими явились передъ Лизой, что она глаза разинула и въ уголъ забилась, глядя, какъ мы развертываемъ великолѣпныя снѣди и раскладываемъ ихъ на столѣ передъ ней. Потомъ Митѣ пришла въ голову дикая мысль. Онъ взялъ да и раскидалъ по комнатѣ рублевки. Я не медля послѣдовалъ его примѣру. Зрѣлище было столь величественно, что мы опустились на стулья и благоговѣйно, ужъ не двигаясь, задерживая дыханіе, оглядывали всѣ распростертыя передъ нами и подъ нами сокровища. Восторгъ и изумленіе такъ и лучились, такъ и струились изъ глазъ Караваева,—черезъ „а". Я (все-таки старожилъ и „уже" писатель) снисходительно улыбался.

Первая Лиза обрѣла даръ слова.

— Откуда это, Митенька?

— Цссъ!—погрозился я.

Лиза поблѣднѣла.

— Что это значитъ?—шопотомъ спросила она.

— Мы сейчасъ купца зарѣзали.

— Что?—и Лиза сдѣлалась блѣднѣе стѣны.

— Да и англійскій банкъ ограбили...

— За нами гнались...

— Констебли и сбиры... Но мы вскочили на океанскій пароходъ въ самую послѣднюю минуту и отчалили, а полиція вмѣстѣ съ колесницами фараоновъ утонула въ Чермномъ или Красномъ морѣ. Нашъ воздушный шаръ при этомъ...

И вдругъ оба, схвативъ остолбенѣвшую Лизу, закружились съ нею вокругъ стола, по рублевкамъ, презрительно откидывая ихъ ногами, точно это булыжники или соръ.

— Сумасшедшіе, погодите... Ахъ ты, Господи! Василій Ивановичъ, оставьте меня, если вы честный человѣкъ...

— Лиза, голубушка, ты понимаешь... это все за стихи!

— Которые строчками?

— Вотъ именно.

— Да тутъ вѣдь денегъ до пропасти.

— И еще больше будетъ. Подавимся рублевками. Я теперь съ утра до ночи буду писать, писать и писать.

На шумъ отворилась дверь, и въ нее просунулся утиный носъ.

— Батюшки!

И, увидѣвъ валявшіяся повсюду деньги, хозяйка мгновенно обратилась въ соляной столбъ. Мы и вокругъ нея немедленно устроили танецъ дикихъ. Запыхавшаяся Лиза прибирала бумажки, лазила за ними подъ кровать, подъ столъ и, собравъ цѣлую груду, начала считать.

— Господи, да тутъ девяносто два рубля. Я вѣдь тоже иголкой строчки, да гдѣ мнѣ настолько!

И, точно святыню, она понесла ихъ на подоконникъ.

— Вотъ видите, сколько за стихи платятъ!—оралъ Митенька прямо въ растерянное и ополоумѣвшее лицо хозяйки.— А вы меня принять не хотѣли... Ахъ вы, „чернь непросвященна“!

— Вотъ что, Лиза, пойдемъ торговать домъ.

— Какой?

— На углу тутъ четырехъэтажный съ балконами продается.

— Молчи, глупый...—ласково улыбалась она.—Ахъ, Василій Ивановичъ, вы вѣдь не знаете, какой онъ еще дуракъ. Вѣдь я передъ нимъ старуха. Ничего-то онъ не понимаетъ. Ну, вотъ, настоящій младенецъ· Митенька-дурачокъ. Дурачокъ-Митенька!

Мы устроили настоящій пиръ Балтазара.

Выпили втроемъ цѣлую бутылку церковнаго краснаго вина „Бени-Карль" и, какъ щеглы, наклевавшіеся земляники, опьянѣли. Митенька, стоя на колѣняхъ передъ Лизой, декламировалъ ей какую-то невѣроятную чепуху; я объяснялся въ любви утиному носу, и утиный носъ, сначала обижавшійся и называвшій меня охальникомъ, потомъ вдругъ сталъ принимать это въ серьезъ и озабоченно предупреждалъ:

— Вѣдь я въ маменьки вамъ гожусь.

— О, Дульцинея!

— Послѣ покойнаго мужа я себя страсть какъ соблюдала. Рѣшила, чтобъ безъ низости. Если по закону—завсегда согласна, а такъ—ноль вниманія...

Ей подносили стаканчикъ.

Она смѣшивала слезы съ виномъ, глотала то и другое, и, вдругъ впадая въ mania grandiosa, уже наклоняясь къ самому моему уху, съ священнымъ ужасомъ повѣствовала:

— При покойномъ-то мужѣ они, чиновники, страсть сколько въ управѣ благочинія подарковъ получали. Я даже каждый день,—чтобы вы думали?—салфеточную икру ѣла и донскимъ запивала. Вотъ какъ мы жили! Потому что онъ, мой мужъ, хоть кого могъ погубить. Напишетъ на бумагѣ—и пропалъ человѣкъ. Отъ него откупались и мнѣ всякое уваженіе—сахаръ-то головами. Этой низости, чтобы муку фунтами—я не знала. Пудами и все даромъ. Я, бывало,

въ магазинахъ беру, а купцы за честь считаютъ и ну стоятъ — кланяются. „Мадамъ, берите больше. Намъ для васъ ничего не жалко, потому что мы вашего супруга вотъ какъ почитаемъ“...

IX.

Я думаю, трудно быть счастливѣе, чѣмъ мы были въ тотъ вечеръ. Лиза надѣла свою „лучшую“ (немудрено: она была единственная) шляпку, Митенька — сюртукъ съ таліей на затылкѣ и фуражку, выдававшую ея стародубское или новозыбковское происхожденіе. На мнѣ была крылатка, дѣлавшая меня похожимъ на летучую мышь. Мы взяли извозчика — Лиза у насъ на колѣняхъ и все время хохотала. Противъ Лѣтняго сада сѣли на пароходъ. Противъ насъ помѣстился какой-то старикъ, все время не сводившій глазъ съ нашей пріятельницы. Сначала это Лизу смѣшило, потомъ она стала краснѣть и, наконецъ, рѣшительно проговорила:

— Я ему сейчасъ языкъ покажу!

— Погодите, вотъ я его приведу къ одному знаменателю.

Лиза сегодня была очень хорошенькая, и мнѣ хотѣлось совершить что-нибудь геройское и непремѣнно на ея глазахъ.

— Оставьте, еще скандалъ выйдетъ.

— Ничего! Ихъ надо учить!

Я фертомъ подошелъ къ дряхлому сатиру, какъ я мысленно называлъ его.

— Чего вы смотрите?

— Куда, молодой человѣкъ?

— На нашу даму. Это неприлично...

Старикъ добродушно усмѣхнулся. Вынулъ изъ портсигара папиросу, закурилъ.

— Эхъ, юноша, юноша! Мнѣ въ шестьдесятъ пять лѣтъ только и осталось, что смотрѣть, а вы и это хотите отнять у меня.

Я растерялся, и вдругъ позади послышался ласковый голосъ Лизы:

— Василій Ивановичъ! Пусть они смотрятъ. Меня не убудетъ отъ этого.

— Видите, какая она добрая! Женщина всегда больше пойметъ!

Старикъ пересѣлъ къ намъ. Справился, сколько лѣтъ Митенькѣ и мнѣ. Вздохнулъ.

— Вѣдь и я когда-то былъ такимъ же.

— Ну, что! Вы еще и теперь молодецъ,— утѣшала его Лиза.—Вы еще жениться можете. Хотите я вамъ найду невѣсту?

— Нѣтъ. Богъ съ ней. Я ей посовѣтую размѣнять меня на четырехъ такихъ, какъ они,—кивнулъ онъ на насъ.—Года выйдутъ тѣ же, а удовольствія гораздо больше.

— Вотъ миленькій старичокъ! — восклицала Лиза. Сегодня, впрочемъ, она все бы нашла миленькимъ.

— Вы чѣмъ же занимаетесь? — обратился онъ къ Митенькѣ.

— Мы...—и онъ заикнулся. „Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же мы занимаемся?“

— Что-нибудь дѣлаете?

— Мы, видите ли, поэты!

— Что? Экое званіе себѣ придумали! Въ молодости всѣ стихи пишутъ.

— А мы ихъ и печатаемъ...

Старикъ снялъ шапку и низко поклонился.

Мы это приняли за чистую монету.

— Гдѣ же вы печатаетесь?

— Въ „Занозѣ“...

— Это что же такое?

— Юмористическій журналъ. А еще въ „Гудкѣ“, въ „Весельчакѣ“... въ „Сверчкѣ“.

— Имена же ихъ ты вѣси, Господи!.. Это что жъ, на стихи вы смотрите, какъ на профессію?

— Еще бы.

— А въ университетъ не думаете?

— Какъ же, къ осени. Вольными слушателями.

Старикъ очень нами заинтересовался. Очевидно, мы для него являлись любопытными звѣрками.

— Ну, а ваша спутница?..

— Моя жена,—гордо поправилъ его Митенька.

— Развѣ?.. Ваша супруга тоже стихи пишетъ?

— Съ чего еще!—расхохоталась Лиза.—Я работаю...

— Что именно?

— Догадайтесь!—А глаза у самой такъ и сверкаютъ: въ эти годы все вѣдь весело. А тутъ еще солнце свѣтитъ, тепло и въ карманѣ милліонъ.

— Покажите руки. Ну, такъ и есть... Бѣлошвейка.

— Почему вы знаете?

— У швеи также пальчики исколоты, только они темнѣе. Она имѣетъ дѣло съ цвѣтными матеріями. Ну, а вы, видать, съ полотномъ, шертингомъ и мадеполамомъ. Вѣдь правда?

— Ей Богу, какой вы умный!

— Прожилъ не мало. Было когда ума понабраться.

— А вы одиноки, у васъ дѣтей нѣтъ?

Лицо старика вдругъ точно потемнѣло. Онъ скользнулъ взглядомъ куда - то въ сторону. Помолчалъ-помолчалъ.

— Дочь была. Вашихъ лѣтъ. Давно!.. Умерла. Я вдовъ. Одинокъ. Теперь вамъ ничего, и если бы я началъ разсказывать, все равно, вы бы меня не поняли! Ну, а доживете до моихъ лѣтъ, да если останетесь одни, семьи не будетъ, тогда и безъ меня почувствуете, что значитъ одиночество на краю могилы. Холодное, тусклое. Сердце-то вѣдь не старѣетъ. Душѣ привязанности нужны —какое ей дѣло до метрическаго свидѣтельства! Иному — восемьдесятъ, а въ груди у него есть уголокъ, которому только двадцать! Опять говорю, для васъ это неизвѣстный языкъ. Юношѣ и одиночество ничего. Вы знаете, о чемъ мечтаетъ старикъ? Вы о будущемъ — передъ вами вѣдь безконечность и все солнцемъ залито. Такъ бы на весь міръ грудь распахнулъ. Ну, а старикъ весь въ прошломъ. Онъ вновь переживаетъ и поправляетъ свою юность, молодость. Передѣлываетъ ее во снѣ и наяву, когда ужъ поздно, поздно. Минуту за минутою. И только теперь понимаетъ, что по-настоящему пользоваться жизнью не умѣлъ. И любилъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Эхъ, вернуть бы! Я вамъ такъ скажу: старый король непремѣнно завидуетъ молодому солдату... Да... А въ ушахъ: со святыми упокой!.. Хорошо, если бы одинъ и тотъ же человѣкъ два раза жилъ. Разъ для ошибокъ, а другой для поправокъ...

Мы вышли вмѣстѣ на островахъ.

Въ городѣ деревья стояли еще безлистыя, а тутъ легкій, весь сквозной, нѣжный-нѣжный налетъ зелени. И по вѣтру тихо-тихо, ласково колышутся вѣтви и радостно смѣется первая трава внизу... Нога въ ней не шуршитъ, и шопотъ у этой травы мягкій, дѣтскій, застѣнчивый... Вдали было все ясно видно. Тамъ голубѣли спокойныя воды, по нимъ двигались во всѣ

стороны ялики съ гребцами въ красныхъ рубахахъ. Чистый, весенній, переполненный творческимъ дыханіемъ еще не высохшей земли воздухъ, опьянялъ. Мы даже забыли, что у насъ милліонъ въ карманѣ, и дѣлали тысячи глупостей. Лиза задирала прохожихъ, и тѣ смѣялись, только какая-то кислая дама съ ридикюлемъ обозвала насъ почему-то жуликами.

— Лиза, это мы-то... А?

Старикъ захохоталъ.

— Мадамъ! Я — Ротшильдъ, а мой пріятель—Штиглицъ. И въ карманахъ у насъ англійскій банкъ!—расшаркивался Митенька.

— А сколько у васъ въ самомъ дѣлѣ?—заинтересовался нашъ новый пріятель.

— Я вамъ говорю—милліонъ.

— Напримѣръ?

— Больше девяноста рублей. Мы сегодня гонораръ получили.

— А много вамъ платятъ?

— Четвертакъ строчка!

Мы ожидали, что старикъ ахнетъ или воздѣнетъ руки къ небу, или остановится, „какъ вкопанный“, или шляпу сброситъ—короче, чѣмъ-нибудь да выразитъ изумленіе передъ такимъ величіемъ, но онъ даже и ухомъ не повелъ...

Передъ закатомъ все точно обдавало огнемъ. Горѣли края тучекъ, въ промежуткахъ между ними сквозила такая теплая и таинственная глубина—туда тянуло и казалось, что подъ тѣмъ именно небомъ и есть настоящій край сказки. Самая синь тамъ пожелтѣла. Такую именно любили старые итальянскіе художники. Въ ней всего легче было показываться ангеламъ. А ужъ для мадоннъ лучшаго фона и не придумать. Въ аллеяхъ

все больше вытягивались и густѣли тѣни. Тамъ стояла совсѣмъ мистическая тишина, только на такихъ щегловъ, какъ мы, мало она дѣйствовала. Казалось, и земля, и вода, и деревья молились и ждали чего-то громаднаго, чудеснаго, прекраснаго, и это прекрасное вдругъ появилось изъ-за насквозь горѣвшей тучки. Золотымъ щитомъ невидимаго молодого бога почудилось солнце, и съ нимъ отвѣтнымъ пламенемъ восторга загорѣлись тихія воды, словно затлѣла дѣтская зелень деревьевъ, и красные сучья облились румянцемъ... Щитъ все ниже и ниже. Передъ бѣлою загадочною сѣроглазою ночью поблѣднѣло все, и первыя погасли воды. Ихъ глубина вдругъ стала хладной, тусклой, стальной.

— Ахъ, какая прелесть!—восхищалась Лиза.

— Сами вы, дѣточка, настоящая прелесть, вотъ что я вамъ скажу. Женщина—лучшее твореніе Божіе. Выше Онъ не подымался. Вѣдь вы посмотрите,—обратился ко мнѣ нашъ старикъ.—Сама она говоритъ, что никакого образованія не получила, а вѣдь она тоньше, изящнѣе, если хотите, аристократичнѣе всѣхъ насъ. Отними женщину, знаете во что обратится вся природа?

— Не знаю.

— Я вамъ скажу. Что будетъ, когда солнце зайдетъ и день отгоритъ?

— Ночь!

— Ну, вотъ и съ жизнью—станутъ такія же потемки. Только въ природѣ еще есть для ночи луна и звѣзды. Ну, а безъ женщины жизнь была бы гадкой, дождливой, холодной ночью. Гдѣ-то тучи и ихъ не видно. Чудятся кошмары. Все бы одичало, все. Міръ бы сдѣлался ужасенъ. Люди бы грызли другъ друга и

умирали сами отъ злости, тоски, бѣшенства и отчаянія... Благословенъ Богъ, создавшій васъ, Лиза... И васъ и вамъ подобныхъ. Живите и радуйтесь, дѣти, потому что ваша радость—наше солнце. Она освѣщаетъ наши потемки...

X.

Первая напечатанная строка!

Нѣтъ, это, дѣйствительно, гораздо больше, чѣмъ первыя эполеты. Эполетъ ждутъ, знаютъ навѣрное, что вотъ сдамъ-де послѣдній экзаменъ, состоится Высочайшій указъ и явится портной снимать мѣрку для офицерскаго мундира. Даже раньше, до приказа, сошьетъ. Все равно—и полкъ и форма извѣстны! Дебютъ въ литературѣ другое дѣло. Тутъ всегда сомнѣніе: напечатаютъ ли, гожусь ли я куда-нибудь, а можетъ-быть, все мое торжество только въ томъ и будетъ, что я прочту въ почтовомъ ящикѣ свой иниціалъ съ какой-нибудь неуклюжей шуткой редакціоннаго секретаря: „Совѣтую-де вамъ скорѣе выучиться шить сапоги и строчить подошвы, а не стихи“.

Въ субботу утромъ Димитрій Николаевичъ чуть свѣтъ уже былъ на улицѣ. Редакція, разумѣется, еще заперта. Въ контору, гдѣ шла разборка доставленныхъ изъ типографіи номеровъ „Занозы“, не пускали. Караваевъ десять разъ выходилъ на лѣстницу и сбѣгалъ назадъ. А что если отложили? Или Матвѣй Матвѣевичъ раздумалъ. Прочелъ-де про себя и рѣшилъ: не стоитъ, развѣ это стихи! Взялъ да и швырнулъ секретарю: „верните!“ Положимъ, онъ заплатилъ деньги, а все-таки... Контора была во дворѣ, и Караваевъ всматривался въ темныя окна. Точно они ему могли выдать

роковую тайну—напечатанъ онъ или нѣтъ? Дворникъ нѣсколько разъ посматривалъ на него. Чего-де этотъ здѣсь?.. А потомъ рѣшительно подошелъ къ юношѣ.

— Вамъ кого надо?

— А вотъ журнала жду.

— Журнала... Ну, тогда ждите!—благосклонно согласился онъ.

Потоптался и прочь пошелъ. Вышла какая-то горничная съ двумя мопсами. Мопсы сейчасъ же забѣгали, нюхая землю, и хрипло залаяли на Митеньку. Взъерошенный, чумазый котенокъ вскочилъ отъ нихъ на подоконникъ и ругался оттуда во-всю. Какая-то кухарка пробѣжала съ корзиной. Мопсы смѣнились болонкой... Послѣ болонки вылетѣлъ, точно стрѣла, отличный сетеръ... Ткнулся въ Митеньку и, подскочивъ въ знакъ чувствъ, лизнулъ его въ подбородокъ. Митенька еще разъ поднялся, прислушался у дверей... Тамъ голоса. Счастливые! Они уже видятъ „Занозу"!.. Ахъ, скорѣе бы и ему!.. Правда, можно было бы сбѣгать въ типографію. Типографія всегда открыта, но гдѣ она? Караваевъ не зналъ этого.

Солнце было уже высоко и обливало глубокій и тѣсный, какъ колодецъ, дворъ своими благодатными лучами. Только одна сторона была въ тѣни...

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ изъ конторы, пожалуй, смотрятъ на него и смѣются. И вправду странно. Чего онъ не хуже сетера этого бѣгаетъ по двору чужого дома? И вдругъ, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ этого, на черной лѣстницѣ показался мальчикъ съ свѣжими номерами журнала. У Димитрія Николаевича все въ глазахъ закружилось. Онъ уже потомъ не помнилъ, какъ вскочилъ въ контору и, задыхаясь, будто отъ

этого зависѣла чья-нибудь драгоцѣнная жизнь, пробормоталъ:

— Позвольте мнѣ...

— Номеръ? Одинъ?

— Нѣтъ... пять... Дайте пять. Пожалуйста, дайте пять.

Ему дали пачку еще сырыхъ тетрадокъ, отъ которыхъ пахло краской... Какая-то нелѣпая карикатура, пухлая морда на тонкихъ маленькихъ ножкахъ дразнила его съ первой страницы. Онъ, не обращая вниманія на конторщиковъ, нервно, лихорадочно рветъ тетрадку, и вдругъ въ глазахъ у него запрыгало. Вотъ... вотъ... вотъ... Именно его. Кончикъ стиховъ, начало на другой страницѣ.

И подпись... Его подпись. Жирно набрано, всѣ видятъ. Димитрій Караваевъ черезъ „а". Никакихъ сомнѣній, что это онъ, онъ.

— Вотъ что: давайте еще пять.

Ему вручили новую пачку.

По лѣстницѣ онъ не бѣжалъ, а летѣлъ, отхватывая по пяти ступенекъ однимъ прыжкомъ. Какъ головы не сломалъ себѣ — удивительно. Совсѣмъ пьянъ былъ отъ восторга. Наскочилъ на того же дворника, чуть не сбилъ его съ ногъ.

— Чего на людей-то! Чортъ тебя несетъ!

— Мои стихи напечатаны, — совсѣмъ ужъ громко крикнулъ ему прямо въ лицо, и пока тотъ еще соображалъ, что это за метеоръ такой, Митенька былъ уже далеко.

Онъ бѣжалъ по улицѣ, самъ не зная куда и зачѣмъ.

Потомъ вдругъ остановился, точно передъ нимъ сразу оборвалась дорога.

— Чортъ знаетъ что. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь... А вдругъ стихи сократили?

Вѣдь онъ еще и не видалъ ихъ во всей ихъ неприкосновенности.

Развернулъ. Читаетъ. Все, все... Редакторъ ничего не перемѣнилъ... И опять эти буквы жирнымъ шрифтомъ: Димитрій Караваевъ черезъ „а". Ахъ, какъ хорошо. И вѣдь что странно—въ мірѣ все попрежнему. Его стихи напечатаны, его, такъ сказать, повѣнчали въ поэты, а солнце взошло во-время, дома не колеблются на своихъ основаніяхъ, и глупѣйшія уличныя тумбы торчатъ тамъ же, гдѣ онѣ торчали вчера. Будочники (тогда еще городовыхъ не было) стоятъ, какъ будто ничего не случилось, да и на лицахъ у проходящихъ никакого умиленія. Такое событіе и всѣ равнодушны, никому никакого дѣла. „Мои стихи напечатаны!— хочется ему крикнуть на весь міръ.—Слышите ли вы, равнодушные и глупые люди! Сейчасъ новый поэтъ родился. Димитрій Караваевъ, черезъ „а"!.."

И никому никакого дѣла.

Домой бы, обрадовать Лизу. Но она поздно легла. Вчера долго работала. Да и притомъ ему надо воздуха, простора, толпы, чужихъ лицъ, множества лицъ... Онъ самъ не замѣчалъ, что-то и дѣло толкалъ встрѣчавшихся ему. Тѣ и не злились, ужъ слишкомъ много было счастья на его молодомъ лицѣ... У пассажа—кафе съ громадною надписью „стаканъ чаю—три копейки", открыто... У него вдругъ появилось желаніе узнать, освѣдомлены ли тамъ. Онъ вскочилъ въ подземелье. У столиковъ уже сидѣли раннія птицы столичнаго дня.

— Кофе! Да... вотъ что, принесите мнѣ новый номеръ „Занозы".

— „Занозу" у насъ не выписываютъ.

— Какъ не выписываютъ?

— Такъ что „Искра“ есть, а „Занозы“ нѣтъ.

— Какъ же можно не получать „Занозы“! „Занозу“ всѣ получаютъ. Тамъ лучшіе русскіе писатели, поэты. Вотъ сегодня Димитрій Караваевъ, напримѣръ, стихи.

— Мы въ эфтимъ непричинны, а кофе сейчасъ. Съ печеньемъ прикажете?

И это называется слава: въ кофейной пассажа „Занозу“ не получаютъ.

— Да вѣдь „Заноза“ при васъ! — изумился лакей увидя цѣлую тетрадку свѣжихъ номеровъ.

— Это мои.

Онъ съ удивительною нѣжностью разглаживалъ смятые номера, и ему казалось, что отъ этой бумаги его всего охватываетъ какимъ-то особеннымъ ощущеніемъ. Вотъ они, эти стихи. Длинные. И какъ напечатаны красиво! Строчки короткія. Право, вышло какъ-то стройно. Тонкою колонкой. Онъ подсѣлъ къ свободному столу, около швырнулъ этотъ номеръ. Своими стихами на вскрышку. Подошелъ туда какой-то чинодралъ. Взялъ „Занозу“. Митенька готовъ былъ обнять его въ эту минуту... Чинодралъ потребовалъ себѣ кофе и сталъ перелистывать...

— Ахъ, негодяй, смотритъ карикатуры. Идіотъ! Смѣется. А стихи миновалъ, точно переступилъ черезъ нихъ, даже разсѣяннымъ взглядомъ не остановился на Димитріи Караваевѣ. Вѣрно, не замѣтилъ...

Митенька весь покраснѣлъ даже.

— Вамъ „Заноза“ нравится?—вдругъ осмѣлѣлъ онъ.

— „Заноза“?.. А это „Заноза“?.. Да ничего. Журнальчикъ съ перцемъ.

— Тамъ хорошіе стихи печатаются.

— Стихи? Я, знаете, стиховъ пе читаю... Глупое дѣло. Вотъ разсказцы изъ жизни люблю... Особенно обличительные. А стихи что. Еще ода „Богъ“ или „Полтавскій бой“ я понимаю, а нынѣшніе „трень-брень“—только мѣсто занимаютъ. Это для пустыхъ людей...

Заплатилъ пятакъ и пошелъ на службу.

Митенька было увялъ. Но сейчасъ же подошелъ какой-то писарь и весь углубился въ „Занозу“. Только и успѣлъ проговорить „стаканъ чаю съ молокомъ“. Митенька уже заранѣе полюбилъ этого человѣка. Еще бы! Прочелъ его стихи и опять ихъ читаетъ.

— И какое у него благородное лицо...

Но судьба берегла Караваеву еще одну розу.

— Эй, человѣкъ!—позвалъ писарь.

— Чего прикажете?

— Дай мнѣ карандашъ.

Димитрія Николаевича даже приподняло.

„Господи! Да вѣдь онъ мои стихи списываетъ. Такъ и есть... Право мои стихи. Вотъ чуткая, поэтическая душа. Жаль, что нельзя броситься и обнять его.

И опять не удержался отъ вопроса:

— Вамъ нравятся въ „Занозѣ“ эти стихи?

— Еще жъ бы. Очень чувствительно...

— Вы ихъ даже списываете?

— Для дѣвицъ. Къ намъ, къ военнымъ, то и дѣло дѣвицы пристаютъ: скажите да скажите стишокъ. А тутъ про смерть—очень хорошо! Другую такъ ушибешь этимъ!

— „Заноза“ вообще отличный журналъ.

— Это намъ все равно...

— Скажите, чье это стихотвореніе?

— Ковыряевъ какой-то! — даже и не взглянулъ писарь.

— Нѣтъ. Кажется, Димитрій Караваевъ... Черезъ „а“. Знаете есть Коровай! Черезъ „о“! А это черезъ „а“. Молодой, очень талантливый поэтъ. Объ немъ скоро заговорятъ всѣ. Я его первый разъ встрѣчаю въ печати.

— Намъ наплевать-съ. Ковыряевъ или Караваевъ. И талантъ его при емъ останется. Намъ стишокъ для дѣвицъ нуженъ. Для разстрѣлу при случаѣ. А черезъ „о“ или черезъ „а“—какъ угодно...

И долго еще сидѣлъ тутъ Димитрій Николаевичъ, наблюдая за тѣмъ, какъ читаются его стихи, до тѣхъ поръ, пока какой-то обстоятельный господинъ въ вицмундирѣ не выпилъ свой кофе и, внимательно взглянувъ на отвернувшагося лакея, не сложилъ „Занозу“ и съ благочестивою миною не всунулъ ее въ портфель... Потомъ, принявъ гордый видъ, вицмундиръ съ большимъ достоинствомъ вышелъ отсюда.

Я еще спалъ—наканунѣ до пяти утра писалъ. Какъ вдругъ что-то точно толкнуло меня.

Вскакиваю—у меня темно. Сквозь форточку въ кухню комната моя днемъ не могла особенно освѣщаться. Бывало, на дворѣ солнце, а у меня ночь ночью.

— Кто тамъ? — силюсь разсмотрѣть.

Кто-то чиркаетъ спичкой. Противный запахъ сѣры наполняетъ мой уголокъ. При внезапно вспыхнувшемъ желтомъ огонькѣ первое, что я вижу,—разбѣгающихся во всѣ стороны таракановъ, потомъ — улыбающееся, умиленное, восторженно-глупое лицо Митеньки. Онъ протягиваетъ мнѣ свѣжій номеръ „Занозы“.

— Что такое?

— Мои... мои стихи!.. И подпись. Вы посмотрите на подпись. Какъ это вышло отлично. Видите—Димитрій Караваевъ.

XI.

Отвѣта изъ дому еще не было, но Димитрій Николаевичъ въ немъ не сомнѣвался. Молодежь вѣритъ въ то, чего ей хочется. Въ этомъ ея великое счастіе. Какъ-то утромъ и Караваевъ и Лиза зашли за мною.

— Пойдемъ въ Гостиный дворъ и на рынокъ.

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь надо устраиваться. Передъ свадьбой-то!

Я живо одѣлся и вышелъ. Мы переходили изъ лавки въ лавку, ко всему прицѣнивались и ничего не покупали. Рѣшили: Лиза будетъ вѣнчаться въ бѣломъ шерстяномъ платьѣ. Шелкъ тогда былъ дорогъ. Караваевъ великодушно оставался въ сюртукѣ съ таліей на затылкѣ. „Мнѣ все равно,—объявлялъ онъ.—Я и такъ для Лизы хорошъ". Квартиру думали взять въ три комнаты. Гостиную репсовую: диванъ, два кресла, четыре стула и круглый столъ пока... Спальню простенькую, столовую еще проще. Письменный столъ Митеньки ставили въ гостиной. Тамъ же собиралась работать и Лиза. Часа четыре мы ходили такимъ образомъ, спорили съ приказчиками, записывали на образчикахъ цѣны, сравнивали одни съ другими и по нѣскольку разъ возвращались назадъ. Въ посудныхъ лавкахъ погружались неопытными пловцами въ бездонныя хляби хозяйства. Ссорились въ Гостиномъ дворѣ изъ-за занавѣсокъ на окна и изъ-за бѣлья на постель, когда, наконецъ, раздосадо-

ванный постоянными противорѣчіями слишкомъ широко считавшаго Митеньки, я спросилъ:

— Да сколько у васъ на все денегъ?

— Какихъ?

— Господи! Сколько у васъ и у Лизы рублей въ карманѣ?

— Сейчасъ?

— Да.

— Рублей пятьдесятъ наберется. Моихъ двадцать да ея тридцать.

Я остолбенѣлъ. Съ трудомъ пришелъ въ себя.

— Чего жъ вы хлопочете, торгуетесь?

— Да какъ же, передъ свадьбой это всегда. Правда, Лиза, всегда?

— Разумѣется, Василій Ивановичъ, всегда. Такъ полагается—ходятъ, смотрятъ, выбираютъ.

— Да на какія же деньги, чортъ васъ возьми? И я тоже дуракъ, связался.

— Какъ на какія деньги? На тысячу рублей.

— Какую тысячу? Съ неба она свалится, что ли?

— И вовсе не съ неба. У меня всего написано четыре тысячи двѣсти семь строкъ стиховъ.

— Ну?

— Матвѣй Матвѣичъ мнѣ заплатилъ по четвертаку строчка. При васъ вѣдь?

— При мнѣ, что жъ изъ этого?

— Я считаю четыре тысячи двѣсти семь на двадцать пять и получаю тысячу пятьдесятъ одинъ рубль семьдесятъ пять копеекъ. Правильно?

— Умноженіе или деньги?

— И то и другое.

— Умноженіе вѣрно, а деньги нѣтъ.

— Да вѣдь я-то получалъ ужъ?

— Что же вы, идіотъ этакій, воображаете: „Заноза" цѣлый годъ только ваши стихи будетъ печатать?

— Зачѣмъ „Заноза"? Я отнесу въ „Современникъ" къ Некрасову—разъ, въ „Отечественныя Записки" къ Краевскому—два, въ „Искру" къ Курочкину—три. По тысячѣ стиховъ въ каждый журналъ, вотъ ужъ семьсотъ пятьдесятъ рублей, а мебели всего мы наторговали на четыреста. Слѣдовательно, триста пятьдесятъ на хозяйство.

И столь непоколебимо смотрятъ на меня оба, что я и самъ вдругъ повѣрилъ: разумѣется, такъ этому и быть! И не только повѣрилъ, но потащилъ ихъ на Апраксинъ дворъ, и тамъ мы всю эту исторію начали снова...

Этимъ не кончилось.

На слѣдующій день началось то же, съ тѣмъ различіемъ, что въ подготовкѣ „молодого гнѣзда" приняли участіе, во-первыхъ, „утконосъ", а во-вторыхъ, необычайно толстая, подлаго вида, сопливая баба въ аляповатомъ бурнусѣ съ желтыми разводами.

— Это моя... тетенька! — покраснѣла Лиза. Ужъ очень она хорошо описала намъ ее раньше. И потомъ, отведя меня въ сторону, шопотомъ:— Что мнѣ дѣлать? Какъ узнала, что я выхожу замужъ,—прибѣжала и во все вмѣшивается.

Тетенька, впрочемъ, сама поторопилась объяснить.

— Молоденькіе (слезу изъ глаза), развѣ они что-нибудь понимаютъ безъ насъ. Мы обязаны помочь. Я ужъ и то рѣшилась, если они захотятъ, перейти къ нимъ заняться хозяйствомъ.

Лиза съ ужасомъ посмотрѣла на меня.

— Нѣтъ, это зачѣмъ же! — вмѣшался я. — Имъ и однимъ будетъ отлично. Чужимъ не слѣдуетъ соваться.

— Какая же я чужая! Я ея тетя... Одна и осталась у нея изъ родни.

— Нѣтъ мы сами, сами, — оторопѣла Лиза.

— Видите ли какіе они нынѣшніе, — жаловалась „тетя“ разслабленно и покорно „утконосу“. — Мы для нихъ себя, можно сказать, не жалѣемъ, а они — скажите, пожалуйста...

— У покойнаго мужа тоже былъ двоюродный братъ. На хорошемъ мѣстѣ,—вдругъ вспомнилъ „утконосъ“.— Ну, какъ мой Сергѣй Ѳомичъ померъ—я къ нему. Что же онъ-то? Какое выдумалъ. Ну, представьте себѣ, сдѣлайте одолженіе.

— Велѣлъ кофій подать. Въ такихъ случаяхъ всегда кофій.

— Какъ же,дождешься,–торжествовалъ „утконосъ“.– Кофій! Позвалъ собаку — Балкашку, да и давай ее — куси, куси. Это меня-то. Она прямо цапъ за подолъ и башкой во всѣ стороны. Я — въ дверь, а онъ и на лѣстницу: Балкашка, изми ее, изми ее! Балкашка, куси-куси. Но тоже Богъ и его наказалъ потомъ. Сначала онъ женился на богатой съ лабазомъ. Но богатая, потому какъ онъ рябой былъ, съ офицеромъ бѣжала. У офицера лицо-то чистое, румяное, какъ пирожокъ! А послѣ его родственника моего и вовсе со службы прогнали. Потомъ по улицамъ ходилъ „благородному человѣку келькшозъ“ выпрашивалъ. И я, бывало, какъ встрѣчусь съ нимъ, сейчасъ ему двѣ копейки: примите Христа-ради. А онъ меня ругательски ругаетъ. Такая ты, говоритъ, сякая! Такъ что даже его въ полицію водили. И не будь онъ изъ благородныхъ, непремѣнно наказаніе бы на тѣлѣ получилъ.

— Видите! А еще говорятъ Бога нѣтъ!—радовалась тетушка.

— Нѣтъ ужъ тамъ какъ вы хотите, а этой подлости, чтобы оставить васъ однихъ, я не сдѣлаю. Я тоже Господа своего помню!—уже свирѣпѣла она.

Я, кстати впрочемъ, вмѣшался.

— Вотъ пріѣдетъ его папаша!—пригрозилъ я.

— Ну, что жъ. Пусть старичокъ съ нами поживетъ тоже да порадуется.

— Да, но онъ генералъ... И первымъ дѣломъ васъ въ кварталъ отправитъ. Ты что это, заоретъ, дрянь этакая, не въ свое дѣло поганый носъ суешь?

Тетушка такъ и осталась на полудорогѣ съ разинутымъ ртомъ.

Надо отдать справедливость моему пріятелю и Лизѣ. Они оба оказались необыкновенно предусмотрительны. На другой день послѣ описанныхъ событій я ихъ засталъ въ страшныхъ хлопотахъ. Они составляли реестръ всего, что надо было купить. На листѣ бумаги сверху было выведено крупно: „обзаведеніе“, затѣмъ слѣдовало въ двѣ колонны перечисленіе всевозможныхъ предметовъ хозяйства и мебели. Противъ каждой графы стояла цѣна и указаніе магазина. Не даромъ прицѣнялись! Но сумма повергла обоихъ въ горестное недоумѣніе.

— Представьте, не выходитъ! — всплеснула исколотыми ручонками Лиза, когда я вошелъ.

— Что не выходитъ?

— Двухсотъ рублей недостаетъ.

— Глупости. Посижу недолго и напишу восемьсотъ стиховъ. Вотъ и двѣсти рублей.

— Да ты отнесъ стихи ужъ въ редакцію?

— Еще бы, давно. Въ четвергъ и въ „Современникѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ обѣщали

отвѣтъ дать. Такъ что съ пятницы мы примемся за покупки.

И мнѣ это казалось такъ просто и естественно.

Въ четвергъ сижу я у себя за работой, какъ вдругъ, слышу, меня спрашиваетъ Караваевъ.

— Митя, вы?..

Вошелъ мрачный... Лица на немъ не было. Ощущеніе и стыда, и чисто физической боли, и разочарованія—все вмѣстѣ. Точно его высѣкли.

— Что съ вами... Лиза здорова?

— Утромъ была здорова... Теперь я еще не видѣлъ ее.

— Были въ редакціяхъ?

Молчаніе.

— Не были?

— Разумѣется, былъ. Вѣдь сегодня назначено...

— Ну и что же. Съ получкой?

— Да вы смѣетесь надо мною, что ли?

— Разскажите въ чемъ дѣло. Придите въ себя—а то совсѣмъ молодой турокъ, котораго собираются на колъ сажать.

— Сядешь! Вы знаете—все погибло.

— Что все?

— Ну, мебель... ложки... простыни, что ли, зеркала, кастрюли.

— Ничего не понимаю.

— Я сначала въ „Отечественныя Записки“ сунулся на Бассейной. Самого Дудышкина видѣлъ.

— Не прочелъ еще?

— Какъ не прочелъ! все.

— И что же?

Митя махнулъ рукой.

— Да говорите же, чортъ васъ возьми.

— Ну что, если онъ... Понимаете, держитъ въ рукахъ мою тетрадку... Размахиваетъ и смотритъ на меня, какъ на обезьяну въ Зоологическомъ саду... Смотрѣлъ-смотрѣлъ, а потомъ спрашиваетъ: это вы все написали? Я... Жаль, сколько хорошей бумаги испортили. Вѣдь голландская? Да, голландская! Ну, вотъ видите... У васъ—такъ и рѣжетъ—никакого таланта. Стихи гладкіе, такъ вѣдь у насъ всякая институтка гладко пишетъ, и потомъ все подражанія... Это вотъ Фетомъ пахнетъ, а это Некрасовымъ. А этимъ вы совсѣмъ у Майкова позаимствовались, только что своими словами разсказали. Вотъ вамъ мой совѣтъ. Бросьте вы это дѣло и отправляйтесь домой къ папенькѣ. Доучивайтесь. Ну, а ужъ если такая страсть у васъ къ стихамъ: переводите. Какъ обухомъ онъ меня! Я, говоритъ, не одинъ читалъ, Лѣскову показывалъ, Крестовскому, и тѣ то же самое. Выслушалъ я и ужъ совсѣмъ глупо спрашиваю: значитъ, напечатать нельзя? Засмѣялся Дудышкинъ. Знаете, сколько за этотъ годъ такихъ стиховъ намъ прислали... Три пуда двадцать семь фунтовъ. Недавно въ лавочку на обертку селедокъ продалъ у меня Гаврила. Единственная польза, которую принесли они.

— Дудышкинъ былъ просто дурно настроенъ...

— Ну, нѣтъ... Я потомъ къ Некрасову сунулся. Они вѣдь въ одномъ и томъ же домѣ на Литейной, на углу Бассейной. Самъ тоже принялъ. Вышелъ лохматый, въ халатѣ, недовольный чѣмъ-то. Увидѣлъ меня, разозлился. Это вы, хрипитъ, столько наваляли? Я-съ! Стыдно. Вамъ учиться надо, а вы глупые стихи пишете. Ночи-очи, ручьи-соловьи, она-луна... Вы молодой человѣкъ, вамъ непростительно, вы должны готовиться къ жизни серьезно... Кому эта труха?.. А вы

прямо ко мнѣ несете... Отчего вы въ другіе журналы не сунетесь? Я ему тихо, „меня-де въ „Занозѣ“ печатають“. Въ „Занозѣ?“ и убирайтесь въ „Занозу“, тамъ вамъ настоящее мѣсто... Потомъ вдругъ спокойнѣе: я не говорю, что у васъ способности нѣтъ. Есть. Только вамъ еще много работать надъ собою и главное учиться, учиться. Вы воображаете это дается даромъ? Какъ же! Даромъ, батюшка, наши мужики говорятъ, и чирей не вскочитъ. Вы, разумѣется, бѣдны?.. Я молчу. Ну, ясное дѣло. Ищите занятій. А года черезъ два-три приходите. Можетъ-быть, и выработаетесь. Если у васъ настоящій талантъ — онъ обнаружится... Потомъ запахнулся этакъ халатомъ, наступаетъ на меня и въ упоръ: денегъ нѣтъ? Нѣтъ, говорю. То-то и есть... Фыркнулъ. Сѣлъ къ столу, написалъ на клочкѣ. Вотъ завтра сходите въ контору, вамъ выдадутъ...

— Покажите.

Митенька протянулъ мнѣ листокъ.

„Уплатить г. Караваеву въ счетъ гонорара семьдесятъ рублей“.

— Въ счетъ гонорара—значитъ: что-нибудь да напечатаетъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Потомъ, говоритъ, когда вы что-нибудь порядочное напишете — мы сочтемся. А пока не бойтесь, берите. Я самъ въ ваши годы нуждался, да еще какъ! Не стѣсняйтесь... Меня это не разоритъ, берите! И вдругъ у него голосъ мягкій-мягкій сдѣлался. Даже не узналъ я его. Ну, что я теперь скажу Лизѣ? Вѣдь она ждетъ меня, какъ праздника.

XII.

Всего спокойнѣе къ писательской неудачѣ Митеньки отнеслась та, которой это больше всего касалось. Лиза выслушала разсказъ Караваева вполнѣ равнодушно и, только поднявъ на него ласковые и большіе глаза, проговорила:

— Значитъ, квартиру не надо. И здѣсь намъ отлично.

— То-есть, какъ здѣсь?

— А вотъ у утконоса, какъ ее называетъ Василій Ивановичъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ намъ дурно? На что ты пожаловаться можешь? Мнѣ та квартира, которую мы смотрѣли, не ндравится (никакъ не могла выучиться произносить этотъ глаголъ какъ слѣдуетъ!) Холодно тамъ, уюту нѣтъ. А тутъ мы съ тобой во всѣхъ уголкахъ цѣловались. Возьмемъ, вонъ, еще комнатку,—указала она на прежній Митенькинъ уголъ— ну и будетъ. Тутъ спальная, а тамъ остальное. Что ужъ, не къ лицу намъ по-барски жить.

— А твое подвѣнечное платье?

— Еще чего. Чѣмъ я лучше горничныхъ. Тѣ въ чемъ есть, въ томъ и идутъ въ церковь.

— Однако...

— Да мы для людей или для Бога? Богу-то этого совсѣмъ даже не надо. Сходимъ въ церковь, а потомъ сюда чаю напиться, вотъ и все. Правда, вѣдь? Что жъ еще притворяться. Всѣ видятъ.

— Я этого такъ не могу.

— А иначе я не хочу. Вотъ, у меня есть бѣлое батистовое платье. Совсѣмъ еще новое. Если его почистить, да выгладить, да подбавить бантиковъ, — лен-

точки-то по семнадцати копеекъ аршинъ—и всего ихъ пойдетъ на два рубля. Ботинки у меня совсѣмъ цѣлыя. А шляпку я себѣ такъ перелицую.

— Шляпки не надо...

— Вѣнцы мы возьмемъ самые дешевые. Съ батюшкой ты поговоришь, онъ уступку сдѣлаетъ. Въ случаѣ чего,—я ему работой, то же вѣдь дочки есть — понадобится выдавать ихъ. У поповъ-то приданое загодя по сундукамъ накопляютъ. Глупый ты, Митенька. Чего носъ повѣсилъ?

— Положимъ, и Пушкину сразу не везло. Тоже и онъ Байрону подражалъ.

— Ну, вотъ видишь. Если такіе господа — тебѣ и Богъ велѣлъ.

Потомъ сама мнѣ разсказывала, смѣясь:

— И съ чего только мы купцовъ ворошили. Образчики смотрѣли. Я этихъ образчиковъ столько набрала, не знаю еще, что съ ними сдѣлаю, а вѣдь на что-нибудь путное хватитъ. Особенно мебельщики—страсть, какъ старались. Сверху-то внизъ стулья да столы таскали. Хвастались. И тетушка! Только что было прицѣпилась къ намъ, а мы попрежнему. Сюда-то вѣдь не переѣдетъ.

Зато „утконосъ“ остался очень доволенъ. У него комнаты не освобождались, нечего было опять приклеивать билетики къ окнамъ и воротамъ и затѣмъ вести безчисленные дѣловые переговоры съ искателями пристанища. Да еще, пойди-ка, поищи ихъ. Небойсь, не сейчасъ-то и найдешь.

Прихожу я къ нимъ, хохотъ издалека слышенъ.

— Что тамъ у нихъ?—спрашиваю у „утконоса“.

— Извѣстно, молодые. Имъ все игра на умѣ...

— Знаете, мы съ Лизой рѣшили здѣсь остаться.

— По одежкѣ протягивай ножки.

— Выше ушей не прыгнешь!

— И тутъ отлично. Я, знаете, горшочекъ герани купила. Видите, какая она миленькая. Отворю окно,— она сейчасъ же и зашепчетъ. Съ вѣтеркомъ разговариваетъ, — такъ ясно и хорошо у меня на душѣ съ нею. Работаю, а сама нѣтъ-нѣтъ да и посмотрю, какъ она вздрагиваетъ. Живая—тоже къ солнышку тянется. А скоро по ней красные цвѣточки пойдутъ. Вы погодите-ка, я еще собьюсь на розу, на настоящую. Съ бутонами. Совсѣмъ у насъ здѣсь свой садъ будетъ и на дачу выѣзжать не зачѣмъ. Правда? Что это у васъ воротничокъ оббился. Давайте мнѣ. Я вамъ его починю: у меня полоска полотна есть — отлично его обошью, будто нарочно будетъ. Видите, вонъ у Митеньки какъ. Ишь рукавчики тоже оббиты рубчикомъ. Я ему сама стираю рубашки. Легкое ли дѣло по пятиалтынному платить!

Митенька примирился съ судьбой.

Онъ строчилъ кое-что для „Занозы“, хоть кряхтѣлъ при этомъ.

— Теперь онъ у меня все за долгъ печатаетъ.

— А много еще осталось?

— Да нумеровъ на пять... Я на одно разсчитываю,— отецъ къ свадьбѣ пришлетъ. На что, на что — а ужъ на это раскошелится, и тогда я сейчасъ засяду за романъ.

— Вона!

— Да. Я ужъ обдумалъ все. Первая часть въ океанѣ.

— Да вы море видѣли?

— Гдѣ же мнѣ было? Ни въ Стародубѣ ни въ Новгородѣ Сѣверскомъ моря нѣтъ. Есть рѣка Десна. А вторая часть въ Южной Америкѣ. „Сынъ Отечества“

такіе романы ужасно любитъ. Я сейчасъ его къ Старчевскому. Онъ съ удовольствіемъ. Говорятъ, за романъ, случается, по сту рублей платитъ. А вѣдь я каждый мѣсяцъ могу по такому.

Въ сущности болѣе однообразную жизнь трудно себѣ представить, чѣмъ та, которую вела молодая пара. Вставали они не рано—Лиза порывалась было къ работѣ, но Митенька не пускалъ ее, и ей долго приходилось отбиваться, прежде чѣмъ удавалось спустить босыя ножки въ шлепанцы и добраться до рукомойника. Умывшись, она начинала стыдить „мужа“; когда это не помогало, брызгала въ него водой, а онъ швырялся чѣмъ попало: жилетомъ, штанами, бѣльемъ. Когда ему это надоѣдало, онъ, нечесаный, въ одномъ бѣльѣ присаживался къ столу и, нахмурясь, ждалъ вдохновенія. Было вдохновеніе—писалъ стихи, нѣтъ—набрасывалъ романъ „Въ Америку“. Въ это время „утконосъ“ приносилъ самоваръ. Если чай и сахаръ въ наличности—пили чай, нѣтъ—распаривали въ чайникѣ крѣпкія, какъ кирпичъ, баранки и питались. Не оказывалось баранокъ— Митя мрачно одѣвался и шелъ для затруднительныхъ, при ихъ пошатнувшемся государственномъ кредитѣ, операцій внѣшняго займа. Спускался въ мелочную лавку, разсказывалъ толсторылому и курносому ярославцу - приказчику на отчетѣ нѣчто необыкновенное, напримѣръ, объ ожидающихся въ Россіи трусѣ и нашествіи иноплеменниковъ, о появленіи надъ Чебоксарами новой звѣзды въ видѣ меча, указующаго Англію.

— Англія точно. Она подлая, — немедленно соглашался ярославецъ.

Подготовивъ такимъ образомъ почву, Митенька небрежно говорилъ:

— Пожалуйста, отвѣсьте на книжку чаю, сахару и ситника съ колбасою.

Если ярославецъ былъ очень потрясенъ сообщенными ему новостями, въ видимомъ обалдѣніи отвѣшивалъ, если же, напротивъ, вѣсти были не такого рода, чтобы сбить его съ толку, онъ вѣжливо растопыривалъ руки и, обнаруживая величайшее сожалѣніе, журчалъ:

— Вѣрьте совѣсти... Въ послѣднюю субботу и то хозяинъ—„я, говоритъ, тебя подлеца сгоню съ отчета. Все-то ты въ долги роздалъ...“ И сейчасъ въ знакъ чувствъ по скулѣ.

— Да вѣдь я на-дняхъ получу съ редакціи и отдамъ.

— Это точно-съ. Какъ вы люди образованные, а мы простые мужики... Но надо вникнуть и въ наше обхожденіе. Мы, какъ вамъ извѣстно, обвязаны отчетомъ—кругомъ вода! Вотъ, напримѣръ, пастила—она ломаная, а съ насъ, какъ за цѣлую, спрашиваютъ.

— Ну, одного чаю и сахару.

— Моя воля,—я бы всю лавку вамъ предоставилъ...

И Митенька угрюмо возвращался домой.

Лиза внимательно вглядывалась въ него и немедленно накидывала на плечи ковровый платокъ.

— Вы что жъ это мужу не отпустили ничего?..

— Лизавета Андреевна!..

— Мы васъ надували когда? Въ прошломъ мѣсяцѣ сполна уплатили?

— Потребуйте отъ меня: Семенъ, вырви сердце,—сейчасъ для вашего удовольствія, чтобы ваши ножки по оному ходили и топтали.

— Мнѣ не сердце ваше нужно. Вы все только хвастаетесь.

— Хвастовство—наше богатство, а Господь видитъ наши обстоятельства.

— Врите больше... Хозяинъ! Тоже нашли чучело. Такъ вы его и испугаетесь!

— Лизавета Андреевна—фактъ, но вѣрно-съ!

Лиза обыкновенно была счастливѣе и возвращалась съ тюричками и фунтиками. Но приказчикъ съ нея при этомъ бралъ обѣщаніе.

— Ужъ вы, пожалуйста, не забывайте доброты нашей.

— Ладно, ладно.

— Въ субботу при хозяинѣ пожалуйте и непремѣнно про меня: услужливѣй-де тебя, Семенъ, нигдѣ нѣтъ. Я прежде напротивъ брала, а теперь все къ тебѣ хожу. Ужъ очень ты для покупателя пріятенъ.

— Хорошо... хорошо.

Послѣ чая со всѣми онерами, Лиза, не разгибая спины, работала до шести часовъ. Митенька — тоже. Когда онъ уставалъ, уходилъ или ко мнѣ или къ Волгину, а то и такъ шатался по улицамъ, искалъ сюжетовъ. Гулялъ по Лѣтнему саду, заводилъ знакомство съ букинистами или бѣгалъ въ кофейню подъ пассажемъ читать газеты. Черезъ день аккуратно онъ являлся на почту.

— Нѣтъ ли мнѣ до востребованія?

Но письма, такъ нетерпѣливо ожидаемаго и имъ и Лизой, еще не было.

Къ шести онъ возвращался, и они шли въ кухмистерскую обѣдать, а послѣ обѣда, если у Лизы была работа, она за нею засиживалась до поздней ночи, если нѣтъ—они, подъ ручку, забирались часто Богъ знаетъ куда и, мечтая о томъ времени, когда они ока-

жутся такъ богаты, что отъ нихъ и всѣмъ кругомъ будетъ хорошо.

XIII.

Казалось, этой идилліи конца не будетъ.

Даже было странно: Лиза и Митенька въ полномъ развалѣ петербургской сутолоки завели себѣ голубятню и знать ничего не хотятъ. Точно въ самомъ дѣлѣ здѣсь можно было невозбранно устроить столь несоотвѣтственную жизнь. Да не только устроить, но и въ загадочныя глаза судьбы смотрѣть такъ вызывающе, какъ это дѣлали они.

— Ой, братецъ, съѣстъ тебя крокодилъ! — предсказывали Митенькѣ.

— А, можетъ-быть, я его.

— Ты?

— Да, именно! Что за дряблость — поддаваться всему!

Въ самомъ дѣлѣ какая-то Аркадія и гдѣ же — на Большой Подъяческой!

Но судьба надъ собою посмѣяться имъ не дала. Она скоро положила конецъ этому историко-географическому недоразумѣнію. Сидѣли мы какъ-то въ этой Аркадіи и благодушествовали. Лиза возилась за самоваромъ. Митенька читалъ намъ новую свою поэму „Монтезума“. Онъ все это время былъ въ героическомъ настроеніи и послѣ Монтезума собирался писать Александра Македонскаго, находя, что у Смарагдова (тогда учились еще по этому краснорѣчивому исторіографу) для этого было достаточно матеріала. Какъ теперь помню—завели мы споръ, можно ли риѳмовать „Америка“ съ „берега“. Митенька, допустившій эту

вольность, утверждалъ, что можно, я свирѣпо накидывался на него, а Лиза, дѣлая круглые глаза, удивлялась, какіе мы умные люди и какъ она счастлива, попавъ въ такую компанію. Вдругъ двери къ намъ отворились, и въ нихъ показалось нѣчто въ родѣ моржа, поставленнаго на хвостъ и облаченнаго въ военное пальто безъ погонъ. Митенька привсталъ, поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и съ крикомъ „папенька!“ кинулся лобызать моржовые усы. Потомъ усердно заприкладывался къ рукѣ новоприбывшаго и, обернувшись къ своей „женѣ“, какъ-то взвизгнулъ:

— Лиза, это—папаша! Папаша, это—Лиза.

Но моржъ, отдавшій, по его мнѣнію, достаточную дань отеческимъ чувствамъ, вдругъ нахмурился и, отстранивъ робко подвинувшуюся къ нему Лизу, хрипло спросилъ:

— Прежде всего покажи мнѣ свою комнату!

— Вотъ она.

— Да, но тутъ... Эта... эта...— показалъ онъ бровями на Лизу,—эта особа.

— У насъ одна комната—общая...

Моржъ покосился на кровать.

— Я тебѣ, кажется, на развратъ благословенія не давалъ.

— Папаша!

— Погоди... Мы тебя отпустили изъ Стародуба неиспорченнымъ мальчикомъ, въ надеждѣ, что вложенныя въ твое воспитаніе основы помогутъ тебѣ устоять въ борьбѣ со столичными соблазнами. Я вижу, что ошибся...

Очевидно, рѣчь была приготовлена въ дорогѣ. Произнося ее, моржъ зажмурился и выдерживалъ паузы:

— Дурные примѣры товарищей (взглядъ въ мою сторону), безнравственныя встрѣчи (тоже—на Лизу), легкомысліе и отсутствіе правильныхъ занятій сбили тебя съ намѣченнаго пути. Ты забылъ, что цѣломудріе есть высочайшая изъ добродѣтелей.

— Какъ лошадь благороднѣйшее животное! — вставилъ я.

— Чего-съ?—изумленно повернулся онъ ко мнѣ.

— А золото драгоцѣннѣйшій изъ металловъ...

— Милостивый государь!—побагровѣлъ моржъ.—Не имѣю чести васъ знать.

— Честь не велика. Позвольте представиться: Суза-Муза-Лаперуза графъ Мендоза-де-Бутоза...

Какъ моржъ не задохнулся въ эту минуту! Очевидно, переживъ ее, онъ могъ ужъ не опасаться за свою дальнѣйшую жизнь.

— Папаша,—заступился Митенька, — это нашъ извѣстный поэтъ, писатель.

— Исторіографъ Негуса Абиссиніи и поэтъ лауреатъ королевы Сандвичевыхъ острововъ Камбалы CLIV-ой. Къ вашимъ услугамъ.

Я сдѣлалъ шагъ впередъ и отвѣсилъ моржу самый церемонный поклонъ.

Моржъ попятился къ дверямъ, видимо, нѣсколько сомнѣваясь, не очутился ли онъ ненарокомъ въ сумасшедшемъ домѣ.

— Димитрій, я хочу съ тобою переговорить безъ этой дѣвки и не при твоемъ странномъ товарищѣ.

— Такъ выражался старѣйшій изъ попугаевъ въ самомъ большомъ Бразильскомъ лѣсу, — закончилъ я тѣмъ же тономъ.

Лиза стояла вся блѣдная, съ расширившимися глазами; если бы передъ ней вдругъ провалился полъ и

въ зіяющей пропасти сверкнула геенна огненная, бѣдная женщина была бы меньше поражена. У меня все клокотало въ душѣ отъ бѣшенства. Я чувствовалъ, что дрожу самъ. Право, я былъ способенъ швырнуть моржа въ окно, сбить его на лѣстницѣ, что ли. Разумѣется, мнѣ было все равно, какъ онъ относится къ сыну, но передъ Лизой весь нашъ кружокъ благоговѣлъ; мы на нее молились Богу. Оно и понятно: мы до тѣхъ поръ лучше женщинъ не видѣли.

— Лизавета Степановна! — подошелъ я къ ней. — Сдѣлайте честь дать мнѣ вашу руку. Намъ, дѣйствительно, не мѣсто здѣсь, пока не уйдетъ отсюда этотъ господинъ, забывшій, что онъ у васъ и позволившій себѣ выходку, достойную вполнѣ той трущобы, изъ которой онъ вылѣзъ. А вы, — обратился я къ Митенькѣ, — современный Арманъ Дюваль, знаете, гдѣ меня найдете. Я буду у себя съ вашей женой. Когда вы освободитесь отъ далеко не почтеннаго родителя (съ которымъ я вовсе васъ не поздравляю), приходите скорѣй. Когда онъ уйдетъ, попросите хозяйку покурить здѣсь. Addio, благородные синьоры, да благословитъ васъ праведное небо!

Рука Лизы, опиравшаяся на мою, дрожала. Блѣдная - блѣдная, дѣвушка не понимала, что съ ней.

— Что это, что это? Неужто я заслужила, чѣмъ такимъ? Что я ему сдѣлала! Не покладая рукъ работала, берегла Митеньку, любила его...

— Дѣтка, плюньте на каку! Самое лучшее!—рекомендовалъ я ей.

— За что же... И почему онъ молчалъ?

— Митенька? Растерялся. Думалъ, нивѣсть какъ обрадовалъ папашу, а тотъ вдругъ первымъ дѣломъ

его за хвостъ: ахъ ты, такой-сякой. Вдвоемъ они лучше объяснятся наединѣ.

— Нѣтъ. Я вижу, знаю, конецъ моему счастью.

— Лиза! Не стыдно? Сейчасъ же голову опускать. Вотъ ужъ отъ васъ я этого не ожидалъ.

— А онъ?

— Онъ... Любитъ онъ васъ — вернется, нѣтъ — поставьте на него крестъ и только.

— Это вы все по-книжному. Точно легко отъ сердца оторвать. Съ кровью вѣдь. Развѣ я не любила его, Митеньку?

— И любите. Мы этого моржа живо сплавимъ отсюда—не безпокойтесь. А жениться и безъ него Митенька можетъ. Я это устрою. Да еще какъ, у оберъ-священника арміи и флота. Знай нашихъ. Мы недавно такую же обвѣнчали у него пару.

— Ну, нѣтъ, Василій Ивановичъ, этого не будетъ.

— Чего этого?

А вотъ того, что вы говорите. Я между отцомъ и сыномъ не стану. Такъ любить буду. Авось, Богъ проститъ мнѣ это, а безъ родительскаго благословенія замужъ не пойду. Такъ нельзя. Мало ли что — пусть онъ считаетъ себя свободнымъ.

Я думаю, публика, бывшая на улицѣ, не мало изумилась, видя меня цѣлующимъ руку Лизы.

— Такъ бы и ему, моржу этому, слѣдовало съ вами...

— Ну, вотъ!

— Вы сами, Лиза, не понимаете, какое вы сокровище. Такія, какъ вы, вѣками родятся. Мнѣ плакать хочется, глядя на васъ. Не будь подобныхъ вамъ — давно бы міръ постигла участь Содома и Гоморры. Да попадись мнѣ такая! О, дураки, дураки... Не дѣлайте

плаксиваго лица. Увѣряю васъ, что ваше сокровище не уйдетъ; разъ вы не хотите сами выходить замужъ— такъ его отъ васъ палкой не отгонишь. Понимаете. Что онъ сумасшедшій, что ли,—ну, гдѣ онъ найдетъ такую?

— Жалко его мнѣ. Вѣдь онъ теперь...

— Ничего, ничего. Пусть будетъ мужчиною...

— Я вамъ даже такъ скажу: если бы случилось, что отецъ его самъ бы меня началъ просить выйти замужъ за Митеньку, теперь бы ужъ и я не пошла. Послѣ всего что было. У меня тоже есть...

— Самолюбіе?

— Нѣтъ, своя женская гордость. Вы думаете, я такая лупетка, что себѣ цѣны не знаю? Слава Богу, вижу другихъ, какія онѣ. Сколько угодно буду жить такъ съ нимъ. Не дура я тоже.

— Вотъ такъ-то лучше.

И право, ни одинъ принцъ не велъ королеву такъ, какъ я Лизу въ это утро. Ея присутствіе около наполняло меня чѣмъ-то такимъ, отъ чего я самъ чувствовалъ себя выше, чище и благороднѣе. Господи! Вѣдь мы всѣ были влюблены въ нее тогда и адски завидовали нашему пріятелю. Если бы онъ, кажется, позволилъ себѣ оскорбить или обидѣть ее, то у него на дорогѣ выросло бы столько мстителей, сколько было насъ. Волгинъ писалъ ей стихи, Крутиковъ наливалъ слезами пьяные глаза свои при встрѣчѣ съ нею. А я мечталъ именно о такой подругѣ. Она бы мнѣ скрасила жизнь, прежде всего потому, что не испугалась бы ея—въ темной комнаткѣ, впроголодь, безъ всякихъ опредѣленныхъ надеждъ на то, что тусклое туманное, завтра будетъ лучше и ярче, чѣмъ совсѣмъ ужъ невыносимое сегодня. Лиза именно была тѣмъ солнцемъ,

которое на всю жизнь потомъ бросаетъ свои теплые лучи.

XIII.

Лиза сидѣла у меня — когда, точно спущенный съ цѣпи, ко мнѣ въ крохотный и темный уголъ ворвался Митенька.

— Ну, въ чемъ дѣло?

— Лиза, милая, прости, ради Бога...

— Ты меня спрячешь?—обратился онъ ко мнѣ, успокоясь.

— Разумѣется.

— Видишь ли, отецъ...

— Старый моржъ?

— Ахъ, оставь свои шутки... Отецъ хочетъ во что бы то ни стало увезти меня съ собой. Я не могу, пока онъ здѣсь, вернуться къ Лизѣ... Тамъ онъ меня накроетъ. Лиза, запри мои стихи и погоди, когда онъ уѣдетъ. Что у насъ было, что было!

— А зачѣмъ у тебя глаза заплаканы?

— Заплачешь! Едва-едва отдѣлался. Ты знаешь... Вѣдь онъ... Совѣстно сказать даже.

— Ну?

— Заперъ меня.

— Какъ заперъ?

— Господи! Какъ запираютъ—на ключъ, а самъ ушелъ. Гостинцы матери покупать.

— И ты былъ въ заточеніи!.. Какъ же ты выбрался?

— А онъ не замѣтилъ — кромѣ двери, въ комнатѣ окно въ корридоръ, задѣланное занавѣской. Я дождался, когда тамъ никого не было слышно, прислуга ушла, вышибъ стекло и вылѣзъ.

— Какъ Казанова?

— Что?

— Изъ венеціанскихъ тюремъ, i piombi! Ты теперь, подобно Сильвіо Пеллико, можешь написать „Мои темницы“. Швейцаръ тебя не схватилъ, благородный другъ, за шиворотъ?

— Нѣтъ, отецъ никому ничего не сказалъ.

— Лиза, уходи скорѣй. Нужно, чтобы тебя видѣли одну. Отецъ, навѣрно, первымъ дѣломъ бросится къ тебѣ.

— Ты оставайся у меня. А я съ Лизой къ тебѣ.

— Пожалуйста, не дай ее въ обиду.

— Не безпокойся, гидальго.

— Бѣдный мой Митенька!—жалѣла его Лиза и, поцѣловавъ, рѣшительно вышла вонъ.

Взъерошенный, растерянный, испуганный Митенька остался у меня, какъ котъ, загнанный кухаркиной метлой подъ печку. Онъ самъ потомъ признавался — вздрагивалъ при всякомъ шорохѣ въ кухнѣ и чуть не умеръ отъ ужаса, когда „кумъ-пожарный“, явившись, наконецъ, задалъ тамъ глупой бабѣ надлежащую потасовку.

— Я цѣлую ночь не спалъ!—разсказывалъ Караваевъ послѣ.

Старый моржъ недолго заставилъ ожидать себя. Часу не прошло—какъ дверь къ Лизѣ распахнулась, и въ ней показалась его лысая, усатая, круглая голова. Но теперь ему уже приходилось имѣть дѣло не съ Митенькой.

— Позвольте узнать, какое право вы имѣете безъ докладу лѣзть въ чужія комнаты?

Онъ поморгалъ на меня выпученными глазами. Они у него были совсѣмъ какъ у рака.

— Quousque tandem Catilina abutera patientie nostra.

— Я за сыномъ. Гдѣ сынъ?

— Потрудитесь убираться. Эта комната съ другою рядомъ взяты и оплачиваются Лизаветой Степановной изъ ея скуднаго заработка.

— Я васъ спрашиваю, гдѣ Митенька?

— Развѣ я сторожъ брату моему Авелю? Лизавета Степановна, не правда ли, какое у этого джентльмена прекрасное лицо для изображенія трагическихъ злодѣевъ па Александринской сценѣ?

Лиза вышла въ другую комнату.

— Распутная! Дрянь!

— Послушайте, вы! Вы когда-нибудь пробовали летать? Крылья у васъ есть? Мы здѣсь на четвертомъ этажѣ, и если я васъ швырну отсюда въ помойную яму, могу васъ увѣрить, едва ли вы совершите благополучно это воздухоплаваніе. Старый дуракъ!

— Какъ ты смѣешь, мальчишка. Да я тебя, мерзавца. Бар-р-раній рогъ!

Тутъ ужъ, признаюсь, я потерялъ терпѣніе. Богъ меня силенкой не обидѣлъ. Помню только, что я стараго моржа, какъ котенка, поднялъ за шиворотъ, принесъ въ кухню и передалъ удивленной хозяйкѣ.

— Твоему сыну въ Лизѣ Богъ счастье послалъ. Тебѣ передъ ней на колѣняхъ стоять. Понимаешь? Хорошо, что ты старъ—иначе на этой лѣстницѣ тебѣ бы и костей не собрать.

— Погодите... Погодите. Я на васъ найду управу. Найду. Я къ самому царю пойду.

— Ищи. А пока убирайся.

— Гдѣ Митенька? Гдѣ мой сынъ? Куда его спрятали?

— Знаю, да не скажу...

И я съ силой захлопнулъ дверь передъ самымъ носомъ у него. Но не прошло и получаса, какъ онъ вернулся опять уже въ сопровожденіи полицейскаго офицера.

— Ваша фамилія? — оффиціально спросилъ тотъ у меня.

Я назвался.

— Ваши занятія?

— Сотрудничаю въ такихъ и такихъ-то изданіяхъ.

Альгвазилъ мгновенно измѣнилъ тонъ. Въ тѣ времена печать была еще въ почетѣ.

— Что это за исторія?

— А то, что этотъ господинъ—старый моржъ—какъ видите врывается къ моей двоюродной сестрѣ (Лиза сдѣлала громадные изумленные глаза) и позволяетъ себѣ оскорблять ее.

— Да, но тутъ живетъ нѣкто Димитрій Караваевъ. Вы меня извините. Я поневолѣ долженъ касаться деликатныхъ отношеній.

— Это ея женихъ. Онъ нанимаетъ у нея ту вонъ комнату.

— Что же вамъ отъ меня угодно? — обернулся къ Катилинѣ квартальный.

— Арестовать ихъ обоихъ.

— Я не могу хватать людей для вашего удовольствія. Госпожа живетъ по законному виду. Онѣ известны мнѣ тоже.—И съ поклономъ въ мою сторону:— Я подписываюсь на „Занозу“. Напрасно только тревожите. У меня и безъ васъ дѣла много.

— Ну, хорошо, хорошо... хорошо!

И „моржъ“ затоптался на мѣстѣ, багровѣя.

— Я на васъ буду жаловаться.

— Сколько угодно... До свиданья mademoiselle. Извините. Очень радъ познакомиться!.. Вашъ усердный читатель. Матвѣя Матвѣевича я тоже знаю. Они прежде въ нашемъ кварталѣ жили.

Лиза уже улыбалась.

— Вы меня простите,—обернулась она къ старику.— Я не хотѣла васъ обижать. Напротивъ, всѣмъ сердцемъ была. Загодя ужъ любила вашихъ... И на васъ я не обижаюсь. Что жъ, вы—отецъ. Меня не знаете. Только успокойте себя, я вотъ ужъ имъ говорила. Теперь хоть вы сами просите, а за Митеньку я замужъ не пойду. Такъ его буду — потому онъ у меня навѣкъ. Не сума я переметная, какая. Я только думала, что вы по-добру будете. И Митенька меня увѣрилъ, что вы хорошій.

— Да какъ ты смѣешь! — зашипѣлъ и заплевался онъ.

— Нѣтъ ужъ теперь довольно. Слушала я до сихъ поръ и молчала. А теперь будетъ. Сказала я вамъ, что женой сыну вашему я не буду, значитъ, чужая я вамъ. Совсѣмъ чужая... И не смѣете вы больше меня обижать...

— Ахъ ты! Такихъ въ кварталѣ дерутъ. Розгами...

— Жалко мнѣ васъ, Василій Ивановичъ,— оставьте ихъ. Потомъ они опомнятся—имъ самимъ стыдно будетъ, только не вернутъ. Даромъ оскорбить человѣка— какъ это самому больно, когда душа проснется! Пусть вамъ Богъ проститъ. А онъ мое сердце видитъ—никакого я зла вамъ не желаю, а что я сына вашего полюбила — ему отъ этого дурно не было. Напротивъ. Сберегла я его и сберегу. А теперь— благодарю васъ за ласку!

И Лиза поклонилась старику.

Онъ, наконецъ, вышелъ.

— Вы мнѣ отвѣчаете за нихъ!—пугалъ онъ хозяйку.

— Ну, ужъ, пожалуйста. Мой покойникъ самъ въ управѣ благочинія служилъ. Очень я хорошо порядки знаю.

— Вы пристанодержательствуете.

— Что? Вотъ вы за эти слова отвѣтите. Слышите, что безстыдникъ говоритъ. Мнѣ, пожилой дамѣ, вдовѣ, которая пенсіонъ за мужа получаетъ. Ахъ вы, срамникъ, срамникъ. Старый, скверный срамникъ... У меня еще сначала за васъ душа болѣла. Думала, пожилой. А онъ вотъ куда... Идите, идите. А то вѣдь я и дворника крикну.

XIV.

Съ такимъ благороднымъ отцомъ въ роли злодѣя какъ Митенькинъ родитель, всякая трагедія обращалась въ концѣ-концовъ въ довольно-таки уморительный водевиль, хотя, разумѣется, на первыхъ порахъ дѣйствовавшимъ лицамъ было въ достаточной мѣрѣ жутко. Митенька поселился у меня въ веселомъ обществѣ таракановъ и кухаркинова кота, а я перебрался къ Волгину. У него мы начали священнодѣйствовать стихами, производя ихъ на свѣтъ Божій чуть не саженями. Я помню, намъ доставляло величайшее удовольствіе нарѣзывать бумагу длинными лентами и подклеивать одну къ другой. Такимъ образомъ получалась полоса въ нѣсколько аршинъ. Съ особеннымъ самоудовлетвореніемъ, бывало, спрашиваетъ Волгинъ:

— На которомъ аршинѣ остановилась ваша поэма?

— На седьмомъ.

— А у меня идетъ двѣнадцатый.

И мы серьезно воображали, что дѣлаемъ дѣло и всѣ эти аршины когда-нибудь понадобятся потомству. Увы! Гдѣ они—эти плоды юношеской музы, глуповато-наивные, но все-таки хранившіе въ неудачныхъ стихахъ нѣчто свѣжее, искреннее, чистое? Пошли ли они на подтопку печей или въ нихъ завертывали селедки? Отъ нечего дѣлать въ минуты досуга мы вычисляли, сколько понадобится такихъ аршинъ, чтобы оклеить ими весь экваторъ и сколько строкъ стиховъ пойдетъ на все разстояніе отъ земли до луны. Молодежь, такая же, какъ и мы, твердо вѣровала въ то, что все это далеко не пустяки, и только Крутиковъ съ священнымъ ужасомъ, подъ которымъ скрывалась тонкая иронія, повѣдывалъ:

— Вы знаете у Волгина новая поэма какая?

— Ну?

— Пятьдесятъ два аршина четырнадцать вершковъ.

Теперь бы это называлось „побить рекордъ“ и Волгинъ въ нашемъ кружкѣ получилъ бы титулъ чемпіона. Тогда, бывало, зайдетъ Ивановъ-классикъ, выпучитъ глаза на насъ и начинаетъ ругаться. Сидимъ мы разъ такимъ образомъ съ Волгинымъ, вдругъ къ намъ — бутырь. Наивный, несообразный бутырь тѣхъ патріархальныхъ временъ, съ носомъ въ видѣ свеклы и необыкновенно, въ виду двугривеннаго, сладкими и угодливыми глазами.

— Кто здѣсь...—онъ назвалъ меня.

— Я.

— Пожалуйте по секрету!—и изъ-подъ полы протянулъ мнѣ конвертъ, по которому, очевидно, въ дурную погоду прошлось десятка два калошъ.

— Отъ кого?..

— Господинъ у насъ... въ Спасской части.

— Батюшки... Чижикъ, да это отъ Митеньки — развѣ онъ не у меня?

— Сегодня утромъ доставили ихъ...

Читаю; письмо написано въ довольно игривомъ тонѣ. Что за чепуха!

— Вслухъ! — потребовалъ Волгинъ.

„О, дѣва розы, я въ оковахъ, но не стыжусь своихъ оковъ. Меня-таки, какъ выражаются польки, „злапили“. Сегодня утромъ, по указанію папаши, нагрянули венеціанскіе сбиры и безчеловѣчно растревожили любимыхъ таракановъ Василія Ивановича. Заставили меня подняться и увели въ узилище. Отецъ до своего отъѣзда отказался меня принять и мнѣ предстоитъ пробыть здѣсь дня два. Если что можете сдѣлать—торопитесь. Успокойте, главное, Лизу. Скажите ей, что я ни въ какомъ случаѣ не останусь дома и вернусь въ Петербургъ къ ней немедленно. Я въ отличномъ обществѣ—слѣва у меня знаменитый карманникъ Живка, который, узнавъ, за что я приведенъ, назвалъ меня человѣкомъ неосновательнымъ. Справа сидитъ дама, зарѣзавшая своего мужа. Эта очень счастлива: „За всѣ пять лѣтъ, какъ мы жили вмѣстѣ, я только тамъ отдыхаю“. — Дѣйствительно, краше въ гробъ кладутъ. Пришлите чаю и денегъ и заплатите бутырю полтинникъ“.

— Про полтинникъ-то упомянуто! — утѣшилась „свекла“.

Мы вручили ему требуемое и немедленно отправились къ Матвѣю Матвѣевичу.

Нашъ редакторъ былъ въ добромъ настроеніи.

— Ну, великіе подвижники земли русской! Что съ вами новаго?

Мы наперерывъ начали ему разсказывать злоключенія Митенькины.

— Вы говорите на моржа похожъ? — спросилъ онъ о старикѣ Караваевѣ.

— Да. И усы такіе же. Только что клыки у него выпали отъ старости.

— Что же я могу сдѣлать? Развѣ вотъ что—напишу я Анненкову... Онъ меня знаетъ, а тотъ—оберъ-полицмейстеру.

Кажется, родственникъ издателя Пушкина и библіографа Анненкова былъ тогда оберъ-полицмейстеромъ. Я ужъ смутно помню это. Зато, какъ сейчасъ, передо мною торжественная картина: мы явились въ Спасскую часть вооруженные запиской „самого генерала" — выдать арестованнаго по просьбѣ отца Димитрія Караваева на поруки—слѣдовали наши фамиліи. Отцу же объявить, что арестные дома существуютъ не для юношей, виновныхъ въ одномъ лишь легкомысліи, а для преступниковъ. Димитрія же Караваева обязать выѣхать изъ Петербурга вмѣстѣ съ отцомъ.

Митенька кинулся намъ на шею.

Мы, разумѣется, немедленно въ гостиницу, гдѣ остановился его отецъ, и тамъ расписались—такіе то. Затѣмъ, такъ какъ Караваеву эти дни бояться было нечего, мы его водворили опять къ Лизѣ.

Видѣли ли вы щенка, долго просидѣвшаго взаперти? То же было и съ Митенькой. Онъ кидался на насъ на всѣхъ, оралъ и пѣлъ что-то несообразное и клялся Лизѣ, что какъ тамъ отецъ ни старайся, а онъ отъ нея не уѣдетъ.

— Или вернусь.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Увидишь. Съ поѣзда прибѣгу.

— Дай Богъ...

Но она сомнительно качала головой.

— Ну, куда тебѣ, Митенька. Вотъ если бъ они,— указывала она на насъ—такъ еще! А ты? Охъ, чуетъ мое сердце!

— А вотъ я тебѣ докажу, какой я.

Мы, впрочемъ, создали сообща планъ бѣгства — да такъ, чтобы „старый моржъ“ былъ посрамленъ вполнѣ. Еще бы—будущаго Пушкина (по меньшей мѣрѣ!) увозять въ Стародубъ, чтобы тамъ опредѣлить писцомъ въ какое-то омерзительное управленіе. Мы понимали ссылку Пушкина въ Бессарабію, все что хотите — на тотъ погибельный Кавказъ, что ли... Но ужъ никакъ не въ Стародубъ, гдѣ среди бѣлаго дня обо всѣ заборы невозбранно чешутся свиньи! Въ виду успѣха созданнаго нами плана было рѣшено, что Митенька немедленно явится къ отцу и выразитъ покорность.

— Вѣдь это обманъ! — запротестовалъ кто-то изъ насъ.

— Ну, вотъ. Просто военная хитрость. Наполеонъ поступилъ бы такъ же.

Умы были настроены героически, и ссылка на Наполеона заставила улетучиться послѣднія сомнѣнія.

— Наполеонъ, такъ Наполеонъ.

Митенька поцѣловалъ Лизу и полетѣлъ къ отцу.

Что между ними происходило — покрыто неизвѣстностью. Митенька отмалчивался и краснѣлъ, потомъ и на мой вопросъ:

— Да вѣдь не высѣкъ же онъ тебя?

— Ну вотъ... до этого, положимъ, не дошло, а все-таки...

Около, несомнѣнно, было.

Эти два дня ни мы ни Лиза Митеньку не видѣли. Изъ записокъ его мы знали, что отъѣздъ отложенъ до вечера второго дня, и насъ приглашали непремѣнно на всякій случай прійти въ вокзалъ—проводить. Лиза, разумѣется, все это время плакала.

Мы не знали, что намъ съ нею дѣлать.

— Увезутъ его... увезутъ.

— Если отцу удастся увезти его — Митенька все равно вернется.

И тутъ Лиза намъ разсказывала все, что ей передавалъ Караваевъ о своей жизни дома. Послѣднія сожалѣнія о томъ, что мы такъ непривѣтливо приняли сразу „стараго моржа“ въ насъ улеглись. Отецъ всегда былъ съ нимъ суровъ, не заботился о сынѣ совсѣмъ, и въ душѣ у Митеньки не шевелилось вовсе чего-либо похожаго на сыновнее чувство.

Наконецъ насталъ „роковой“ вечеръ.

Мы собрались всѣ на Николаевскую дорогу.

Часовымъ стоялъ Волгинъ. Его „отецъ“ не видѣлъ, и онъ долженъ былъ дать намъ знать, что „старый моржъ“ со своимъ Митенькой показался въ дверяхъ. „Папаша“ не заставилъ ждать себя долго. Скоро мы увидѣли его браво подходящимъ къ буфету. Рюмку водки, другую... Хлопнулъ, утерся рукавомъ. Караваевъ junior было въ сторону, онъ его цапъ за локоть. Митенька покорно остался съ нимъ. Лиза, вся блѣдная, не знала, какимъ ей угодникамъ молиться. Въ вокзалѣ стоялъ гулъ. На пассажирскій поѣздъ явилась масса народа. Митеньку легко было бы сейчасъ же оттѣснить, но тогда и „старый моржъ“ остался бы здѣсь. Водевиля въ полномъ смыслѣ этого слова не было бы, и „публика“ т.-е. мы, осталась бы неудовлетворен-

ной. Билеты бралъ отецъ самъ вмѣстѣ съ сыномъ Волгинъ слышалъ:

— Въ обрѣзъ денегъ осталось. Изъ-за тебя, поганца, я совсѣмъ истратился въ Петербургѣ. Еще день, пожалуй, поневолѣ пришлось бы тебя здѣсь оставить.

Мы видѣли, какъ „старый моржъ" вошелъ съ сыномъ въ вагонъ.

— Лиза, идите садитесь на извозчика и ждите.

— А какъ онъ уѣдетъ, я и не увижу.

— Не бойтесь. Митенька сегодня смотритъ Петромъ Великимъ наканунѣ Полтавскаго боя. „Лицо его пылаетъ—онъ весь, какъ Божія гроза!"

— Волгинъ, какъ вы?

— Дѣлайте, что вамъ говорятъ, Лиза. Наполеонъ на Аркольскомъ мосту, да и только—вашъ Митенька. Надо, чтобы васъ „старый моржъ" и не замѣтилъ. Мы сумѣемъ спрятаться, а вы заревете вѣдь?

— Зареву!

— Ну, то-то!

Второй звонокъ. Сердце щемило. А вдругъ, какъ въ послѣднюю минуту Митенька скиксуетъ? Что тогда съ Лизой?

— Я его замѣню ей! — отечески произнесъ Александръ Николаевичъ.

— Ну, это аттанде-съ. На узелки...

Мы смѣялись, а, право, на насъ лица не было. Совсѣмъ въ лихорадкѣ!

Въ окнѣ вагона третьяго класса мелькнуло лицо „стараго моржа". Онъ опустилъ раму. Позади за нимъ стоялъ Митенька, страшно блѣдный.

— Встаетъ солнце Аустерлица!

— Ну, пора! — Грянулъ третій звонокъ.

Я бросился къ окну и крикнулъ „стараго моржа".

Тотъ высунулся.

— Митенька забылъ пакетъ... Возьмите...

Поѣздъ двинулся.

„Старый моржъ" протянулъ свои жабры. Я, точно боясь, чтобы пакетъ не упалъ, шелъ рядомъ съ вагономъ и не выпускалъ изъ рукъ свертка въ старой газетной бумагѣ.

— Да что тутъ?

— Новое платье Митеньки.

— Этакая разиня! Давайте скорѣе.

Позади Митеньки ужъ не было.

Поѣздъ дернуло—онъ пошелъ сильнѣе. Я попридержалъ еще и въ рѣшительный моментъ выпустилъ—и тотчасъ же, внезапно открывъ двери на платформу, выскочилъ, весь красный, въ поту, растерянный, Митенька, споткнулся, носомъ по панели и вскочилъ съ фонаремъ, но счастливый!

На него набросился жандармъ:

— Развѣ можно такъ?

— Провожалъ отца да опоздалъ.

„Старый моржъ" болталъ жабрами въ окнѣ и оралъ что-то неподходящее.

— Да, да,—кричалъ ему, какъ будто въ отвѣтъ и я.—Кланяйтесь вашимъ, поцѣлуйте нашихъ, и впередъ милости просимъ въ Петербургъ.

— Митенька, Митя, Митька!

— Будьте спокойны, все исполню! — заглушалъ я его. — Обоймите за меня жену и поласкайте хвостъ собачкѣ Жучкѣ. Пожмите лапку коту Васькѣ.

Но поѣздъ съ барахтавшимся въ окнѣ „старымъ моржомъ" былъ уже далеко.

— А онъ, твой старикъ, не вернется?—накинулись мы на Митеньку.

— Нѣтъ. У него денегъ нѣтъ назадъ.

Мы вели Караваева какъ тріумфатора.

— Лиза, получайте имущество.

Та, какъ припала на грудь своему герою, такъ и оторвать ее нельзя было.

— Ай, да мы!—радовался Чижикъ, и хохолокъ на его маленькой головѣ принималъ необыкновенно бравый и побѣдоносный видъ.

1902.

Русскій художникъ въ Венеціи.

Про художника Воробьева говорили, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ, раскрывъ ротъ, въѣхалъ въ Италію, такъ и не закрывалъ его вовсе. Видъ онъ имѣлъ остолбенѣлый, даже и не восторженный, а именно остолбенѣлый, точно до сихъ поръ онъ еще не могъ очнуться отъ новыхъ, нахлынувшихъ на него впечатлѣній. Цѣлые дни онъ проводилъ то въ гондолѣ, не отводя глазъ отъ величаво глядящихся въ воду венеціанскихъ палаццо, то въ шумной толпѣ, весело пробѣгавшей по Мерчеріямъ, по Ріальто, то въ тишинѣ и прохладѣ старыхъ соборовъ, подъ сводами которыхъ носятся еще живыя воспоминанія далекаго прошлаго.

— Что съ вами, Воробьевъ?—спрашивали его немногіе русскіе, жившіе въ Венеціи.

— Эхъ, батюшка!..—И онъ обрывался на этомъ и только крѣпко-крѣпко жалъ руку соотечественнику.

— Ничего не понимаю...

— Вѣдь я прямо съ Васильевскаго острова сюда-то... съ 18 линіи... съ Средняго проспекта. А?..

— Ну-съ...

— Въ томъ-то и дѣло, что Венеція вѣдь!..—И онъ еще крѣпче сжималъ руку собесѣднику и устремлялся куда-нибудь—или подъ колонны Прокурацій, или въ молчаливыя галлереи палаццо дожей, или въ гондолу.

Гдѣ онъ жилъ—никто не зналъ! Чѣмъ питался—было загадкой. Вѣчно въ измятой рыжей шляпѣ на затылкѣ, въ сѣромъ пиджакѣ, очевидно, столько же знакомомъ со щеткою, сколько и съ движеніемъ планетъ небесныхъ, Воробьевъ носился по улицамъ и каналамъ, будто отъ этого именно зависѣло спасеніе его души отъ вѣчныхъ мукъ. Подъ конецъ онъ сдѣлался совсѣмъ неудобопонятенъ. Съ нимъ заговаривали, онъ удивленно подымалъ брови и смотрѣлъ на васъ, точно вы въ первый разъ въ жизни представились его изумленнымъ очамъ.

— Гдѣ вы нынче, Воробьевъ?

— Нѣтъ,—разражался онъ.—Если бы вы видѣли старинную Мадонну Беллини—въ „Редемпторе".

— Что вы по вечерамъ дѣлаете?.. Васъ совсѣмъ не видать.

— Именно, а что же я говорю? Такъ нынче не пишутъ... Вотъ вѣдь и техники не было еще, а какое вдохновеніе по лицу разлито... Точно... Позвольте... Это мы гдѣ же теперь?..

— На площади св. Марка...

— А вы кто такой...—уже совсѣмъ терялся Воробьевъ.

— Послушайте, да вы ошалѣли... Слава Богу, мы съ вами, кажется, пять лѣтъ знакомы.

— Да, это дѣйствительно... А догарессы все-таки найти не могу.

— Какой догарессы?..

— Писать хочу... А ее нѣтъ. Вотъ задача. Что хотите есть, а догарессы нѣтъ. Вы случаемъ не знаете?

— Чего?

— Гдѣ можно встрѣтить... Потому мнѣ необходимо... Вы понимаете, чтобы была тиціановская, волоса...

— Убирайтесь вы къ чорту!..—терялъ терпѣніе собесѣдникъ и отходилъ отъ него прочь.

Слагались легенды. Говорили, что онъ останавливалъ на улицѣ незнакомыхъ и спрашивалъ у нихъ, не знаютъ ли они „догарессу". Я слышалъ, что онъ вскочилъ разъ изъ своей гондолы въ плывшую рядомъ и чуть ли не на колѣняхъ сталъ по-русски упрашивать сидѣвшую тамъ даму быть его „догарессой". Дѣло чуть ли не кончилось въ префектурѣ. Онъ искалъ „догарессу" по темнымъ коридорчикамъ, которые разбѣгаются во всѣ стороны около Ріальто. Гдѣ только его не видѣли! Онъ блуждалъ, переходя маленькими мраморными мостиками черезъ каналы, прятался подъ громадные своды старыхъ дворцовъ и снова выходилъ изъ-подъ нихъ, чтобы затеряться, наконецъ, на бѣлой и пустынной площади. Воробьевъ чуть не до смерти напугалъ пожилую англійскую миссъ, которая съ своимъ краснымъ путеводителемъ въ рукахъ явилась въ академію изящныхъ искусствъ (Accademia delle belle arti). Подходитъ она къ Мадоннѣ, чуть ли не Пальмы старшаго. Стоитъ передъ картиной необыкновенный, дикій молодой человѣкъ, у котораго, вѣрно для разнообразія, одна нога въ сапогѣ, а другая въ калошѣ. Не успѣла еще туристка всмотрѣться, какъ этотъ господинъ ни съ того ни съ сего схватилъ ее за руку и, проговоривъ: „вотъ такую бы именно найти мнѣ", указалъ другою свободною рукою на изображенную художникомъ Дѣву. Англичанка подняла крикъ — Воробьева опять повлекли куда-то... Насколько было правды въ этомъ—не знаю, но что всѣ разсказы о немъ казались возможными—никто не

сомнѣвался! Его встрѣтили на площади св. Марка, прогуливающимся съ салфеткой, засунутой уголкомъ за бортъ и съ вилкой въ рукахъ; въ другой разъ его вернули назадъ, когда онъ вышелъ изъ дому въ слишкомъ недоконченномъ костюмѣ. Наконецъ надъ нимъ стали потѣшаться довольно добродушно и ужъ не удивлялись, когда Воробьевъ надѣвалъ спокойно сидѣвшую на прилавкѣ кошку на голову вмѣсто шапки и, оцарапанный ею, адресовывалъ неизбѣжный вопросъ о догарессѣ взъерошенному такою неделикатностью животному. Въ поискахъ подходящаго типа венеціанской красоты онъ терялъ сознаніе окружающей его обстановки и, переступая черезъ край набережной, падалъ въ каналъ, неожиданно и непонятнымъ ему самому способомъ оказывался въ чужихъ квартирахъ... И все сходило ему съ рукъ довольно счастливо. Будь другой на его мѣстѣ, нѣсколько разъ пришлось бы стрѣляться на барьерѣ. Еще бы!?. Онъ остановилъ на улицѣ двухъ дамъ съ офицеромъ и принялся разсуждать—если бы волоса этой да дать той... нѣтъ, еще лучше, глаза той дать этой. Офицеръ слушалъ улыбаясь непонятную ему рѣчь; дамы тоже ласково улыбались. Сумасшедшій художникъ вскорѣ ихъ оставилъ.

Наконецъ Воробьевъ пропалъ. Привыкшіе къ его чудачествамъ и необычайно взъерошенной фигурѣ люди напрасно спрашивали, куда дѣлась эта странная личность? Какъ въ воду канулъ. Очень можетъ быть, догадывались другіе, что онъ и въ самомъ дѣлѣ утонулъ въ каналѣ или его увезли родные. Я подумывалъ уже, не сидитъ ли онъ преблагополучно тутъ же на лагунахъ въ громадномъ Manicomio—сумасшедшемъ домѣ. Спустя еще недѣли двѣ-три, о немъ со-

всѣмъ забыли. Какъ вдругъ наше сокровище отыскалось.

Сижу я разъ у себя въ отелѣ (я останавливался тогда въ Albergo di Monaco), любуясь въ окно дивнымъ видомъ на Санта Марію-дель-Салюте. Эта чудная церковь, выстроенная венеціанцами въ память избавленія отъ чумы, вся въ статуяхъ, колоннахъ такъ и сіяла подъ солнцемъ, изящно рисуясь голубыми тѣнями, художественными орнаментами, высѣченными изъ мрамора. Она тонула въ чистой и прозрачной лазури, словно не было никакого рубежа между этою суетливою и шумною землею и полнымъ благоговѣйной тишины небомъ. Золотая Мадонна, наклонясь съ величаваго купола, простирала надъ городомъ руки, точно благословляя его. Вѣчно собирающійся улетѣть съ своего бронзоваго шара крылатый Меркурій и теперь былъ наготовѣ и, распустивъ крылья, точно ждалъ на кровлѣ „Доганы" попутнаго вѣтра. Еще лѣвѣе, уже вдали, словно граціозный корабль подъ мачтами, золотилось на бирюзовомъ просторѣ лагуны Санъ-Джіорджіо Маджіоре съ тонкою островерхою колокольней. Внизу — на неподвижныхъ водахъ канала лѣниво скользили черныя гондолы, пыхтѣли маленькіе пароходики, сновала на пристаняхъ и клочкахъ набережныхъ, отвоеванныхъ у воды, шумная и пѣвучая толпа. Мысль погружалась въ сонъ... Я и заснулъ бы, если бы въ дверь ко мнѣ не постучался коридорный.

— Что вамъ, Джузеппе?

— Тамъ васъ старуха какая-то спрашиваетъ... Говоритъ, нужно очень. Дѣло къ вамъ.

— Попросите ее войти.

Маленькая, вся исчезавшая подъ платкомъ женщина живо вскочила въ комнату и давай присѣдать передо мною. Я ее пригласилъ садиться, она заняла уголокъ стула у двери и вытаращила на меня маленькіе слезящіеся глазки. Я ожидаю вопроса, по старушка не говорила ни слова, точно она явилась насладиться видомъ незнакомаго ей „форестьера“ (иностранца).

— Чѣмъ могу служить?—спрашиваю.

Она быстро закивала головою и опять ни слова.

— Я могу быть вамъ полезнымъ?

— Я знаете... содержу меблированныя комнаты.

Меня разбирала досада.

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до этого, я не собирался переѣзжать изъ отеля.

— И мнѣ все равно, потому что мои комнаты заняты.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю...

— Но вѣдь вы русскій? Да? А я по всей Венеціи ищу русскаго... Мнѣ одинъ знакомый говорилъ: пойди къ ихнему консулу на Санъ-Канчіано-деи-Мираколи. Я пошла на Санъ-Канчіано. Говорятъ eccelenza нѣтъ, eccelenza уѣхалъ. Что было дѣлать!.. Наконецъ вчера вечеромъ узнаю, что есть еще русскій и живетъ онъ въ „отелѣ Монако“... Я сейчасъ сюда въ „отель Монако“...

— Что же вамъ угодно собственно?—терялся я въ догадкахъ.

— Видите ли,—и крошечная старушка, перепорхнувъ на другой стулъ рядомъ, замигала слезливыми глазками...—Видите ли... Это деликатное дѣло... Я уже не знаю, что и думать. Не рада, что и пустила къ себѣ такого жильца... Помилуйте.—При этомъ

прыгъ на сосѣдній стулъ еще ближе ко мнѣ.—*Онъ* вѣдь тоже русскій...

— Кто?

— Жилецъ мой... Ничего я противъ него не имѣю. Хорошій, только ужъ не знаю, что и думать. Не пьетъ, не ѣстъ, не моется—сидитъ себѣ за мольбертомъ. Придешь, рукой отмахивается... Я и думаю. Онъ русскій—пойду найду другого русскаго для того, чтобы его урезонили, въ себя привели... Вотъ я и пришла.

— Какъ его зовутъ?

— Вотъ сейчасъ... У меня тутъ записано.

И она мнѣ подала лоскутокъ. Я прочелъ: мяса $^1/_2$ кило 1 фр. 23 сантим., сельдей на 20 сантимовъ... Рыбы... Раковъ...

— Послушайте, это вы мнѣ не то дали...—И я ей возвратилъ бумажку съ хозяйственными записями.

— Какъ не то?—удивилась старуха.

Она взяла листокъ, повертѣла-повертѣла его передъ собою и съ торжествомъ, ткнувъ на какую-то строку, передала мнѣ обратно. Дѣйствительно, между углемъ и капустой значилось: Signor Voroboff, pittore.

— Да это не Воробьевъ ли... Сумасшедшій художникъ...

— Онъ, онъ... Вы его знаете?

— Да, помилуйте, его вся Венеція знаетъ...

— Santa Maria! Какъ я рада. Пожалуйста, пойдемте къ нему... Урезоньте его. Я боюсь, и всѣ остальные жильцы боятся. Помилуйте, вошелъ онъ разъ въ три часа ночи къ спавшему рядомъ съ нимъ чиновнику (тоже у меня комнату нанимаетъ)... На почтѣ служитъ, вы, вѣрно, его видѣли. Высокій такой, красивый... Вошелъ и давай что-то ему горячо объяснять

по-русски. Такъ напугалъ, что тотъ хотѣлъ выѣзжать отъ меня...

— Пожалуй, синьора, я пойду съ вами, только не знаю, что можетъ выйти изъ этого.

Старушка принялась меня благодарить.

Я одѣлся. Мы вышли.

— Далеко это?

— О, нѣтъ...

— Я возьму гондолу.

— Не зачѣмъ... Это сейчасъ за соборомъ св. Марка... Знаете греческую церковь съ падающей колокольней, ну, такъ около. Пять минутъ ходьбы всего...

Разумѣется, пять минутъ выросли въ добрыя четверть часа...

Мы шли узенькими уличками; справа и слѣва тянулись необычайныя съѣстныя лавки съ такими кушаньями, что отъ нихъ православнаго человѣка, пожалуй, только бы затошнило: пьевры, полиппо сепіи, безобразные бѣлые мѣшки съ щупальцами и цѣлою массою бѣлыхъ же, усѣянныхъ бородавками присосковъ, вываливающихся изъ мѣшка, рыбы, состоявшія изъ одной головы, съ выпученными глазами, раковины, изъ которыхъ выдавалась противная красная масса, мелкія ракушки словно груда черныхъ орѣховъ, изрѣдка даже торчалъ громадный омаръ, усы котораго грозили перегородить улицу, такъ она была широка, цѣлыя груды вареной брюквы, броколи, гирлянды чесноку и перцу, гроздья винограда и опять длинные черви, раковины, похожія на сигары, изъ которыхъ высовывались, шевелясь, какія-то безформенныя, похожія на слизь тѣла,—вся эта роскошь,

frutti di mare, собранная со дна лагунъ и каналовъ, откровенно выставлялась въ открытыхъ дверяхъ и окнахъ, а то arrosteria съ массою жареной рыбы—frittura. Къ вечеру отъ нея и хвостиковъ не останется. Тутъ же рядомъ—по переулочку котлы съ горячими каштанами, отъ которыхъ паръ такъ и валитъ въ лицо вамъ. Громадные краббы, похожіе на чудовищныя красныя ладони. Мальчишки бѣгали по сторонамъ, протискиваясь между прохожими, часто оселъ съ двумя мѣшками угольевъ загораживалъ улицу, да и самъ, вдвинувшись въ нее, не могъ уже сдѣлать шагу и останавливался понурясь, пока погонщикъ не снималъ съ него мѣшковъ, подымая въ воздухѣ черное облако... Наконецъ вдали показалась падающая колокольня, и мы вступили на мостикъ, переброшенный черезъ каналъ...

— Вотъ мои комнаты,—показала старушка на необыкновенно ветхій палаццо.

Мраморное кружево его оконъ и балконовъ давно почернѣло, колонны покрылись лишаями, порфирныя, серпентинныя и яшмовыя инкрустаціи, красовавшіяся въ стѣнахъ, вывалились, оставивъ откровенно зіять глубокія впадины, точно живыя раны; стекла въ окнахъ будто поросли мхомъ, до такой степени былъ толстъ слой покрывавшей ихъ исторической пыли и копоти. Начинался отливъ, и весь фундаментъ палаццо, обнажившійся отъ воды, оказался сплошь заросшимъ черными ракушками, зелеными бородами водорослей, темно-синими пятнами какихъ-то морскихъ грибковъ, между которыми суетливо бѣгали паучки и козявки... Величественная арка надъ водой. Въ старину сюда приставали богаторазубранныя гондолы. Мокрыя ступени были скользки, и на нихъ подъ аркой откро-

венно сидѣлъ себѣ молодой парень, свѣсивъ голыя ноги внизъ и насвистывая что-то.

— Томазо!.. Вы опять?..—заорала на него съ мостика старушка, грозя кулачкомъ и браня какъ только умѣютъ браниться итальянки.

Томазо добродушно улыбнулся, всталъ, привелъ въ нѣкоторый порядокъ туалетъ и, лѣниво переворачиваясь, скрылся въ глубинѣ подъ аркой.

— Этакая свинья!—злилась старушка,—этакая каналья!.. Сколько разъ я уже говорила. Мнѣ бы ничего,—тотчасъ же оправдывалась она...—Только, знаете, иностранцы жалуются. Такіе они въ этомъ отношеніи капризные и странные.

Я, разумѣется, не спорилъ съ нею. Мы обошли палаццо съ узенькаго коридорчика-переулка. Масса сѣраго камня, называвшагося дворцомъ, заражала воздухъ острымъ запахомъ гнили и плѣсени, передъ нами широко растворялись какія-то ворота. За ними громадныя и темныя сѣни. Когда глазъ мой привыкъ къ темнотѣ, я различилъ на стѣнахъ остатки старыхъ гербовъ, бюсты, смотрѣвшіе изъ нишъ и совершенно обвитые старою паутиною точно вуалью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штукатурка стѣны обвалилась, и тутъ зіяли откровенно камни, сквозь которые сочилась влага... Я подошелъ къ одному бюсту—смотрю, подъ нимъ круглая, еще уцѣлѣвшая надпись: „Побѣдитель при Лепанто“, а отъ самого побѣдителя осталось только полголовы, да и то безъ носа.

— Я знала, что вамъ понравится мой палаццо. Всѣ любуются имъ,—радовалась старушка.

— Какъ вашъ палаццо? Вѣдь вы содержите въ немъ меблированныя комнаты.

— Нѣтъ... И этотъ палаццо тоже мой...

— Значитъ, вы...

— О, я и говорю объ этомъ, мы разорены теперь... А прежде нашъ родъ былъ великъ и славенъ. Отъ насъ только и остались, что я да вотъ мой племянникъ Томасо.

— Позвольте узнать вашу фамилію?

— Я герцогиня $_*{}^*{}_*$

Признаюсь, если бы меня ударили палкой по лбу, я бы остолбенѣлъ менѣе. Какъ, эта жалкая старуха—герцогиня $_*{}^*{}_*$, этотъ оборвышъ Томасо, изображавшій одноглаваго орла на ступеняхъ дворцоваго выхода въ каналъ,—послѣдній представитель рода, когда-то весь міръ наполнявшаго яркою славой. Чортъ знаетъ что такое! Въ моей памяти мелькнули блистательныя страницы всемірной исторіи—завоеванія Кандіи, Кипра, Сиріи, крестоносцы, бой при Лепанто, осада Вероны, Падуи, сраженіе подъ Болоньей... И изъ этихъ-то $_*{}^*{}_*$—уличный гаменъ, располагающійся себѣ преспокойно для вовсе не величественнаго занятія на выдвинувшихся ступеняхъ когда-то роскошнаго дворца. Чортъ знаетъ что такое!..

— У насъ много такихъ! — вдогонку мнѣ объясняла старуха.

— Есть и князья и графы между нищими. Мы еще дворецъ сохранили, а другіе спятъ на улицахъ.

Громадная мраморная лѣстница.

Очевидно, на этихъ пьедесталахъ по сторонамъ ея прежде стояли статуи — двѣ изъ нихъ вверху еще цѣлы. Квадраты золоченой бронзы украшали потолокъ... Три изъ нихъ темнѣютъ тамъ, грозя, если не сегодня, такъ завтра разбить кому-нибудь голову. Длинныя погребальныя ленты паутины висятъ оттуда и колышутся, когда меланхолическій вѣтеръ вмѣстѣ съ нами

подымается туда и точно считаетъ ихъ, всѣ ли онѣ налицо и на мѣстѣ. Изъ-подъ карниза потолка смотритъ рядъ выцвѣтшихъ портретовъ. Они оборваны. Сырость оставила на нихъ сѣрыя пятна; иногда такое пятно занимаетъ мѣсто лица, и то это лицо виситъ внизъ вмѣстѣ съ отодраннымъ кускомъ полотна, на которомъ оно написано.

— Вы знаете, кто это строилъ?

— Кто?

— Санъ-Совино... А эти портреты писали Порденоне, Чима да-Конельяно и даже Тинторетто.

— Отчего же вы ихъ не продадите?

— Въ такомъ видѣ ужъ ихъ никто не купитъ. Да и жалко—вѣдь все-таки предки.

Широкія окна пропускали очень мало свѣта, потому что стекла ихъ были чернѣе души любого грѣшника. Тѣмъ не менѣе на уцѣлѣвшихъ портретахъ можно было различить руки, опущенныя на рукоятки мечей, мантіи, украшенныя гербами, латы и шлемы. Длинныя надписи подъ каждымъ означали рядъ подвиговъ которые „во времена оны“ совершилъ давно сгнившій и забытый оригиналъ.

Лѣстница вывела въ громадную залу... Она вся въ барельефахъ, фигуры изъ мрамора и гипса сверху смотрѣли внизъ, по стѣнамъ видны были мѣста, гдѣ сіяли когда-то громадныя зеркала. Мнѣ, впрочемъ, некогда было всматриваться въ это—старушка подошла къ одной изъ дверей и таинственнымъ шопотомъ, точно за этою дверью скрывалось кровожадное чудовище, проговорила: „Здѣсь!..“

— О чемъ же я стану говорить съ нимъ?—приготовился я.

— Вы, какъ соотечественникъ, можете образумить его... Меня онъ не слушаетъ, другихъ—тоже.

Когда я вошелъ къ Воробьеву, я на первыхъ порахъ даже его не замѣтилъ.

Маленькая фигурка его пряталась за мольбертомъ. Окно было отворено, и широкіе лучи лились въ эту крошечную и неприглядную комнату. Самъ художникъ, когда я, какъ говорятъ военные, зашелъ ему во флангъ, поразилъ меня до такой степени, что на первыхъ порахъ я даже не нашелся. Онъ сидѣлъ за работою босикомъ, но почему-то въ шляпѣ, воротъ рубахи разстегнутъ да и сама рубашка покрыта разноцвѣтными мазками вдохновенной кисти; между прочимъ, на колѣняхъ его нижняго бѣлья масляными красками, наскоро, на память, намазана какая-то головка, такія же набросаны на валявшихся лоскуткахъ бумаги, кускѣ какого-то картона, крышкѣ футляра для шляпы, на стѣнѣ даже... Что рисовалъ Воробьевъ—трудно было сказать. Я могъ различить только ярко залитую луннымъ свѣтомъ стѣну стараго палаццо съ мавританскими окнами и арабскими тонкими колоннами. По серединѣ этой стѣны балконъ, на балконѣ оставлено пятно... Внизу, вся уходящая подъ тѣнь дома, черная гондола...

— Здравствуйте...

Воробьевъ, видимо, нисколько не изумленный моимъ появленіемъ, даже не обернулся, а только кивнулъ головою...

— Я вамъ говорилъ!..—ни съ того ни съ сего отвѣтилъ онъ на мое привѣтствіе.

— Что вы мнѣ говорили?

— Да вотъ... Ну, и не нашелъ... Переискалъ вездѣ—нѣтъ. Старый тиціановскій типъ вымеръ. Ничего и

не подѣлаешь. Все зарисовалъ... А здѣсь вотъ пятно... Нѣтъ нигдѣ...

— Очень вы неудобопонятны, г. Воробьевъ.

— И отлично... А не знаете ли вы, гдѣ здѣсь мнѣ заказать фракъ. Мнѣ нужно.

— Вамъ фракъ... Зачѣмъ?

— Фракъ и прочее... Что еще къ фраку полагается?

— Панталоны, разумѣется. Если вы ихъ не отрицаете.

— Какіе еще панталоны? — поднялъ онъ на меня удивленный взглядъ, точно въ первый разъ услышалъ необыкновенное слово. — Ахъ, да... Правда. Это все мнѣ надо.

— Одѣвайтесь—я васъ свожу, гдѣ заказать можно...

— Вы не думайте, у меня деньги есть... Да вы кто такой сами?

Я назвался, объяснилъ ему, что онъ довелъ хозяйку до отчаянія, и она отыскала меня, совсѣмъ незнакомаго человѣка, чтобы образумить его.

— Глупости!

— Что такое?

— Глупости, говорю. Мнѣ теперь главное—фракъ... Безъ фрака нельзя.

— Чего нельзя безъ фрака?

— Въ маскарадъ безъ фрака вѣдь не пускаютъ?

— Въ какой маскарадъ?..

— Ну, Господи! Вы все хотите, чтобъ подробно... Я не могу, у меня для мыслей словъ не хватаетъ. Ну, въ маскарадъ желаю, въ театрѣ Россини который. Искать буду... Говорятъ тамъ много венеціанокъ... Правда?

— Не знаю... Не видѣлъ!

— Ну вотъ... А мнѣ непремѣнно тиціановскій типъ... Вотъ сюда,—ткнулъ онъ въ пустое мѣсто на картинѣ.

— Фракъ заказать я вамъ помогу... Пойдемте.

Воробьевъ, какъ былъ босикомъ, такъ и пошелъ было къ двери. Насилу мнѣ пришлось втолковать ему, что на улицу слѣдуетъ одѣться... „Вотъ еще, какія глупости! — недовольнымъ тономъ самъ про себя ворчалъ онъ.—Чего не выдумаютъ“.

— Послушайте, Воробьевъ, да вы дѣйствительно такой чудакъ или прикидываетесь только?

Но онъ уже меня не слушалъ. Мнѣ пришлось опять его убѣждать, что въ туфляхъ на улицу нельзя и не безполезно надѣть галстукъ; но такъ какъ галстука у него не оказалось, то онъ съ необыкновенною находчивостью сорвалъ ленту со шляпы и завязалъ ее сверхъ ночной рубашки.

— Развѣ у васъ нѣтъ крахмальныхъ?

— Нѣтъ, какъ же, есть... Вотъ...—Онъ влѣзъ подъ диванъ и вытащилъ оттуда рубашку, но—увы!—она оказалась неудобной. Вся была зарисована красками. Женскія головки предполагаемаго стараго венеціанскаго типа красовались и на груди и на манжетахъ. Нисколько не смущаясь онъ посмотрѣлъ на одну изъ этихъ головокъ и сталъ ее поправлять кистью, совсѣмъ забывъ о моемъ присутствіи... Едва мнѣ удалось вытащить его вонъ изъ комнаты.

На улицѣ онъ хмурился и потягивался. Оно и понятно,—больше мѣсяца не выходилъ изъ комнаты!..

— Вѣдь теперь будетъ одинъ весенній маскарадъ въ театрѣ Россини?

— Да.

— Ну вотъ. Говорятъ, аристократки бываютъ на немъ.

— Очень часто...

— Я сейчасъ, значитъ. Какъ вы думаете, найду подходящую?

— Вы, Воробьевъ, давно не чесались?—спросилъ я, глядя на его выбившуюся изъ-подъ шляпы шевелюру.

— А что?.. Для моихъ волосъ и гребешка нѣтъ... Я пробовалъ... Вотъ дотроньтесь,—до сихъ поръ зубцы, какъ попали, такъ и сидятъ...

Кое-какъ удалось довести его до портного, гдѣ съ него сняли мѣрку.

— Ну, я васъ теперь не пущу домой.

— Куда же?

— Вы, кажется, еще не ѣли?.. Пойдемте къ Бауэру.

Ресторанъ Бауэра въ Венеціи тогда считался лучшимъ и, во всякомъ случаѣ, самымъ громаднымъ. Теперь я никому не посовѣтую тамъ ѣсть: долго, дорого и не важно. Лакеи — министры. Не подаютъ, а милости оказываютъ, и притомъ на три четверти нѣмцы. Стоитъ для этого ѣхать въ Венецію! Хотите ѣсть хорошо, дешево и весело, идите въ чисто-италіанскіе рестораны: на Мерчеріи—въ Capello nero, въ Vapore, за площадью св. Марка въ Citta di Firenze. Хотите платить дороже, ступайте, тутъ же, подъ Прокураціями, къ Квадри—у него на стѣнахъ кстати картины величайшихъ мастеровъ! Но на этотъ разъ я все-таки потащилъ Воробьева къ Бауэру.

Воробьевъ ѣлъ жадно и самъ не замѣчалъ, что именно. Я желая узнать, притворяется онъ или нѣтъ, требовалъ ему три раза подъ рядъ макароны—онъ даже не изумился. Пилъ онъ все. И только языкомъ щелкалъ.

— Что вы?

— Вкусно.

И опять набрасывался какъ жаждущій верблюдъ въ пустынѣ на источники водные.

— А ѣсть еще не хотите?

— Сладенькаго бы.

Я спросилъ ему соленой рыбы, онъ ее съѣлъ спокойно.

— Понравилось вамъ пирожное?

— Ничего!

Послѣ этого мы отправились за фракомъ. Трудно было представить изумленіе портного, когда я привелъ къ нему злосчастнаго художника! Вокругъ моего новоявленнаго пріятеля заходилъ приказчикъ, созерцая его какъ нѣкоторое чудо. Еще смѣшнѣе все это было потому, что самъ виновникъ торжества неизмѣнно сохранялъ величественный и глубокомысленный видъ и, подойдя къ зеркалу, такъ сосредоточенно, серьезно и пристально любовался собою, что тутъ уже не выдержалъ никто. Кругомъ раздался безцеремонный хохотъ,—настолько безцеремонный, что искатель догарессы вышелъ изъ молчаливаго самосозерцанія.

— Итальянцы... тово... веселый народъ,— замѣтилъ онъ, не соображая, что въ данномъ случаѣ онъ самъ былъ предметомъ ихъ веселости...

Какъ бы то ни было, но мѣрку съ него сняли и обнадежили, что фракъ будетъ готовъ очень скоро.

— Ну, вотъ!..—разрѣшился онъ по обыкновенію довольно немногословною рѣчью.—Теперь знаете?..

— Ничего не знаю!—отвѣтилъ я наконецъ, не дождавшись никакихъ объясненій.

— Я это насчетъ... Если бы рюмочку ликеру. Гдѣ тутъ... ликеръ? Вы не думайте, пожалуйста...

И опять замолкъ.

— Чего не думайте?

— Что я... у меня деньги есть... Вотъ...— И онъ полѣзъ въ карманъ. Тамъ не оказалось, въ другой — съ тѣмъ же успѣхомъ; посмотрѣлъ въ шапкѣ — и въ шапкѣ нѣтъ. Онъ снялъ пиджакъ и зашарилъ позади въ подкладкѣ. Къ крайней потѣхѣ уличныхъ мальчишекъ, вытащилъ изъ прорѣхи кусокъ сахару, невѣдомо зачѣмъ туда попавшій, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на него и спокойно положилъ себѣ въ ротъ, какъ будто это такъ и слѣдовало, потомъ изъ того же „большого кармана" было извлечено: какая-то газета, большая рыбья кость и носовой платокъ, но денегъ не оказалось. Онъ началъ было подозрительно посматривать на свои панталоны. Я уже забоялся, какъ бы онъ тутъ же торжественно не снялъ ихъ, но, слава Богу, все оказалось благополучно. Самодовольная улыбка озарила его лицо. Онъ посмотрѣлъ на меня и захохоталъ.

— Чего вы?

— Нашелъ!

— Деньги?

— Да... Онѣ у меня въ диванѣ.

— Какъ это?

— Просто...— И больше онъ не сумѣлъ объяснить ничего.

Потомъ уже оказалось, что у него сидѣніе дивана подымалось. Онъ пользовался этимъ и бросалъ туда все, по его мнѣнію, мѣшавшее благообразію комнаты — чай, сапоги, грязное бѣлье, старыя книги, краски, комъ гипсу, изъ котораго онъ хотѣлъ было лѣпить что-то, недоѣденную рыбу, пирожки... Туда же попали и деньги...

Мы направились съ нимъ на площадь св. Марка.

Солнце заходило. Мозаики безсмертнаго собора были облиты золотымъ свѣтомъ. Точно зарево охватывало

уголъ палаццо дожей, громадную башню, казавшуюся совсѣмъ розовой, и ту часть площади, которая находилась между ними. Въ то же время подъ арками Прокурацій ужъ сгустились сумерки, и только колонны, на которыхъ покоятся эти зданія, бѣлѣли, выдаваясь наружу. На прощальномъ сіяніи вечерняго неба красиво и рѣзко обрисовывались мраморные зубцы домовъ. Оркестръ военной музыки игралъ что-то, и вся piazza, залитая толпой, представляла необыкновенно оживленный видъ. Отовсюду доносились смѣхъ и крики. Здѣсь начинались и обрывались пѣсни, тамъ продавецъ сладостей и нанизанныхъ на деревянныя шпильки обсахаренныхъ фруктовъ выпѣвалъ однообразное: carameli, carameli, сотни мальчишекъ со спичками совали ихъ въ руки каждому, предлагая купить solfanelli и тѣмъ спасти несчастную семью съ сорока двумя дѣтьми, къ которымъ принадлежалъ и самъ продавецъ, отъ голодной смерти. Въ толпѣ шныряли оборванцы, которые, завидѣвъ туриста, моментально, однимъ взмахомъ руки, съ шумомъ, подобнымъ пистолетнымъ выстрѣламъ, развертывали передъ нимъ цѣлую ленту наклеенныхъ на холстъ фотографій. Малорослыя и неуклюжія, но съ очаровательными головками венеціанки-кружевницы бросали по сторонамъ кокетливые взгляды, которые хватались на лету тутъ же вздыхавшими обожателями, не смѣвшими при строгой мамашѣ или какой-нибудь, иногда взятой напрокатъ изъ табачной лавки теткѣ подойти къ предмету своего вожделѣнія, пока этотъ предметъ не заговаривалъ самъ. Располнѣвшій красавецъ-принчипе толкался тутъ же, сопровождая совсѣмъ уже необыкновенную рыжеволосую англичанку, съ такими выдавшимися впередъ острыми и громадными зубами, что они казались ребромъ жи-

авотнго, которое опа держала во рту. Около кофеенъ масса столиковъ, за которыми сидѣли цѣлыя семьи, истребляющія безконечное количество кофе и мороженаго.

— Откуда вы добыли себѣ такую ворону?—шепнулъ мнѣ на ухо подошедшій пріятель.

— Художникъ такой-то!—представилъ я того.

— Очень радъ...—процѣдилъ вновь пришедшій сквозь зубы...—Очень радъ...

Но не успѣлъ еще онъ окончить, какъ „ворона" вдругъ съ необыкновенно вдохновеннымъ видомъ взялъ его за пуговицу сюртука и произнесъ:

— Нѣтъ, знаете... Сколько вѣдь—а нѣтъ...

— Кого? чего?

— Я насчетъ... Картина у меня... Не могу вотъ найти... Много, а нѣтъ.

— Онъ жалуется на отсутствіе типовъ для его картины. Ему нужна догаресса. Совершенно тиціановская... Онъ много видитъ здѣсь женщинъ, а подходящей—ни одной.

— Вотъ... вотъ...—одобрилъ меня „ворона".—Именно... У васъ слова!

— Не хотите ли?.. Вонъ съ Донъ-Карлосомъ идетъ подъ ручку...—показалъ нашъ собесѣдникъ на англичанку.

— Гдѣ? гдѣ?..—сорвался съ мѣста художникъ.

Ему показали, онъ двинулся наперерѣзъ претенденту, глупо остановился носъ къ носу съ англичанкой, обозрѣлъ ее всю и уныло вернулся назадъ.

— Нѣтъ... Оно точно, но нѣтъ.

— Вѣдь рыжая?

— Да... Но тиціановскаго нѣтъ.

На первыхъ порахъ смѣшно было все это, но потомъ мнѣ стало очень тяжело съ нимъ.

Закатъ отгорѣлъ—купола и мозаики св. Марка, недавно еще охваченные золотисто - розовымъ свѣтомъ, погрузились въ голубой сумракъ. Вершина башни терялась въ немъ. Казалось, что ей нѣтъ конца, она безконечна. Подъ сводами Прокурацій зажглись огни безчисленныхъ магазиновъ. На площади ярко засверкали фонари. Темная ночь охватила толпу гуляющихъ понятнымъ только здѣсь на югѣ увлеченіемъ. Шумъ росъ... Отовсюду неслись напѣвы, полные огня и страсти. Какіе-то непризнанные баритоны и тенора выпѣвали любимыя аріи, не стѣсняясь присутствіемъ толпы. Съ Мерчеріи доносились такіе же звуки. Одинъ оралъ чудесный мотивъ изъ „Фаворитки“, „Spirto gentil“!.., другой громче и громче выкрикивалъ проклятія изъ „Риголетто“. Вотъ нѣсколько голосовъ хоромъ затянули клятву на мечахъ изъ „Гугенотовъ“.

— Хорошо,—вдругъ оживился нашъ художникъ.—Мы даже не ожидали.

— Что хорошо?

— Ночь... Башня та—посмотрите... Гдѣ конецъ... Лѣствица Іаковля... Только ангеламъ и сходить по ней...

Я диву дался. Ворону ли слушаю? Но на него, очевидно, нашло, и онъ не могъ уняться такъ скоро. Выбрасывая слова по обыкновенію быстро и отрывочно, онъ точно не мнѣ говорилъ.

— Теперь... если на каналахъ... выйти чтобъ... ну и послушайте... вся вода поетъ. Тамъ поютъ, здѣсь поютъ... Съ гондолъ поютъ... Съ балконовъ—тоже... Хорошо. Въ Россію не желаю. Въ Римъ гонятъ, я и въ Римъ не хочу. Зачѣмъ? Прощайте...

И онъ порывисто вскочилъ, сунулъ мнѣ въ руку, точно тайкомъ отъ всѣхъ передавалъ спрятать что-то̀, потомъ воззрился на моего пріятеля, произнесъ почему-то—„эге, и вы тутъ“,—хотя тотъ все время сидѣлъ съ нами, и потомъ, снявъ шапку и положивъ ее къ намъ на столъ, пошелъ. Едва удалось его вернуть и нахлобучить ему на голову сіе шапо, иначе не знаю какъ и назвать воронье гнѣздо, которое онъ носилъ на головѣ.

Дня три о немъ не было ни слуху ни духу.

Я сидѣлъ у себя на балконѣ и любовался все на то же несравненное зрѣлище большого канала и его дворцовъ, санъ - Джорджіо - Маджіоре и далекаго Лидо, когда ко мнѣ въ комнату ворвался Воробьевъ. Видъ его на сей разъ былъ еще необыкновеннѣе. То же воронье гнѣздо на головѣ. Бѣлье скомканное и измятое, галстука не полагалось—но зато фракъ съ иголочки. Въ рукахъ онъ несъ старое платье, не завернутое, а точно на продажу. Панталоны, какъ епитрахиль, болтались черезъ плечо, пиджакъ съ жилетомъ навѣсу. Видъ у него былъ столь необыкновенный, что вслѣдъ за нимъ у меня въ номерѣ показались портье, лакей и хозяинъ. По ихъ испуганнымъ лицамъ я сейчасъ понялъ, что въ скромной воронѣ они заподозрѣваютъ по меньшей мѣрѣ убійцу или грабителя...

— Это вашъ знакомый?—спросилъ хозяинъ.

— Не нужно ли чего?—бормоталъ растерянный лакей.

Портье молчалъ, но выразительно подмигивалъ, точно давая знать—вы только прикажите, а мы сейчасъ же распорядимся послать за полиціей.

Я расхохотался и успокоилъ ихъ всѣхъ, только хозяинъ крайне недовольнымъ тономъ счелъ себя обязаннымъ заявить мнѣ, что у всякаго заведенія есть

свои обычаи и что его отличается отъ другихъ избранной публикой, къ которой онъ и причислялъ меня, но что синьоръ во фракѣ съ платьемъ въ рукахъ до того напугалъ на лѣстницѣ даму, жившую у нихъ и вотъ уже третій мѣсяцъ исправно оплачивающую счетъ, что она лежитъ теперь въ истерикѣ.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Помилуйте. Стоя передъ ней, сталъ ее оглядывать, а потомъ забормоталъ что-то про себя и, какъ обожженный, бросился къ вамъ наверхъ.

„Ворона“—точно и не о немъ шло дѣло!

Онъ преспокойно помѣстился себѣ на балконѣ, вынулъ альбомъ для набросковъ и сталъ зарисовывать какое-то лицо...

— Что вы дѣлаете?

— Встрѣтился здѣсь на лѣстницѣ... Всѣмъ бы хороша — но... глаза не тѣ и потомъ волосы... Спрашивалъ почему... Она отъ меня прочь... Дура!..

Рѣшивъ это къ собственному успокоенію, онъ оглядѣлъ себя и, увидѣвъ на плечахъ панталоны, преспокойно поднялся и положилъ ихъ на столъ въ моей гостиной, рядомъ съ альбомомъ и дорогими изданіями...

Прелестный венеціанскій театръ Фениче въ этотъ сезонъ былъ закрытъ, карнавальные маскарады поневолѣ давались въ Ридотто для кухарокъ, лакеевъ и горничныхъ и въ залѣ театра Россини для тѣхъ, кто чиномъ повыше. Мой художникъ совсѣмъ потерялъ голову, если она, впрочемъ, у него была когда-нибудь. Во-первыхъ, онъ не вылѣзалъ изъ фрака, при чемъ иногда забывалъ надѣть вмѣсто ночной крахмальную рубашку, во-вторыхъ, головной уборъ его, взъерошен-

ный видъ, растерянное лицо—до того шли подъ стать карнавалу, что онъ вдругъ сдѣлался здѣсь популяренъ надиво. Его узнавали всѣ, но когда онъ среди масокъ, арлекиновъ, пульчинелли, коломбинъ, турокъ, далматинцевъ, грековъ, китайцевъ появлялся въ пестрой толпѣ Ридотто, публика приходила въ неистовый восторгъ. Вокругъ него начинали плясать на манеръ дикихъ, танцующихъ съ обреченною на смерть жертвой въ центрѣ. Его, впрочемъ, это нисколько не смущало, даже онъ обрѣлъ способность издавать членораздѣльные звуки. По крайней мѣрѣ, онъ началъ говорить съ нѣкоторымъ апломбомъ... Добродушные венеціанцы изъ тѣхъ, что веселились на дешевенькихъ маскарадахъ, вообразили, что русскій юродствуетъ не потому, что онъ и въ дѣйствительности таковъ, а ради карнавала, и это, разумѣется, только способствовало успѣху моего соотечественника.

Разъ вечеромъ, чуть не въ послѣдній день праздниковъ, онъ явился ко мнѣ.

Я собирался въ театръ Россини.

Художникъ вошелъ въ шляпѣ и, по обыкновенію забывъ ее снять, прямо началъ о цѣли своего посѣщенія.

— Ну, вотъ, отлично... Значитъ, сегодня ужъ непремѣнно.

— Что такое?

— Сказано, кажется, вмѣстѣ! Чего тутъ? Глупо даже—право. Именно.

— Говорите толкомъ, что вмѣстѣ — въ маскарадъ, что ли?

— Куда же еще... ей Богу... это даже... знаете. Вчера я мелькомъ видѣлъ, но не догналъ...

— Кого? что?

— Ее... догарессу... Золотые волосы, каріе глаза! Плечи—вотъ! Удивительная. Но она въ гондолѣ мимо плыла... Нельзя было. Можетъ-быть, сегодня...

— Желаю вамъ полнаго успѣха.

— А я сегодня изъ Россіи получилъ...

— Что?

— Деньги... Разумѣется, много... Отецъ выслалъ... Вотъ...

Онъ полѣзъ въ карманъ панталонъ и вытащилъ оттуда сухарь и коробку съ пудрой.

— Нѣтъ, не это...

— Пудра-то вамъ зачѣмъ?

— Какая пудра?

— А вотъ эта.

— Развѣ это пудра?.. Не знаю. Откуда бы?..

Коробка оказалась не вскрытой. Изъ другого кармана показался сургучъ, кусокъ голубой краски и женскихъ кружевъ.

— Это еще что?

— Отъ маски одной... Въ Ридотто. Я ее за хвостъ... Въ рукахъ и остался...

Но денегъ не оказывалось...

Онъ отправился въ задній карманъ фрака и вытащилъ на первый разъ совсѣмъ неразличимую массу. Оказалась сырая рыба, завернутая въ платокъ. На этомъ онъ сидѣлъ, и все обратилось въ лепешку.

— Рыба у васъ откуда?

— Сегодня ходилъ на здѣшніе рынки... смотрѣлъ... купилъ... зачѣмъ только?.. Въ окно можно выбросить?

— Пожалуйста.

Но вмѣсто окна онъ положилъ все это въ свою шляпу. Деньги, наконецъ, оказались. Цѣлая пачка,

свернутая въ комокъ въ оттопыривавшемся боковомъ карманѣ фрака.

— Сколько ихъ у васъ?

— Сколько?.. Не знаю... Сочтите.

Я счелъ, по тогдашнему курсу оказалось довольно.

— Франковъ много?

— Три тысячи семьсотъ пятьдесятъ.

— Прорва... Закучу... Ну, а гдѣ мѣняютъ теперь?.. Потому у меня кромѣ—ничего! Все тутъ.

— Сумасшедшій вы человѣкъ... Теперь банки заперты.

— Тогда, значитъ, вы...

— У меня столько денегъ нѣтъ.

— Ну, хоть немного.

Я ему размѣнялъ сто рублей, онъ швырнулъ ихъ въ шляпу къ платку съ рыбою вмѣстѣ. Пришлось ему напомнить, чтобы онъ рыбу выбросилъ вонъ... Съ нею онъ чуть-чуть не бросилъ въ каналъ и деньги. Остальныя бумажки, неразмѣненныя мною, онъ съ совершенно спокойною совѣстью засунулъ въ спинку дивана.

— Что вы дѣлаете?

— Прячу.

— Зачѣмъ? Вѣдь это у меня же... Вы къ себѣ возьмите.

Онъ недоумѣло оглядѣлъ комнату и только тогда, когда сообразилъ, что онъ не у себя, вынулъ деньги. Я заставилъ его сложить ихъ какъ слѣдуетъ, положилъ ему въ конвертъ, а конвертъ въ боковой карманъ фрака. Затѣмъ позвалъ человѣка и приказалъ ему отчистить пріятеля, что тотъ и исполнилъ, хотя безъ особеннаго удовольствія.

Било одиннадцать часовъ ночи. Площадь св. Марка, когда мы проходили по ней, вся была затоплена на-

родомъ, тѣмъ не менѣе изъ Мерчеріи и другихъ входившихъ подъ ея аркады улицъ стремились сюда же новыя толпы. Точно море гудѣло, расшумѣвшееся подъ могучими ударами сѣвернаго вѣтра. Отдѣльные звуки, хоръ нѣскольких оркестровъ пропадали въ этомъ стихійномъ гулѣ. Едва продвигались въ живой массѣ комическія процессіи съ тысячами фонарей, знаменъ, хоругвей... Вонъ баркайоло съ веслами, одѣтые ради карнавала въ бархатъ. Передъ ними на шестахъ — черная гондола изъ картона и легкаго дерева. Вся она залита огнями безчисленныхъ плошекъ, а въ ней — мальчикъ и дѣвочка въ старыхъ венеціанскихъ костюмахъ, въ парчѣ, въ жемчугахъ, съ напудренными париками... Процессія калѣкъ—слѣпые, хромые, горбуны, карлики и карлицы; чуть ли не полкъ дѣвушекъ въ импровизированныхъ военныхъ костюмахъ. За ними съ пищалками, скалками, трещотками, сковородами и другими мусикійскими орудіями, не пользующимися правами гражданства въ обыкновенное время, слѣдуютъ собравшіеся со всей Венеціи клоуны... Громадный деревянный слонъ, за нимъ корабль, застрявшій, наконецъ, потому, что въ этомъ сплошномъ морѣ ему пришлось сѣсть на мель и сняться съ нея нѣтъ никакой возможности... А отдѣльные типы, отдѣльныя лица! Что за разнообразіе масокъ, костюмовъ!.. Двѣ прехорошенькія рыбачки изъ Кіоджіи, цѣлыя дюжины прелестныхъ кружевницъ изъ Бурано, шумная гурьба мальчиковъ не старше девяти лѣтъ, одѣтыхъ ангелами, рыбами, бутылками, бабочками, птицами, лягушками, и надъ ними громадное, едва справляющееся съ своими ходулями, чудовище съ кабаньей головой, тюленьими лапами и гигантскими крыльями летучей мыши. А по самой серединѣ площади — эстрада, на ней гирлянды

фонарей. Изъ зелени, расположенной въ центрѣ ея, ярко свѣтятъ электрическія солнца... На эстрадѣ танцуютъ — это шабашъ, гдѣ что-то пестрое, яркое, бѣшеное, кричитъ, хохочетъ, поетъ и носится съ головокружительной быстротой подъ звуки невѣдомо кому слышной музыки. Мы съ художникомъ едва-едва могли продраться сквозь толчею, при чемъ въ одномъ мѣстѣ моего пріятеля осыпали мукой, въ другомъ подхватили и завертѣли маски, въ третьемъ насъ обоихъ заключили въ кругъ, составленный изъ всевозможныхъ уродовъ, и мы должны были принять участіе въ ихъ каннибальской пляскѣ.

Растрепанные, сбитые съ толку, оглушенные, но веселые и возбужденные донельзя, мы, наконецъ, очутились подъ сводами Прокурацій и оттуда поспѣшили уйти въ боковую уличку, которая вела къ театру Россини. Толпы и тутъ, впрочемъ, были такъ густы, что намъ приходилось пробираться гуськомъ. Справа и слѣва ярко освѣщенныя лавочки съ маскарадными костюмами полнымъ полны. Венеціанцы и венеціанки, нисколько не стѣсняясь, съ шутками и хохотомъ переодѣвались кто во что могъ, откровенно снимая съ себя все до рубашки. Изъ дверей лавокъ, настежь открытыхъ, въ живыя рѣки, стремившіяся по улицамъ, выбѣгали ежеминутно красныя, желтыя, синія, зеленыя, фантастически закостюмированныя фигуры. Маленькіе съѣстные магазины были тоже наполнены съ верхомъ. Тѣ же маски торопились перекусить кое-что, наскоро, безъ толку. Одинъ глоталъ какой-то противный frutti di mare, другой возился съ пульпой (спрутъ), третій выскакивалъ съ колбасою въ рукахъ, размахивая ею какъ капельмейстеръ палочкой, пока не съѣдалъ ее до хвоста включительно. Обыкновенно безмолвные и

мрачные по ночамъ каналы, на этотъ разъ были лишены величаваго и нѣсколько угрюмаго спокойствія. Когда мы входили на мостъ, переброшенный черезъ нихъ, подъ нами неслись гондолы за гондолами съ цѣлыми хорами и оркестрами любителей, ярко освѣщенныхъ бумажными фонарями... Все это отражалось въ водѣ также пестро и ярко. У меня, наконецъ, закружилась голова. Я уже не помню, какъ мы добрались до театра Россини. Остался въ памяти тотъ необычайно торжественный видъ, съ которымъ искатель догарессы вступилъ въ залу, гдѣ уже игралъ оркестръ и веселыя пары носились, сознавая и импровизируя совсѣмъ непонятные намъ танцы и фигуры...

Я поспѣшилъ въ фойе, предоставивъ моего спутника его собственной участи. Спустя нѣсколько времени, я сталъ его отыскивать, и представьте мое удивленіе, когда этотъ отечественный дикобразъ оказался въ блестящей ложѣ, въ кружкѣ прелестной молодежи. Лицо художника было оживлено свыше мѣры.

— Эге!.. — сказалъ онъ, увидѣвъ меня и перевѣсившись черезъ барьеръ.—Кажется, можно понять бы... Чортъ знаетъ что!

Какъ я ни привыкъ къ нему, но на этотъ разъ не могъ сообразить, что ему надо, и спросилъ объ этомъ.

— Видите вѣдь... Именно... Угощаю... Чего же вы...

— Я пить не хочу. Нашли вы что-нибудь?

— Пока нѣтъ... Но это все равно... Пожалуйте.

Компанія, бывшая съ нимъ, тоже меня приглашала. Я вошелъ, но не успѣлъ еще мой пріятель налить мнѣ въ бокалъ шампанскаго, какъ бутылка выпала изъ его рукъ на полъ, и самъ онъ, вытаращивъ глаза и раскрывъ ротъ, точно окаменѣлъ, не сводя глазъ съ дверей ложи, въ которой показалась снявшая маску

прехорошенькая венеціанка съ цѣлою массой золотистыхъ волосъ на головѣ.

— Ого!..—только и могъ онъ выговорить...—Вотъ она... Ай, да мы...

Хохотъ окружавшихъ насъ принялъ гомерическіе размѣры. Захохотала и вошедшая, польщенная произведеннымъ ею впечатлѣніемъ.

— Да-съ...—потиралъ онъ руки...—это точно...—Но потомъ вдругъ опомнился и, схвативъ за руку ближайшаго венеціанца, чуть не крикнулъ ему на ухо:—Chi è questa signora?..

— Эта дама... Э... такъ, работница...

— Какъ работница, догаресса говорю.

— Нѣтъ... Она на Мерчеріи въ магазинѣ шьетъ...

Художникъ ополоумѣлъ, отчаянно заискалъ въ карманахъ, нѣтъ ли альбома, чтобы зарисовать ее; альбома не оказалось, зато онъ вытащилъ пакетъ съ деньгами, при одномъ видѣ которыхъ догаресса почувствовала къ нему необыкновенное уваженіе.

— Пойдемъ, эге...—приглашалъ онъ ее.—Вотъ это самое, да!..—И при этомъ для пущей удобопонятности сгибалъ локоть кренделемъ и подставлялъ ей. Нанина, какъ оказалось звали ее, нисколько не удивляясь этому, протянула руку ему, и хохотавшіе отъ души молодые люди тутъ же составили цѣлую процессію за ними, когда они пошли по залѣ... Въ этотъ вечеръ я уже потерялъ надежду удержать соотечественника отъ какой-нибудь глупости. Онъ прилипъ къ златоволосой догарессѣ и отъ Нанины не отставалъ вовсе...

— Вы не безпокойтесь за него,—предупредили меня:—Нанина—милая дѣвушка и ничего дурного съ вашимъ пріятелемъ не произойдетъ.

Такъ я и уѣхалъ изъ маскарада.

Дня черезъ четыре, интересуясь, что сталось съ пріятелемъ, я поѣхалъ къ нему въ гондолѣ.

Та же старуха встрѣтила меня на лѣстницѣ своего сырого и мрачнаго палаццо.

— Дома?

— Кто?

— Русскій художникъ.

— Онъ еще вчера уѣхалъ.

— Куда?..

— На ту сторону, на Джіудекку... Какая-то дѣвушка съ нимъ была все время... Я думала, вы знаете.

— Вотъ тебѣ и на, что жъ они поселились вмѣстѣ, что ли?

— Э... молодое всегда къ молодому льнетъ. Тутъ уже ничего не сдѣлаешь. А знаете, что мнѣ только къ сегодняшнему дню удалось привести его комнату въ сколько-нибудь человѣческій видъ.

Я прожилъ въ Венеціи еще четыре недѣли, но художника ужъ не встрѣчалъ нигдѣ.

Въ палаццо ди-Брера открылась выставка.

Я въ это время жилъ въ Миланѣ и въ одно солнечное утро отправился въ знаменитый дворецъ, создавшій въ своей „академіи" не мало талантливыхъ живописцевъ. Къ полному моему благополучію было еще очень рано и въ залахъ, кромѣ меня да какого-то старика, не оказывалось никого. Можно было познакомиться съ новымъ художественнымъ урожаемъ безъ помѣхи. Я быстро миновалъ ученическую галлерею, мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть моихъ прошлогоднихъ знакомцевъ. Что-то дали новаго Риччи или Віанелли, изъ-за которыхъ я выдержалъ, помню, цѣлую бурю

упрековъ отъ представителей стараго режима въ искусствѣ... „Консерваторы“ красочнаго цеха никакъ не могли простить молодымъ maestro ихъ оригинальности, отсутствія правильныхъ линій, реализма, впрочемъ, реализма итальянскаго, не имѣющаго ничего общаго съ грубостью и карикатурой, въ которой выразился фламандскій, напримѣръ, жанръ. Подъ синимъ небомъ, подъ горячимъ солнцемъ, среди яркихъ красокъ, красивыхъ лицъ и красивыхъ движеній, мудрено было бы удариться въ шаржъ, въ уродливость, въ ту помойную живопись, которая, разумѣется, находитъ и будетъ находить поклонниковъ... Вѣдь есть же любители порнографическихъ листковъ и площадной карикатуры, отчего же не быть такимъ же и у помойныхъ маляровъ?

На сей разъ Риччи и Віанелли отсутствовали. Ихъ не было.

Я посмотрѣлъ въ каталогъ оказалось, что они ничего не прислали.

Вѣрно, перекочевали въ Римъ, гдѣ новые художники находятъ лучшихъ цѣнителей и... покупателей. Скромный Миланъ можетъ только выставить картину, а купятъ ее въ Римѣ или Неаполѣ, гдѣ много „форестьеровъ“... Итальянцы рѣдко пріобрѣтаютъ произведенія искусства, если это не шедевры старыхъ мастеровъ...

Было нѣсколько новыхъ картинъ, скульптурныхъ вещицъ, носившихъ на себѣ печать истиннаго таланта. Я спокойно проходилъ мимо, отмѣчая въ своей записной книжкѣ то, что мнѣ особенно нравилось, какъ вдругъ до меня донеслось восторженное восклицаніе старика, ранѣе меня появившагося на выставкѣ.

— Вотъ настоящее сокровище!

Я подошелъ.

— И вѣдь надо же, чтобы лучшая картина принадлежала иностранцу...—злился старикъ. — И фамилія какая-то необыкновенная... Вѣрно, онъ турокъ или, по крайней мѣрѣ, шведъ.

Изумленный географическими сопоставленіями старика и его „по крайней мѣрѣ" я заглянулъ на подпись подъ картиной.

— Это—русскій,—пояснилъ я.

Еще бы—значилась фамилія Vorobieff...

— Не можетъ быть русскій?..

— Увѣряю васъ, я знаю.

— Ну, что вы знаете?.. Что вы можете знать? Я перевидѣлъ русскихъ тысячами. Они покупаютъ картины, но не пишутъ ихъ.

— Вотъ тебѣ и на! Мало въ Римѣ русскихъ художниковъ.

— Я никогда не былъ въ Римѣ! Что такое Римъ, я васъ спрашиваю? Я—миланецъ (sono milanese), — и онъ энергично ударилъ себя въ грудь.—Sono milanese, ессо! И горжусь этимъ. А Римъ намъ не указъ и никакихъ тамъ русскихъ художниковъ нѣтъ, почему же иначе имъ бы не быть и въ Миланѣ?

И онъ побѣдоносно оглянулся на меня.

— Могу васъ увѣрить, что Воробьевъ — русскій. Я самъ русскій, и потому знаю.

— Вы русскій?.. Значитъ, вы покупаете картины?— перешелъ онъ въ дѣловой тонъ. — У меня, синьоръ, есть настоящій Гверчино... Я вамъ уступлю дешево...

— Я не покупаю картинъ.

— Значитъ, вы не любите искусства?.. Значитъ, вы...

— Не потому вовсе... А потому, что у меня нѣтъ денегъ для такихъ покупокъ.

— Эге... нѣтъ денегъ.—И онъ недовѣрчиво подмигнулъ мнѣ глазами.—Какъ же это, чтобъ у русскаго да не было денегъ? Гдѣ же видано такіе русскіе?.. Ну, ужъ это знаете... Скажите просто, что вы у старика Луиджи де-Верме не хотите купить, ну я и удовольствуюсь этимъ. А то на-ко... Денегъ нѣтъ... Да вы знаете, что ни у кого нѣтъ столько денегъ, сколько у русскихъ. Вотъ что, синьоръ, я вамъ могу и въ долгъ повѣрить. Настоящій Гверчино...

Но я рѣшительно отказался и отъ этой сдѣлки...

— Если это вашъ соотечественникъ, — ткнулъ онъ въ картину, передъ которою мы стояли,—то ему можно обѣщать громадную будущность. Это необыкновенно... Я знаю... Я вѣдь самъ профессоръ... То-есть былъ. Теперь молодежь знать ничего не хочетъ, но когда-то Луиджи де-Верме былъ не послѣднимъ человѣкомъ въ академіи ди-Брера!.. Нынѣшніе художники всѣ ушли въ эффекты, въ неожиданности...

Я сталъ всматриваться въ картину Воробьева.

— Да я знаю этого художника!—изумленно воскликнулъ я.

Посмотрѣлъ въ „указатель", читаю „Dogaressa" Воробьева. Онъ, именно онъ и никому болѣе быть нельзя. Всматриваюсь въ черты „Догарессы" и узнаю въ нихъ скромную венеціанскую модистку, встрѣченную когда-то нами въ Teatre Fenice, въ маскарадѣ...

Картина была, дѣйствительно, хороша.

Она написана на Макартовскій манеръ, на узкомъ полотнѣ, точно для простѣнка. На верхней половинѣ сквозной венеціанскій балконъ стараго палаццо, за колоннами балкона сплошная рѣзьба мраморныхъ стѣнъ. На балконѣ „догаресса" чудной красоты, вся въ волнахъ распущенныхъ золотистыхъ волосъ. Луна бьетъ

прямо въ ея блѣдное лицо... Внизу стѣна палаццо и сумрачная глубь смутно набросаннаго канала. Догаресса не то слушаетъ, не то мечтательнымъ, задумчивымъ взглядомъ слѣдитъ, не подплываетъ ли къ ней знакомая гондола...

Мнѣ хотѣлось, какъ можно скорѣе узнать, гдѣ находится чудакъ-художникъ, наконецъ отыскавшій свою догарессу. Я обратился за справками въ контору академіи, мнѣ не могли сказать ничего и послали къ торговцу***.

— Онъ долженъ знать, онъ всѣхъ знаетъ,—пояснили мнѣ.

Я поѣхалъ къ нему, оказалось, что, дѣйствительно, онъ всѣхъ знаетъ. При первомъ вопросѣ о Воробьевѣ онъ сначала расхохотался и потомъ вдругъ сдѣлалъ серьезное лицо и справился, не родственникъ ли онъ мнѣ. Когда я на этотъ счетъ успокоилъ его, онъ опять сталъ смѣяться.

— Ну, если это не родственникъ вамъ, то тогда я могу сказать откровенно, что другого такого оригинала, навѣрное, по всей Италіи не найдете.

— Развѣ онъ и здѣсь себя показалъ?

— Еще бы, если бъ не жена, онъ давно попалъ бы или подъ поѣздъ желѣзной дороги, или въ каналъ, или подъ колеса...

— О какой женѣ вы говорите?

— Да развѣ вы не знаете? Синьоръ Воробьевъ женатъ на итальянкѣ.

— Не на оригиналѣ своей догарессы?

— Да! да! О belissima signora! Лучшая изъ венеціанокъ. Ну, и она любитъ его тоже, на минуту одного не оставляетъ. Такъ и смотритъ, какъ бы онъ чего не выкинулъ.

— Гдѣ же они теперь живутъ?

— Гдѣ-то!

— А гдѣ именно?

— Этого я не знаю. Думаю, что вообще... въ Италіи.

Объясненіе было не настолько точно, чтобы я могъ имъ воспользоваться. Но сама судьба, очевидно, готовила мнѣ пріятную неожиданность встрѣчи съ Воробьевымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого я вздумалъ провести осень на Lago di Como. Тамъ, надъ самымъ озеромъ, среди дивнаго парка есть отличный отель Villa d'Este. Въ немъ собралась вмѣстѣ со мною цѣлая ватага соотечественниковъ,—не такихъ, отъ которыхъ обыкновенно, какъ отъ чумы, бѣжишь за границей, а людей простыхъ, милыхъ и добрыхъ. Такимъ образомъ мы жили очень весело... Разъ какъ-то пришло намъ въ голову предпринять поѣздку по озеру въ лодкѣ. Красавецъ Константинъ, нѣкогда контрабандистъ, побывавшій на каторгѣ и помилованный королемъ, предложилъ намъ свое „бателло“. Мы сѣли. Съ первыхъ ударовъ веселъ были уже далеко. Когда лодка отплыла наполовину озера, вдали сквозь голубыя ущелья показались снѣговыя вершины Швейцаріи. Пахло туберозами. Вѣтерокъ изъ садовъ, окружающихъ озеро, доносилъ къ намъ ихъ густое благоуханіе. Нѣсколько лодокъ уже обогнало насъ, мы просили Константина грести медленнѣе, какъ можно. Такъ хорошо было среди этого затишья. Великолѣпный американскій ботъ на косомъ парусѣ срѣзалъ носъ у нашей лодки. Цѣлая дюжина красивыхъ американокъ, почти по парижской модѣ разряженныхъ до невозможности, пронеслась бокъ-о-бокъ... Кто-то запѣлъ, я весь погрузился въ

счастливое созерцаніе всего окружающаго, какъ вдругъ прямо на колѣни мнѣ попала чья-то шляпа...

— Вотъ именно... Оно самое...—кто-то кричалъ неподалеку.

Изумленный, подымаю голову и вижу—Воробьевъ самолично, швырнувшій въ меня шляпой, изъявляетъ намѣреніе изъ лодки лѣзть прямо въ воду. Закинулъ ногу, лодка качается... Какая-то дама старается удержать его. Я велѣлъ Константину грести въ ту сторону.

— А что я говорилъ?..—послышалось радостное навстрѣчу мнѣ.—Вотъ и оказалось... Чего тутъ еще—ей Богу...

Лодки наши поравнялись... Воробьевъ, невзирая ни на что, перескочилъ къ намъ и ни съ того ни съ сего, уставившись на господина, сидѣвшаго поодаль отъ меня, произнесъ:

— Гдѣ онъ?

— Кто такой?

— Ну, вотъ еще... я спрашиваю... Здравствуйте.

И онъ совсѣмъ незнакомому подалъ руку.

— Такъ вы не можете?

— Что такое?

— Насчетъ его.

— Воробьевъ, меня вы, что ли, спрашиваете?—отозвался я, любуясь этой сценой.

Онъ обернулся и точно только что меня увидѣлъ.

— Не угодно ли... Скажите, пожалуйста, а я думалъ.

Воробьевъ оставался столь же неудобопонятнымъ, хотя одѣтъ былъ съ иголочки. Галстукъ на немъ былъ завязанъ мастерски и даже въ петличкѣ красовался геліотропъ. Очевидно, о немъ заботились.

— Прошу васъ, синьоръ, — обратилась ко мнѣ съ другой лодки сидѣвшая тамъ дама.—Надѣньте на него шляпу.

Я ему передалъ ее. Воробьевъ посмотрѣлъ на мягкую шляпу такъ, точно онъ никогда не видалъ ничего подобнаго, и потомъ, скомкавъ, положилъ ее въ карманъ, точно платокъ. Всѣ кругомъ расхохотались, Воробьевъ нисколько не смутился.

— Ну, чего же? Ко мнѣ теперь... Именно—всѣ.

— Куда къ вамъ?

— Вонъ,—неопредѣленно махнулъ онъ рукою,—туда.

Я счелъ обязанностью представиться его женѣ.

— Мы ужъ разъ видѣлись!—поправила она.

— Гдѣ?—притворился я не помнящимъ.

— Въ театрѣ Фениче... У насъ своя вилла здѣсь. Я и мужъ просимъ васъ всѣхъ пожаловать къ намъ...

— Она всегда...—пояснилъ Воробьевъ,—за меня. У ней словъ много... А у меня словъ нѣтъ!—И онъ съ видомъ безпредѣльнаго и почтительнаго изумленія уставился на собственную супругу.

— Ты бы надѣлъ шляпу. Тебѣ же вѣдь неудобно такъ,—уговаривала она.

— А гдѣ шляпа?

— У тебя въ карманѣ...

Черезъ четверть часа мы приставали къ прелестному саду, примыкавшему къ самому берегу озера...

Что сказать еще?

Воробьевъ счастливо живетъ до сихъ поръ на Лаго ди Комо и все рисуетъ свою догарессу, не зная другого идеала. У нихъ дѣти, на которыхъ отецъ смотритъ

съ удивленіемъ, а мать трепещетъ, какъ бы ему не пришло въ голову вмѣстѣ со шляпой и носовыми платками положить ихъ въ карманъ или продѣлать надъ ними какой-либо иной столь же неожиданный опытъ.

НЕ ОТЪ МІРА СЕГО.

(ОЧЁРКЪ.)

I.

Монахъ-художникъ.

Надъ городомъ Б., весь закутавшійся въ зеленое облако липъ и черемухи, стоитъ Андроньевскій монастырь. Изъ-за вершинъ свѣжаго, словно только что омытаго дождемъ, сада едва замѣтны бѣлыя стѣны келій и красивый силуэтъ собора, колокольня котораго одна свободно возноситъ въ голубыя выси свой золотой крестъ. Любителю сравненій показалось бы, что монастырь нарочно спрятался въ густую чащу и, слегка раздвигая ее, смотритъ, крадучись, на чуждую ему суету люднаго города внизу, на сотни барокъ, привалившихъ къ берегу рѣки, голубые извивы которой уходятъ далеко-далеко, привольно раскидываясь по зеленымъ степямъ, на суетливые пароходы, бѣгущіе внизъ къ Черному морю—туда, откуда въ раннія весны вѣетъ теплый, оживляющій вѣтеръ и цѣлыми стаями слетается въ монастырскія рощи всякая крикливая птица... Съ монастырской колокольни видно еще дальше... Вонъ, на югъ, смутный очеркъ стараго, невѣдомо какъ уцѣлѣвшаго лѣса, а изъ-за него полу-

воздушные бѣлые силуэты церкви, точно это парусъ, затерянный среди туманнаго моря.

— Наша сторонка обителями не оскудѣваетъ!—пояснитъ сопровождающій васъ монахъ. — Это пустынь Евѳимьевская, за лѣса схоронилась, подальше отъ грѣховнаго міра... А вонъ тамъ — ишь, въ мари этой только звѣздочка горитъ: это—куполъ Спасскаго монастыря.

— Да, много, много! — стараетесь вы разглядѣть что-то совсѣмъ уже смутное, пятно какое-то, подъ этой звѣздочкой.

— Оттого и округѣ всей благодать. Ради нашего непрестаннаго моленія — и урожаи и благораствореніе воздуховъ. У другихъ червь, у другихъ жукъ, а у насъ, слава те Господи — ни пресмыкающагося гада ни мухи вредоносной... Все ангелы Божьи крылами своими невидимо отметаютъ... Мы за монастырями, какъ у Христа за пазухой живемъ, ну, и правду надо сказать — народъ здѣсь это очень даже понимаетъ... Обителямъ не токмо уваженіе, но и на благолѣпіе жертвуютъ. Купцы особливо... Колокола у насъ такіе горластые, — поди, въ иной ставропигіальной обители не орутъ такъ... Мы и съ Евѳиміевской пустынью и съ Спасскимъ монастыремъ колокольными языками разговоръ водимъ... Ишь, Спасскаго монастыря-то не видать, а какъ заговоритъ услышишь... Такъ мы моленіе соборнѣ и устрояемъ... Не даромъ сказано— мѣдь звенящая. Духорадостно и умиленно у насъ...

И въ этотъ городъ и въ этотъ монастырь я попалъ совершенно случайно.

Желѣзныхъ дорогъ тутъ нѣтъ, а есть почтовая гоньба съ традиціонными сивобородыми ямщиками и

загнанными клячонками, которыхъ почему-то по всей мѣстности называютъ *чиновниками*.

— Эй, Петро!..

— Чево?—отзывается изъ прохладнаго сумрака недовольный голосъ.

— Запряги-ка пару „чиновниковъ".

— Кого еще чортъ принесъ?..

— Барина...

— А, чтобъ его! .—слѣдуетъ нѣсколько энергическихъ восклицаній, и, спустя нѣсколько минутъ, откуда-то ведутъ пару едва передвигающихъ ноги *чиновниковъ*. Головы опущены, бока втянуты и выраженіе мордъ такое, какъ будто *чиновниковъ* казнить собираются...

Въ городѣ же Б., куда я пріѣхалъ утромъ, *чиновниковъ* совсѣмъ не оказалось.

— Всѣхъ разогнали. На Юрковскую—генералъ поѣхалъ, шестерку забралъ; а на Маймалочную — полковника съ четверкой отпустили... Теперь у насъ только тройка осталась.

— Дайте ее.

— Нельзя никакъ.

— Почему?

— А потому. Кульерскія и подъ штафету... Намъ ихъ отпущать никакъ невозможно... За это еще какъ влетаетъ!.. Помилуйте!.. Въ морду и съ полнымъ удовольствіемъ,—объяснялъ староста.

— Что жъ дѣлать-то?

— Сидѣть!.. Городъ у насъ красивый, съ монастырями... Въ обитель сходите — все же и Богу помолитесь!

Такъ я и попалъ въ Андроньевскую пустынь.

Насмотрѣвшись всякихъ видовъ съ колокольни, сошелъ въ церковь. Вездѣ было пусто, пусто и на дворѣ.

— Гдѣ же у васъ иноки?

— А по благословенію отца игумена на работу пошли. Огороды у насъ,—ну, такъ картошку внѣдряемъ... И капуста тоже. У насъ это первая фрухта... Многаго мы не взыскуемъ, но насчетъ овощи этой можемъ и погордиться, потому нигдѣ по всей округѣ такой не найдешь... У другихъ и вотъ капуста въ трубку идетъ, а у насъ, помилуйте, напыжится пространственно и стоитъ точно купчиха первой гильдіи. Крѣпкая, тучная, отрадная!.. Намъ Господь невидимо споспѣшествуетъ. Теперче у насъ только больные и остались, остальные всѣ на работѣ.

— А вы?

— Я?.. У меня рука сведена... мнѣ работать никакъ невозможно... Я у вратъ сторожу обитель замѣсто псы.

— То-есть какъ же это?

— А такъ... Я для обители—что пса вѣрная... Недобраго человѣка не пропущу—ну, а доброму всякое благоволеніе!

Въ церкви, небогатой и простенькой, мое вниманіе остановили прежде всего образа. Чего тутъ не было! На одной изъ стѣнъ наивный художникъ изобразилъ змія погибельнаго. Пасть его была разинута отъ полу до потолка, и въ самую глотку змія при этомъ устремлялись всевозможные народы и сословія. Франтъ въ зеленомъ фракѣ и красныхъ штанахъ несъ туда букетъ, другой вступалъ въ это неподходящее мѣсто, танцуя и въ это время играя на скрипкѣ... Этотъ особенно понравился моему спутнику.

— Скакаше и играше! Онъ думаетъ ему даромъ это сойдетъ, а его змій къ себѣ тянетъ...

Дама въ невозможномъ кринолинѣ и съ такими губами, которымъ позавидовала бы любая корова, очень скромно шла въ ту же пасть, подъ руку съ козломъ, который, стоя на заднихъ лапахъ, долженъ былъ изображать чорта; дальше — такая же пышная особа, подобравъ юбки, дѣлала какое-то невозможное па.

— Плясавица!—усмѣхнулся на нее монахъ.—Весело ей—сотрясается!.. Како очнешься!—погрозился онъ.

Нѣсколько человѣкъ шли туда же, читая книжки, а одинъ развернулъ газету и самъ не замѣчалъ, по какой дорогѣ она вела его. Желая быть точнымъ даже въ подробностяхъ, живописецъ названіе газеты выписалъ на ней, и—представьте мое удивленіе!—когда я, разобравъ его, увидѣлъ, что въ адъ, въ геенну огненную, идѣже плачъ и скрежетъ зубовъ, неосторожнаго читателя влечетъ именно одна изъ самыхъ смиреннѣйшихъ и скудоумнѣйшихъ газетъ.

Шаги наши отдавались подъ высокимъ сводомъ храма. Полъ его былъ покрытъ каменными плитами, кое-гдѣ на нихъ значились полустертыя надписи. Оказывалось, что тутъ подъ самымъ храмомъ погребены „нарочитые благодѣтели“, коими сія обитель устроялась и обновлялась.

Добрались до иконостаса, — и я вдругъ остановился, совсѣмъ пораженный.

Божія Матерь и Іисусъ Христосъ были написаны во весь ростъ — но какъ написаны!.. Нѣжною, дѣвственною кистью, лучезарными красками, которыя, казалось, теплились подъ вашимъ взглядомъ... Въ лицѣ Богоматери, обращенномъ къ Младенцу, лежавшему на Ея колѣняхъ, сквозила глубокая скорбь. Ка-

залось, Дѣва провидѣла, въ туманѣ будущаго, безлѣсную гору, на ней три высокихъ креста и на среднемъ изъ нихъ распятаго, между двумя разбойниками, этого самаго, такъ безпечно улыбающагося Ей Младенца. Въ благостномъ лицѣ Спасителя—величавое и спокойное произволеніе сіяло въ каждой чертѣ, лилось изъ глазъ Его отрадными лучами. Это были картины въ полномъ смыслѣ слова. Цѣлая поэма человѣческаго духа воплощалась въ каждой изъ нихъ. Глядя на эти чистыя линіи и свѣжія краски, невольно слѣдуя за каждымъ мазкомъ художника, создавшаго ихъ, не одно чувство трепеталось и билось въ груди, — работала мысль, настраиваясь на какой-то особенно цѣломудренный, умиленный ладъ...

— Что это, вамъ образа нашего брата Хрисанѳа понравились?

— Да... Это вашъ монахъ писалъ?

— Онъ самый... Многимъ они нравятся. Оно, дѣйствительно... Ярко и преизможденно...

— Что?

— Преизможденно, говорю... Мождитъ, когда глядишь на оные. Теперь онъ, братъ Хрисанѳъ, распятіе сталъ писать, но его самого недугъ распнулъ и пригвоздилъ къ одру!.. Лежитъ теперь въ обители!..

— Не на работѣ онъ, значитъ?

— Гдѣ ему на работу, помилуйте! Онъ у насъ всегда хлибкой былъ... Тѣломъ хлибокъ, но духомъ великолѣпенъ... Тутъ, въ келью отца игумена, написалъ онъ „Исходъ изъ Египта“... Профессоръ одинъ пріѣзжалъ—такъ даже визжать началъ.

— Это съ чего же?

— Съ восторга... Сколь, говоритъ, сіе удивительно—и сказать невозможно... Побѣжалъ онъ тогда къ брату

Хрисаноу и давай его цѣловать!.. А генерала не можетъ!—вдругъ запечалился привратникъ.

— Кого?

— Генерала, говорю, не можетъ.

— Что генерала? Какого генерала?

— Отецъ Хрисаноъ, говорю... Все онъ можетъ—и ангела, и звѣря-шестилапа, и Спасителя, и святого, какого хошь, а генерала ему не дано... У насъ тутъ генералъ есть. Великій молитвенникъ. Станетъ посере ь церкви на колѣняхъ, ручки воздѣнетъ и вопіетъ: великій я Господу Богу моему грѣшникъ!.. И сейчасъ слезами обольется... Сказываютъ, онъ прежде интендантомъ былъ—такъ нынѣ кается... Вотъ этотъ генералъ познакомился съ братомъ Хрисаноомъ и умолилъ его писать съ себя портретъ, чтобы со всѣми кавалеріями и въ эполетахъ и на конѣ чтобы... Храбро такъ, знаете, и неистово... Братъ Хрисаноъ согласился было, но потомъ бросилъ. Не могу, говоритъ...

— Почему же это?

— Потому генерала ему не дано... Такого дара нѣтъ, чтобы храбрость верхомъ изображать... Ужъ какъ и генералъ сокрушался... Это, говоритъ, меня Богъ наказуетъ... Раскаянія моего не пріемлетъ, потому и праведной рукѣ силы не даетъ изобразить меня!.. Вотъ, говоритъ, царь меня какими кавалеріями пожаловалъ, а что въ нихъ, когда меня Богъ простить не хочетъ... Такъ онъ съ этого самаго случая и началъ!

— Это еще что?

— Шибко пить зачалъ. Отъ огорченія. Долго этотъ генералъ ходилъ пьяный!.. Отецъ игуменъ его встрѣтилъ и укорилъ, ну, и тотъ тоже такое словечко сказалъ, такое словечко... Я, говоритъ, возропталъ!..

Это онъ на Бога-то... на Всемогущаго возропталъ!.. Каково это?.. Ну, и за сіе наказанъ былъ... У Бога, братъ, скоро... Онъ хоть кого оклоушитъ! Сдѣлайте ваше такое одолженіе...

— Какъ же Богъ его наказалъ?

— А самъ генералъ разсказываетъ. Къ празднику онъ черезъ плечо ждалъ, а ему, замѣсто того, кавалерія на шею вышла!.. Богъ, братъ, хоть кого смиритъ!..

— А можно ли видѣть вашего брата Хрисанѳа?

— Сколько угодно. Онъ духомъ-то бодръ, но плотію немощенъ. . Посему отъ нашихъ работъ его ослобонили... Дома онъ теперече, въ кельѣ своей... Съ жасминтомъ пребываетъ.

— Какъ это съ жасминтомъ?

— Съ цвѣткомъ... Въ горшечкѣ у него... Иноческому сердцу тоже иной разъ хочется къ чему-либо прилѣпиться... Бога мы любимъ точно, но и къ слабому чему тоже прилежимъ... Вотъ и братъ Хрисанѳъ. У него жасминтъ чудесный. Онъ за нимъ, какъ за ребеночкомъ ходитъ.

Мы пошли по пустыннымъ дворамъ обители... Въ окна маленькой церкви виднѣлись горящія свѣчи передъ образами, тѣмъ не менѣе двери были притворены.

— Тутъ у насъ по очереди за поминъ душъ благодѣтельскихъ непрестанныя моленія возносятся.

Вошли въ коридоръ. Направо и налѣво, точно въ тюрьмѣ — одиночныя кельи заключенныхъ... Передъ одною мы остановились.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!..—проговорилъ мой привратникъ.

— Аминь!—послышалось оттуда, и мы вошли.

Сильный запахъ жасмина обдалъ насъ. Въ углу кустъ его весь въ цвѣтахъ... Большой мольбертъ, за нимъ мы видимъ только подолъ чернаго подрясника да грубые сапоги...

— Кого Богъ даетъ?.. — молодой симпатичный голосъ, только немного надтреснутъ. Изъ здоровой груди никогда не услышишь такого.

— Гостя вотъ къ тебѣ привелъ... мірского.

За мольбертомъ хозяинъ завозился, отодвигая его въ сторону.

— Я сейчасъ, сейчасъ!..—видимо, смущенно торопился онъ.—Господи, благослови... Проѣзжіе, должно-быть. Многіе на насъ, на черноризцевъ, любопытствуютъ...

— Нѣтъ, я случайно... Образа вашего письма увидѣлъ. Пожелалъ познакомиться.

— Ну, вотъ... Спаси васъ Богъ... Садитесь...—И онъ рукавомъ вытеръ табуретъ, на которомъ только что сидѣлъ.

— Побесѣдуйте,—предложилъ привратникъ,—а я къ вратамъ пойду... Врата-то я заперъ: можетъ, кого и пошлетъ Богъ.

И мой спутникъ оставилъ насъ наединѣ.

Первую минуту мы оба молчали, какъ всегда бываетъ это. Соображаешь, что говорить, чувствуешь какую-то неловкость.

— Издалече-съ пожаловали къ намъ?

— Изъ Питера...

— Вонъ какъ-съ... И я бывалъ тамъ, какъ же-съ... Бывалъ-съ... Жестокій городъ.

— Почему это?

— Жестокій... Изъ граниту весь... И сердца человѣческія тоже изъ граниту-съ, каменные люди въ каменныхъ домахъ живутъ...

— А вы сами откуда?

— Мы—смоленскіе... У меня и пононѣ тамъ отецъ... Торгуетъ...

— Давно вы въ обители?

— Да уже седьмой годъ... Тихо у насъ.

— Но зато и отъ картинъ вашихъ такою тишиной вѣетъ.

— Ни обуреваетъ ничто... Въ мірѣ я работать не могъ, все украдкой, а здѣсь, спасибо отцу настоятелю, благословилъ — пиши, говоритъ, образа намъ... Вотъ теперь Спасителя хочу...

— А въ мірѣ отчего вы не могли работать?

— Отъ любви родительской... Потому у насъ, у купцовъ, совсѣмъ другія понятія... Тятенька, такъ даже били, когда, бывало, увидятъ, — я больше все украдкой... Потому по ихъ дѣлу въ лавку надо—сиди и торгуй... А если духъ этотъ въ тебѣ, призваніе чтобъ искусствомъ заняться — самое пропащее дѣло... Заклюютъ-съ. И чѣмъ насъ больше любятъ, тѣмъ больнѣй клевать станутъ... Это такъ-съ... Тутъ уже и не подѣлаешь ничего. Потому, по-нашему, это погибель!... Спасаютъ-съ... Побоемъ.

— Вы и ушли сюда?

— Нѣтъ, я въ Питеръ попробовалъ, въ академію хотѣлъ. И попалъ было туда...—потупился онъ.

— Ну, и что же?

— Чуть съ голоду не померъ... Ни работы ни привѣта... Люди каменные въ домахъ каменныхъ... И насилу-насилу два мѣсяца одолѣть могъ...

— Потомъ вернулись домой?

— Съ приключеніемъ-съ... У меня три копейки было всего — я въ ночлежный домъ. Ночью полиція нагрянула—взяли, а черезъ недѣли эдакъ двѣ меня по этапу... Сколько сраму-то было... Дома тятенька: лучше бы, говоритъ, ты померъ! Столь ему это горько и обидно показалось. Тутъ же они неумѣренно дѣйствовать стали, грудью-то я поддался... Ослабъ... Кашлять началъ, кровью исходилъ... Наконецъ отпросился на поклоненіе сюда, да тутъ и остался совсѣмъ... У насъ ласково... У насъ не какъ у прочихъ — обитель тихая. Не смутная. Братія простая, лютости нѣтъ... Пишу имъ образа—они и довольны... Краски мнѣ покупаютъ.

— Что это вы теперь работаете?

— Спасителя... Первую встрѣчу его съ Іудой изобразить хочу... И провидитъ Онъ измѣну и предательство Іуды, и муки Свои предощущаетъ, и любовь-то къ душѣ грѣшной въ Немъ растетъ... Знаетъ, что не спасетъ ея, а все-таки мучится за него... за Іуду... И у меня, видите ли, ликъ-то Іуды свѣтелъ выходитъ, потому онъ, Іуда, тоже любитъ Учителя.

— Любитъ и предаетъ?

— И предаетъ, потому безхарактеренъ. Если бы не любилъ—не повѣсился бы потомъ... А онъ любитъ и предаетъ. Въ этомъ-то горечь самая.

— Элементъ трагическаго, — машинально проговорилъ я.

— Чего-съ?

Я повторилъ.

— Это вы по какому же?..

Пришлось пояснить.

— Вотъ это точно-съ... Это вѣрно... А только трудно изобразить это. Сидишь цѣлые дни въ созерцаніи, а

потомъ какъ будто что̀ найдетъ на тебя — мазокъ и прибавится... Вотъ глаза-съ у Іуды, видите ихъ — и любятъ они и фальшивятъ... Я до этого двѣ недѣли-съ добирался. Вымучилъ себя... Теперь, думаю, такъ будетъ вѣрно-съ.

— Ну, а свѣтскаго, кажется, вы не рисуете?

— Монастырь нашъ изобразилъ, какъ онъ за зелень эту прячется, точно пустынникъ отъ скверны міра сего. Сады наши... Лѣсокъ вотъ... А такъ, чтобы мы свѣтское писали—не полагается, да и что писать-то?..

— Мало ли предметовъ.

— Какіе же-съ?.. Пустяки все... Жанръ теперь называютъ, а по-нашему это осужденіе ближняго, жанръ этотъ, потому что образъ и подобіе Божіе въ смѣшномъ видѣ-съ... Не хорошо.

Я невольно улыбнулся этой монастырской логикѣ.

— Даже и священниковъ изображаютъ неподобно... Неистово и піано... Видѣлъ я одну такую картину... „На купеческихъ поминкахъ“, много и изъ бѣлаго духовенства разные это напитки пьютъ... Что же хорошаго! Соблазнъ одинъ. Или плясавицъ изображаютъ. Тѣло женское-съ. Я даже въ Эрмитажѣ, въ Питерѣ когда былъ, такъ возмущался. Помилуйте! Мученицу одну тамъ художникъ написалъ... Терзаютъ ее, а отъ тѣла, измученнаго-то, сладострастіемъ вѣетъ. Точно оно теплое все, бьется... Холеное, бѣлое... Что жъ хорошаго... Иноку не подобаетъ... это дѣло большое-съ...

— Такъ что васъ въ міръ и не тянетъ?..

— Не только не тянетъ, но безъ страха объономъ я и помыслить не могу. Потому что въ немъ — злоба да несчастіе. Другъ дружку уловляютъ. Точно пауки,— сидитъ каждый въ щели и ждетъ... А потомъ выско-

читъ, облапитъ и давай сосать... Что жъ тутъ привлекательнаго? Ничего хорошаго и быть не можетъ!.. А у насъ тихо,—вотъ хоть за окно посмотрите.

За окномъ колыхались вѣтви липъ, едва-едва покрытыхъ еще почками... Голубое небо сіяло ясно и ласково, солнце щедро обливало своимъ тепломъ и свѣтомъ далекіе лѣса... Откуда-то доносилась пѣсня, но только самымъ слабымъ, словно въ воздухѣ трепетавшимъ отзвучіемъ... Отецъ Хрисанѳъ, собравъ крошки хлѣба, нарочно приготовленныя, бросалъ ихъ на подоконникъ. Суетливые воробьи слетѣлись и давай клевать ихъ... „Чивъ-чивъ, чивъ-чивъ", долго стояло въ воздухѣ.

— Мнѣ хорошо здѣсь! — обернулся онъ ко мнѣ. — И никуда не тянетъ,—окончилъ онъ, почти уже враждебно глядя на меня.

II.

Золотая мышь и бутонъ.

Только черезъ два года я опять попалъ въ этотъ далекій, захолустный монастырь.

Тотъ же сѣдой, точно мохомъ поросшій вратникъ встрѣтилъ меня; тѣ же пустынные дворы тянулись передо мною. Въ окнахъ келій не было замѣтно никого, и только громадныя липы, шелестя надъ старою стѣною, нарушали общую неподвижность этого соннаго царства.

— Что, отцы-иноки на работѣ?

— Труждаются. Въ поляхъ... Сѣдни у насъ косьба... Для обительскихъ животныхъ сѣно снимаемъ...

— Это хорошо!—сказалъ я, чтобы хоть что-нибудь отвѣтить старику.

— Какъ не хорошо... Скоты, скоты, а тоже какъ чувствуютъ... У меня вотъ пса... Еретикомъ я его, псу эту, прозвалъ... такъ она больше иного человѣка. Словомъ не можетъ, слова ей не дано—такъ хвостомъ больше. Мнѣ весело, и она хвостъ завьетъ... корючитъ его... и завивъ у псы въ хвостѣ-то легкій... На, дескать, сколь у меня сердце чисто и духъ правъ!

— Гдѣ же у васъ Еретикъ...

— А теперь солнце... Онъ, это, спитъ... Тоже и псѣ спокой требоваетcя... Блаженъ иже и скоты милуетъ!..

— Это точно...

— Еще бы не точно... Кто сказалъ-то!..

— Ну, что, ваши всѣ здоровы?

— Брата Анемподиста о прошлое лѣто похоронили...

— Вона... здоровый какой былъ.

— Подъ Богомъ ходимъ всѣ... Сегодня здравъ, а завтра—воззва къ Себѣ, и ступай въ горнія...

— Что же онъ, отъ болѣзни какой?

— Безболѣзненно и ясно померъ!

— Вотъ какъ!

— Въ единую сикунтъ. Вздумалъ онъ это колокольню у насъ поправлять, взлѣзть-то взлѣзъ, да птицъ ужъ очень любилъ... Щеглы около него завозились. Онъ засмотрѣлся, да самъ сверху турманомъ внизъ... Кинулись мы, а ужъ онъ, голубчикъ-то, и не дышитъ... Такъ безболѣзненно и померъ... И какое произволеніе ему Господне... За обѣдней въ тотъ же день сподобился святыхъ тайнъ!.. Вонъ онъ Богъ-то какъ... Онъ, братъ, знаетъ, когда къ Себѣ призвать! Сдѣлай такое одолженіе...

Я подивился безболѣзненной и ясной кончинѣ о. Анемподиста.

— Еще отца Макарія не стало.

— А онъ какъ?

— Тоже волей Божіей... Десну, нашу рѣку, знаешь?..

— Ну?

— Въ ней и утопъ... Въ разливъ... У него въ женскомъ-то монастырѣ сестра-старуха спасалась, такъ онъ ее провѣдать ходилъ... Ну, назадъ-то ночью ползъ.. И утопъ... Какъ вода спала, и тѣло сего старца благопотребнаго нашли. А только и здорово же его раки объѣли... Ну, мы его честь честью похоронили...

— А гдѣ же братъ Хрисанѳъ? Пишетъ все свои картины?

Вратникъ махнулъ рукой...

— Неужели померъ тоже?—И я вспомнилъ блѣдное лицо и слабую грудь талантливаго художника.

— Лучше бы!.. Бутонщикъ!..—ни съ того ни съ сего изрекъ онъ.—Бутонъ-съ, и при бутонѣ—мышь!..

— Да что же съ нимъ случилось?—ничего не понялъ я.

— Въ голову вдарило!—таинственно наклонился ко мнѣ вратникъ.

— Какъ это?..

— Такъ... Влетѣло невѣдомо откуда...

— Что же онъ, рехнулся, что ли?

— Въ родѣ...

— Съ чего же?..

— Превознесся—и вдарило... Одежды иноческія совлекъ съ себя... Облекся въ краткій!.. Къ плясавицамъ восхотѣлъ... Въ скверну мірскую ушелъ.

— А!.. Монастырь оставилъ, значитъ, совсѣмъ?

— Вотъ-вотъ... Отецъ у его въ Смоленскѣ померъ, большія тыщи оставилъ... Ну, такъ онъ съ этихъ тыщей и кружить пошелъ. Мы такъ полагали — онъ по усердію своему на монастырь все, а тутъ одинъ тоже живопивецъ пріѣхалъ знакомый его. Запирались они въ кельѣ-то, шептались, шептались... А тамъ вдругъ... дѣло-то какое!.. Не хочу, говоритъ, въ вашей обители оставаться... Грѣха пожелалъ. Наши его видѣли... Штаны на ёмъ узкіе, пальтишко-то краткое, тѣсное... Такъ члены не сокровенны и грудь вся отверста, а на груди бѣлая рубаха и на рубахѣ — мышь!..

— Что такое?..

— Мышь, говорю... Подъ самой шеей посадилъ себѣ золотую мышь... Такъ она и сидитъ у него во всемъ своемъ непотребствѣ. Ну, и цвѣтокъ!.. Въ петлѣ-то — цвѣтокъ себѣ насадилъ и ходитъ... Къ намъ приходилъ... Я его постыдить хотѣлъ... Это что, спрашиваю, надѣлъ?.. Бутонъ, говоритъ... Такъ я и сомлѣлъ... Мнѣ, старцу-то, и слово какое... Бутонъ! А? Легко это мнѣ?.. Ну, а мышь зачѣмъ?.. Усовѣстить его думаю... Для галстуха, отвѣтствуетъ. Вижу, онъ обидѣть меня хочетъ—отошелъ... Настоятель самъ долго съ нимъ говорилъ... Что жъ бы ты думалъ? Онъ и настоятеля улестилъ. И какъ улестилъ - то!.. даже благословилъ его настоятель... Гряди, говоритъ, въ міръ... Дарованъ тебѣ талантъ отъ Бога—труждайся во славу Его! А о бутонѣ ни слова... И тотъ съ имъ, живопивецъ-то, который совратилъ его. Тоже пріѣзжалъ... А только нѣтъ!..—одушевился вратникъ немного погодя.—Здѣ пребывающій—отринулъ, а грядущаго не взыщетъ!..

— Ну, это какъ еще—талантъ у него большой!

— На что талантъ-то у него пошелъ. Въ нашемъ городу Вирсавія одна есть... лѣповидная, но при всей

своей лѣповидности—сластолюбивая... Сосудъ грѣховный!.. Такъ онъ опослѣ мытарей-то да образовъ сталъ ее писать... въ срамномъ видѣ...

— Вотъ тебѣ и на!—изумился я.

— Какъ есть... Откровенно, по сіе мѣсто!—черкнулъ себя вратникъ поперекъ груди.—Одинъ нашъ старецъ заходилъ къ нему — плевался. Ты бы, говоритъ, ее прикрылъ... Что же бы ты думалъ, какое онъ ему слово пустилъ. Это, говоритъ, Богъ создалъ!.. А?.. Я такъ полагаю, отъ мыши это на него... Бутонъ — это по глупости, а мышь эта значительна и волшебна!.. Потомъ онъ къ папѣ римской уѣхалъ.

И вратникъ совсѣмъ уже сокрушенно опустилъ голову.

Сталъ я выспрашивать—молчалъ-молчалъ, да вдругъ какъ вскинется:

— Вотъ онъ міръ-то... А?.. Сегодня ряса, длинная, соотвѣтственная, а завтра бутонъ!.. Живописецъ этотъ его все мутилъ—поѣдемъ да поѣдемъ... въ Римъ-то... Ну, долго ли!.. Пришелъ онъ къ намъ прощаться — плакали мы... Что жъ съ имъ дѣлать!.. Благословили... И Вирсавія сія тоже съ нимъ, изъ Люторовъ она—ей легко; а намъ-то, намъ-то каково? Ты только помысли... Совратится онъ тамъ—совсѣмъ совратится!

— Такъ послѣ того и извѣстій о немъ не было никакихъ?

— Были!.. Картину прислалъ!.. Въ подарокъ...

— Какую это?..

— Агарь въ пустынѣ... Отецъ игуменъ во храмъ ее поставили—грѣхъ одинъ.

— Почему?

— Агарь-то какъ онъ изобразилъ—черномазенькую... Сидитъ въ пескѣ и уставилась глазищами... А глазища

у ей большущіе—такъ и горятъ. Замѣсто смиренія — злоба у ее въ глазахъ-то, точно она весь міръ отринуть хочетъ... Передъ ей младенчикъ въ пескѣ барахтается... плачетъ... больше ничего... Песокъ это кругомъ и столь блеститъ отъ солнца, что смотрѣть больно... Падаль тоже въ сторонѣ нарисовалъ... вельбуда... Ребра одни да голова изъ песковъ торчитъ... И въ небѣ птица-грифъ голошейная и стервообразная... Ничего для духа нѣтъ!..

Я, разумѣется, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посмотрѣть на новую картину брата Хрисанѳа.

— Глядѣть-то нечего,—убѣждалъ меня вратникъ. — Ничего въ ей божественнаго нѣтъ. Даже свѣтлаго вѣнчика сіянія у Агари нѣтъ... Видимо — мірской человѣкъ писалъ.

— Да вѣдь Агарь не святая.

— Во еще!

— Вѣрно.

— Толкуй больше... А кому Господь ангела послалъ?.. Агарь не святая... Кто жъ опосля того святой - то?

— Да, постойте. Чѣмъ же это она святой-то стала? Что дѣлала такое?..

— Какъ что?

— Такъ, вспомните, — развѣ были у нея какіе подвиги?

— Разумѣется, были.

— Какіе же?

Вратникъ сначала задумался, потомъ оживился.

— А ты не мудрствуй!..—вскинулся онъ на меня.— Вамъ, свѣтскимъ, оное мудрованіе ничего, а иноковъ соблазняетъ... Ты вотъ теперь въ душѣ моей смущаніе поселилъ... Можешь ли ты это понять? А? Хочешь

смотрѣть картину—смотри, а смущать честныхъ иноковъ не моги... Вы это по князю власти воздушныя, высунете языки, да какъ въ колокольчикъ звоните... А у меня теперь умъ мятется...

— Ну, прости, святой отецъ... Я это такъ.

— Знаю, что такъ... Да ужъ Богъ съ тобой... Я опослѣ у настоятеля спрошу объ Агари... Онъ у насъ все можетъ понимать, даже если и по-гречески... У насъ настоятель знаменитый!.. Носъ какой у его—видѣлъ?

— Нѣтъ.

— Преизбыточественный носъ!.. Поди-ка, у другого игумена найди такой носъ... Всѣмъ носамъ носъ.

— Какая же польза обители отъ этого?

— Величественно!.. У него носъ грецкій...

Въ церкви картина брата Хрисанѳа была забита въ самый уголъ...

Впрочемъ, теперь, когда я посѣщалъ храмъ убогаго монастырька, косой лучъ заходящаго солнца падалъ именно на эту картину... Подъ его желтоватымъ свѣтомъ далеко-далеко уходили золотые пески пустыни... На самомъ горизонтѣ въ желтоватой дымкѣ тонула эта мертвая гладь, и темно-синее небо надъ нею казалось такъ же раскалено, какъ раскалены эти пески... Прямо въ лицо мнѣ смотрѣли съ выраженіемъ ужаса и страданія большіе черные глаза; тонкое смуглое лицо Агари, казалось, застыло, передавъ имъ всю свою жизнь... Рука безсильно опущена внизъ, другая, видимо, царапала песокъ — не окажется ли подъ нимъ воды... Пальцы еще скривлены, еще до половины они врылись... Въ тѣни, которую на желтый песокъ бросаетъ Агарь, лежитъ плачущее дитя... Въ высотѣ, въ недосягаемой глубинѣ раскаленнаго неба, раскинулъ широ-

кія крылья степной коршунъ и точно ждетъ, когда ему можно будетъ выклевать эти большіе, черные глаза брошенной на произволъ судьбы матери, рабыни, такъ жестоко выгнанной ревнивою Саррой изъ ставки ея господина... Нѣсколько подальше, уже полузанесенный пескомъ, виденъ трупъ верблюда... Изъ-подъ песчанаго сугроба, принявшаго очертаніе его тѣла, выдвинулась длинная шея и сухая голова животнаго... Ощущаешь на себѣ ослѣпительный свѣтъ и томящій зной пустыни... Картина производила сильное впечатлѣніе.

— Какъ хорошо!.. — безсознательно повторилъ я.

— Что жъ хорошаго-то... Генералъ нашъ смотрѣлъ— нѣтъ, говоритъ, ничего... Великолѣпія нѣтъ...

— А какъ же хорошо-то надо?

— А вотъ какъ—младенца ей положить на колѣни, голову Агари устремить вверхъ молитвенно и очамъ дать умиленіе. Чтобы видно было, какъ она Бога молитъ послать ей воды... А тутъ грѣхъ одинъ — отчаяніе... Ты погляди въ глаза-то... Развѣ эта Агарь на что надѣется?.. А?.. Вельбуда этого—совсѣмъ прочь, а вмѣсто птицы-грифъ — въ разверзающейся тверди изобразить бѣлаго голубя!.. Вотъ это былъ бы образъ настоящій, а теперь Хрисанѳова Агарь токмо свѣтское мудрованіе обозначаетъ.

— Генералъ вашъ ничего не понимаетъ.

— Генералъ не понимаетъ? Нѣтъ, братъ, у него нынче черезъ плечо! Вотъ какъ. Царь его красной кавалеріей пожаловалъ поперекъ всей груди... Онъ не понимаетъ... Онъ, братъ, въ Смоленской ѣздилъ — съ себя рисовать давалъ тамошнимъ живопивцамъ патретъ... Вотъ это патретъ. Генералъ-то на конѣ и конь подъ нимъ черный, изъ ноздрей духъ такъ двумя вѣтрами и стремится. Въ рукѣ у генерала—сабля на-

голо, впередъ простирается, какъ бы указуя, и въ другой рукѣ у ево—малая хартія!..

— Это еще какая хартія?

— Да, братъ... Не то, что Хрисанѳъ, этотъ живопивецъ съ мозгомъ. Такая хартія, которую ему царь при кавалеріи прислалъ. При каждой кавалеріи вѣдь хартія полагается!.. А внизу подъ конемъ, подъ самымъ брюхомъ-то — солдатики всякіе, такъ и идутъ, такъ и идутъ... А позади — прямо въ хвостъ коню пушка стрѣляетъ, а конь этого совсѣмъ не боится и даже въ знакъ храбрости своей хвостъ трубой держитъ—пали, дескать, сколько хошь...

— Да вѣдь генералъ-то вашъ интендантскій.

— Точно.

— Зачѣмъ же ему пушка и сабля?.. Ему куль муки и рваные солдатскіе сапоги подобаетъ изобразить... А вмѣсто солдатъ обозъ бы надо.

— Ну, это не нашего ума дѣло... Теперь этотъ патретъ у него въ домѣ виситъ... Генералъ на него все утѣшается... Столь это ему отрадно!.. Еще съ сабли-то у него кровь капаетъ, точно онъ всю ее въ человѣческой крови выкупалъ!.. Красная такая. И ротъ отверстъ.

— Это для чего же? Муха влетѣть можетъ.

— Какъ же ей влетѣть, братецъ ты мой, когда онъ неистово „ура“ кричитъ? Саблей машетъ и „ура“ кричитъ...

— Да зачѣмъ же это?

— А что же другое-то генералу, кромѣ „уры“, кричать?.. Не онъ самъ, указано—чтобы „ура“!..

— И похожъ генералъ лицомъ вышелъ?

— Ну, это не то, чтобы. Потому лица не видно... Усы одни.

— Какъ же это?

— А сверху-то козыремъ глаза закрыты... Зато усы—на виду. Усы и отверстый ротъ... Ты бы пошелъ къ генералу-то.

— Къ незнакомому?

— Что жъ, онъ это очень любитъ, ежели кто на картину его любопытствуетъ. Страсть любитъ. Сейчасъ угощеніе...

Къ сожалѣнію, мнѣ такъ и пришлось уѣхать изъ этого захолустнаго города, не увидавъ генерала съ пушкой.

III.

На выставкѣ.

Въ Петербургѣ открылась одна изъ художественныхъ передвижныхъ выставокъ.

Толпы празднаго народа зѣвая слонялись по заламъ, прислушиваясь къ отзывамъ знатоковъ и ничего не понимая... Барыни останавливались преимущественно передъ портретами своихъ знакомыхъ и лорнировали ихъ, какъ живыхъ. Какой-то крупный жидъ съ утра до ночи вертѣлся передъ своимъ собственнымъ изображеніемъ, какъ будто тѣмъ самымъ желая доказать высокое искусство художника, сумѣвшаго нѣсколькими совсѣмъ уже небрежными мазками кисти передать на полотнѣ и эти толстыя чувственныя губы и эти хищные глаза, зорко выглядывавшіе изъ-подъ низко опущенныхъ сѣдыхъ бровей... Баранье стадо остановилось передъ какою-то голою женщиной, тѣлу которой художникъ придалъ совсѣмъ уже некстати лиловый оттѣнокъ, точно она всю себя покрыла вечерними

румянами. У громадной картины — „Іоаннъ Грозный топитъ новгородцевъ въ Волховѣ“,—съ самаго утра не прекращалась толчея. Неувѣренные пріемы художника, несоразмѣрность частностей, особенно старательная отдѣлка однѣхъ деталей, рядомъ съ совершенно небрежно набросанными,—все это совершенно пропадало въ общемъ впечатлѣніи ужаса, охватывающаго зрителей. Талантъ молодой, могучій, еще не вполнѣ совладавшій съ самимъ собою, не умѣющій распорядиться громадными данными, сказывался во всемъ. Спокойное, почти совсѣмъ схимническое лицо Іоанна рядомъ съ ожесточенными, злобными, испуганными, закостенѣвшими въ смертельномъ отчаяніи лицами жертвъ, производило удивительный эффектъ. Какой-то неистовый историкъ, близорукій, весь поросшій мохомъ, придвинулся къ самой картинѣ и, упершись носомъ въ полотно, какъ свинья въ разрываемую ею землю, негодовалъ на допущенныя авторомъ археологическія невѣрности. Но эту крысу никто не слушалъ... „И это сапогъ — той эпохи!“ злился онъ. „Посмотрите, эту шапку стали носить только при Димитріи Самозванцѣ!..“ „Какая прелесть!“ восклицала бархатная дамочка, но и на ея легкомысліе никто не засмѣялся.

— А все-таки Господинъ-Великій-Новгородъ не умеръ! — послышалось изъ толпы.

— Пойдемте-ка я вамъ покажу кое-что, — тронулъ меня за плечо знакомый художникъ.—Тутъ въ уголку есть одна картинка—заглядитесь...

— Чья?

— Совсѣмъ еще неизвѣстнаго... Монахомъ былъ — изъ монастыря ушелъ. Теперь онъ поучился годъ въ Римѣ и пріѣхалъ сюда. Первый разъ выставилъ... Сказываютъ, у него много набросковъ другихъ картинъ.

— Это вы о Чумаковѣ?—перервалъ его длинноволосый артистъ стараго образца.

— Да...

— Боленъ онъ очень... Кашляетъ.

— Да, онъ вообще смотритъ не особенно прочно... Вотъ она, посмотрите...

Верхушка колокольни готическаго монастыря... Изъ стрѣльчатаго окна смотритъ внизъ измученное лицо молодого монаха. Страданіе лежитъ въ каждой чертѣ его. Видимо, измождалъ себя постомъ и молитвой, доканать хотѣлъ и не доканалъ... Въ этихъ глазахъ, устремленныхъ внизъ, столько тоски... Какъ птица, запертая въ клѣтку, бьется жаждущая воли и простора душа въ этомъ хиломъ тѣлѣ... Вдали, тамъ, куда смотритъ инокъ, вся затопленная солнечнымъ свѣтомъ мерещится долина... Туманными очерками круглятся ея пышные сады, едва-едва намѣчивается спокойная рѣка со смутнымъ силуэтомъ горбатаго моста надъ нею, за нимъ, скорѣе отгадываешь, чѣмъ видишь, куполы, шпили и кровли заснувшаго въ золотистомъ свѣтѣ города... Что разглядываетъ молодой монахъ въ этомъ туманномъ маревѣ, что ищетъ его упорный страдальческій взглядъ внизу?.. Худая рука опущена внизъ, за окно... Каждая жилка видна въ ней. Пальцы согнулись, точно хотятъ выдавить ненавистный, горячій, нагрѣтый солнцемъ камень монастырской колокольни.

— Превосходно!

— Да... Большой талантъ виденъ. Посмотрите, какъ все закончено... Ничего лишняго...

— Скажите, вы не знаете, въ какомъ монастырѣ былъ Чумаковъ?

— Въ Б... Это далеко отсюда. Совсѣмъ захолустный монастырекъ на югѣ... на Деснѣ гдѣ-то. Послушникомъ былъ онъ тамъ.

— Да я его знаю... Братъ Хрисанѳъ?

— Вотъ-вотъ, онъ самый... Хотите, поѣдемъ къ нему? Онъ обрадуется.

— Вы съ нимъ знакомы?

— Вмѣстѣ въ Италіи были—еще бы не знать!..

Чумаковъ жилъ недалеко.

— Онъ все солнечную улицу выбиралъ. Тоскуетъ здѣсь по южному солнцу и по своему монастырю!..

Спустя минутъ десять мы уже звонили у его квартиры.

— Хрисанѳъ Иванычъ дома?

— Гдѣ же ему быть... больной лежитъ...—недовольно проворчала какая-то старуха.—Докторъ даве былъ.

— Ну? Сказалъ что-нибудь?

— Ничего не сказалъ, только десять рублей взялъ, и ничего... извѣстно, что они могутъ, доктора.

— Да рецептъ оставилъ?

— Тамъ набрехалъ что-то... въ спальную пожалуйте...

Въ комнатахъ вездѣ были наброски... на мольбертахъ сохли начатыя и на половинѣ брошенныя картины. Точно нетерпѣливая мысль художника не удовлетворялась ни однимъ изъ этихъ сюжетовъ и оставляла его на половинѣ, или просто онъ торопился... Сознаетъ, можетъ-быть, что недолго остается работать, начнетъ одно, а вдохновеніе подскажетъ другое, и хватается за новое полотно... На нѣкоторыхъ углемъ были набросаны какіе-то смутные контуры, понятные только одному ихъ творцу...

— Знакомаго къ тебѣ привелъ... еще въ Б. тебя зналъ...

— Не помню что-то...—поднялось съ кровати худое-худое лицо съ яркими, точно нѣсколько воспаленными глазами. Чахоточный румянецъ игралъ на скулахъ, рѣдкая бороденка измялась... сухая нервная рука старалась наскоро застегнуть воротъ рубашки...

Я разсказалъ ему о первомъ нашемъ знакомствѣ.

— Теперь и я васъ узналъ!.. Какъ же... Вотъ видите—совсѣмъ оставилъ монастырь. Не были вы тамъ послѣ меня?

— Какъ же, въ прошломъ году...

— Ну, что же, кого видѣли?

— Вратника.

— А... отца Іону... Обижается онъ на меня!

— Больше всего за золотую мышь и бутонъ.

Чумаковъ слабо усмѣхнулся.

— Ну, и на Агарь мою негодуетъ... Да, хорошо тамъ было... тихо, спокойно. Работалось чудесно, совсѣмъ не такъ, какъ здѣсь...

— Это почему?

— Въ мірѣ мысль нетерпѣливой становится. Пропасть впечатлѣній — некогда выносить идею... не кончишь одного—другое выростаетъ, за это схватишься—опять въ невиданной яркости и красотѣ третье всплыветъ... Да и нервы шалятъ... а тамъ миръ... благоволеніе, какъ говорили старцы. Помните видъ у меня изъ окна. Вся эта даль, солнцемъ облитая... А жасминъ мой въ углу... для меня одного цвѣлъ... Птицы ко мнѣ летали. Люди простые тамъ, съ ними легко жилось, и требованій никакихъ не было. А тутъ-то, тутъ-то... точно въ водоворотъ попалъ какой-то. Волны кругомъ подымаются... злыя! захлестнуть хотятъ. Всѣ

это бѣгутъ куда-то, и время бѣжитъ... сегодня упустилъ — завтра поздно. Страшно здѣсь... громады эти каменныя, точно тюрьмы большія— грудь давятъ... Дома каменные и люди каменные... Иной разъ, какъ у меня грудь разболится, ночью, такъ и кажется, что всѣ эти гранитныя массы навалились на меня, вотъ-вотъ расплющатъ...

И братъ Хрисанѳъ раскашлялся.

— Ты бы поменьше говорилъ!..

— Э!.. все равно... И не жилъ совсѣмъ... другіе хоть живутъ, а я такъ — прозябалъ все время. Вотъ, если умру, отецъ Іона сейчасъ это объяснитъ... скажетъ — обитель оставилъ — Богъ его и наказалъ... за бутонъ!..

И братъ Хрисанѳъ нервно разсмѣялся.

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ на далекій югъ. Весна въ Константинополѣ была удивительная. Петербургъ еще задыхался въ снѣгахъ, которые никакъ не хотѣли таять подъ живительнымъ дыханіемъ полуденнаго вѣтра, а на Босфорѣ уже цвѣли розы и лиліи, наполняя воздухъ своимъ тонкимъ ароматомъ. Мелодическія волны съ утра шептали что-то уже согрѣтому горячимъ солнцемъ берегу... Мысль погружалась въ какую-то нѣгу. Мечты, какъ легкіе паруса левантинскихъ лодокъ подъ попутнымъ вѣтромъ весны, скользили въ сказочный край феи-фантазіи, чаруя душу нежданною прелестью яркихъ образовъ и чудныхъ звуковъ...

Русскій пароходъ отходилъ изъ Константинополя въ Принкипо. Мнѣ предложили принять участіе въ этой поэтической прогулкѣ. Принцевы острова—самый роскошный уголокъ Босфора. Я отправился, и на столѣ каютъ-компаніи, въ первый разъ послѣ двухъ мѣся-

цевъ, увидѣлъ русскую газету. Пробѣжавъ ее разсѣянно, наткнулся на некрологи.

— Ну-ка, кто вышелъ въ тиражъ? Нѣтъ ли знакомыхъ?..

„Вчера умеръ молодой талантливый художникъ Хрисанѳъ Чумаковъ отъ чахотки"...

Я невольно опустилъ газету.

Дальше слѣдовалъ послужной списокъ покойнаго,— скучный и ничего не говорящій душѣ.

„Городъ каменный, люди каменные!" пронеслось у меня въ памяти...

— Что это вы?—обратились ко мнѣ спутники.

— Умеръ знакомый одинъ...

— Кто такой?.. Какъ его звали?

— Не отъ міра сего...—невольно сорвалось у меня.

Лучше нельзя было подобрать опредѣленія покойному брату Хрисанѳу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.